

М. Н. Вандышев, Н. В. Веселкова, Е. В. Прямикова

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ: МАСШТАБЫ И МНОЖЕСТВЕННОСТЬ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

М. Н. Вандышев, Н. В. Веселкова, Е. В. Прямикова

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ: МАСШТАБЫ И МНОЖЕСТВЕННОСТЬ

Монография

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2022

УДК 303.4
ББК С025.22
В17

Рецензенты:

Л. Я. Рубина, доктор философских наук, профессор;
Ф. В. Николаи, доктор философских наук,
профессор РГГУ, НГПУ им. К. Минина

Вандышев, М. Н.

В17 Индустриальная память: масштабы и множественность : монография / М. Н. Вандышев, Н. В. Веселкова, Е. В. Прямикова ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. — 264 с. : ил. — Библиогр.: с. 226–257. — 300 экз. — ISBN 978-5-7996-3442-1. — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7996-3442-1

В исследовании памяти поколений участвовало восемь городов «старой» и «новой» индустриальности Уральского региона: Алапаевск, Верхняя Салда, Добрянка, Заречный, Златоуст, Серов, Сатка, Соликамск. Привлекая теоретический аппарат современных исследований памяти и индустриальности, анализируя богатый эмпирический материал (групповые дискуссии со старшеклассниками и студентами колледжей и техникумов, интервью с жителями городов (мобильные и стационарные), анкетный опрос представителей различных поколений, ментальные карты и капсулы времени), авторы развивают собственную концепцию индустриальной памяти.

Адресовано социологам, антропологам, культурологам, историкам, всем интересующимся тематикой социальной памяти поколений в условиях трансформации индустриальности.

The study of the memory of generations involves eight cities of the “old” and “new” industrialization of the Ural region: Alapaevsk, Verkhnyaya Salda, Dobryanka, Zarechny, Zlatoust, Serov, Satka, and Solikamsk. Drawing on the theoretical apparatus both of Memory Studies and Industrial Studies, analyzing rich empirical material (group discussions with high school students and students of colleges and technical schools, mobile and stationary interviews with residents of the cities, survey of representatives of various generations, mental maps and time capsules), the authors develop original concept of industrial memory.

Addressed to sociologists, anthropologists, culturologists, historians, everyone interested in the subject of social memory of generations under conditions of industrial transformation.

УДК 303.4
ББК С025.22

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 21-111-00137 «д», не подлежит продаже*

На обложке:

А. Стихин. Алапаевский пруд. 1957 г.

© Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., 2022

ISBN 978-5-7996-3442-1

© Уральский федеральный университет, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Социальная память: методология и методы исследования.....	11
1.1. Как работает социальная память.....	11
1.2. Современные теоретические подходы к исследованию социальной памяти.....	23
1.3. Методический дизайн. Города — участники исследования.....	26
Глава 2. Индустриальность и память.....	35
2.1. Индустриальное общество: историчность и судьба.....	35
2.2. Де- и реиндустриализация как контекст «старой» и «новой» индустриальности.....	38
2.2.1. Быть или не быть заводу.....	42
2.2.2. Деиндустриализация-1: болезненное закрытие градообразующих заводов.....	46
2.2.3. Деиндустриализация-2: ревитализация.....	49
2.3. «Старая» и «новая» индустриальность.....	67
2.4. Индустриальная память.....	75
2.4.1. Индустриальная память: концептуальные основы.....	77
2.4.2. Индустриальная память: пять свойств.....	80
2.4.3. Советское полезное/трудное прошлое и милитаризованная память.....	101
Глава 3. Как ухватить память поколений: событийные ряды, ментальные карты и капсулы времени.....	110
3.1. Память поколений как теоретико-методологический фокус.....	111
3.2. Событийные ряды: поколенческие разрывы.....	114

3.3. Места памяти в индустриальном городе: ментальные карты.....	128
3.4. Работа социальной памяти: капсулы времени.....	142
3.4.1. Культурная практика капсул времени: от мировой традиции к опыту небольших уральских городов.....	143
3.4.2. Методика капсул времени: опыт использования.....	159
Глава 4. Индустрия памяти: матрица музеев небольших городов.....	170
4.1. Музей: модели и функции.....	171
4.2. Музеи (историческое прошлое) в городах «старой» и «новой» индустриальности.....	178
4.3. Музеи образовательных организаций: между экспонированием и интерактивностью.....	194
4.4. Корпоративные музеи: поиск способов презентации.....	211
Заключение.....	222
Библиографические ссылки.....	226
Список сокращений.....	258
Предметно-именной указатель.....	259

ВВЕДЕНИЕ

По Уральскому региону рассыпано множество небольших городов, чье основание и развитие связано с волнами освоения пространств. Волею судеб Урал оказался рубежным регионом, который пронизывает множество дорог, связывающих огромные масштабы страны в единое целое. Это пространство в каких-то местах очень концентрированное, густонаселенное, а где-то практически пустое и обезлюдившее.

Уральские индустриальные города обладают ярко выраженной спецификой, обусловленной а) особенностями российских городов вообще, в которых Вячеслав Глазычев находил неистребимый слободской, антигородской дух, и б) советской ускоренной индустриализацией и урбанизацией. Если старопромышленные территории Европы и США изучаются с точки зрения повсеместной деиндустриализации (в восточноевропейских странах сворачивание предприятий дополнено знаками освобождения от навязанного социалистического режима) и переизобретения в новом качестве, то в российских промышленных территориях ставка делается, как правило, на новый виток индустриальности.

Идея данной монографии в том, чтобы проанализировать, как множественность масштабов памяти проявляется в городах с большим весом индустриальности и разным объемом социально-культурного наследия. В чем состоит работа памяти, обеспечивает ли она темпоральную целостность прошлого, настоящего и будущего? И если да, то каким образом?

Индустриальность как качество социального пространства во многих российских поселениях сталкивает дискурсы де- и реиндустриализации. Проведенные нами ранее исследования показали, насколько сильна инерция советского прошлого, прославленного достижениями первостроителей и тружеников тыла, которая может предопределять колею развития поселения как исключительно промышленного моногорода. Интерес представляют

связь состояния города и доминирующего технологического уклада, а также отрасли — драйверы социально-экономического развития территории. Источником социологической проблематизации в данном случае выступают классические труды об особенностях городской жизни Г. Зиммеля и представителей Чикагской школы (Л. Вирта, Р.Э. Парка, Э. Бёрджесса); актуальными представляются, в частности, идеи о зонировании городского пространства в зависимости от функциональной и символической значимости. В последующих исследованиях отметим внимание к практикам использования тротуаров, парков, других элементов города (Дж. Джекобс), которые в неомарксистском течении анализируются как практики производства пространства, осуществление права на город в низовых тактиках слабых в противоположность стратегиям сильных мира сего (Лефевр, де Серто, Харви, Вакан и др.).

Сегодня индустриальные территории являются проблемой в контексте традиционного понимания наследия, акцентирующего исключительность, эстетическую привлекательность и т. п. [Чепайтене 2010, 2016]. На постсоветском пространстве индустриальность прочно ассоциируется с «советскостью», с соответствующим шлейфом негативных и позитивных коннотаций. Советская индустриальность наслаивается на досоветский опыт и соседствует с современными индустриями, при этом возникает методологическая проблема прояснения критериев разделения «старой» и «новой» индустриальности, которую мы разрабатываем в соответствующем разделе книги.

Каким образом из отдельных событий образуется цельная картина прошлого, каким образом сплетаются события дореволюционного, советского и постсоветского прошлого? Как это прошлое актуализируется в настоящем и что из этого хотелось бы передать в будущее? Эти вопросы обсуждались в 2018–2019 гг. на групповых дискуссиях старшеклассников и студентов техникумов и колледжей, в индивидуальных интервью — стационарных и мобильных, когда горожане водили нас по тем местам, которые хотели показать. В эмпирическую базу исследования вошли также материалы анкетирования представителей молодого поколения и их родителей в изучаемых городах, ментальные карты и капсулы времени, которые создавали участники всех групповых дискуссий, а ментальные карты — также и взрослые участники интервью. Кроме того, мы изучали издаваемую в этих городах краеведческую литературу, следили за публикациями в местной прессе, в тематических группах в социальных сетях.

«Речь не о приятном, а о памяти» — эту емкую фразу из паблика «Подслушано в Добрянке» мы уже использовали однажды в качестве эпиграфа, она действительно концентрирует в себе противоречивую природу социальной памяти. Когда память не что-то абстрактное, а то, что побуждает к обраще-

нию с большим количеством вопросительных знаков: «А какие памятники оставит Добрянка для будущего... или не будет ничего приметного????», то, что становится темой оживленной переписки в социальной сети. Этот небольшой сюжет прекрасно иллюстрирует ключевые направления нашего поиска, поэтому позволим себе привести несколько выдержек¹.

1. Мультискалярность — взаимодействие различных, больших и малых масштабов пространства и времени:

Если о будущем... то, трубы ПГРЭС... могут остаться... некоторые храмы... Река Кама останется... может лес... а больше какие памятники? Писателей хотя бы русского уровня там нет... артистов федУровня тоже... КВН и тот умер... (здесь и далее в цитатах подчеркнуто нами. — М. В., Н. В., Е. П.)

2. Взаимодействие между поколениями:

Вот я и пытаюсь уточнить... зачем будущему поколению нынешние борохло со своими устоями и порядками?? Возможно они нас не поймут и им это совсем не нужно... Надо сперва у них спросить... надо это им или нет??

3. Проблематика наследия — что стоит помнить и сохранять, а что не стоит:

Так это проблема волнует не будущее поколение, а нынешнее. Очень хочется после себя что-нибудь оставить, не лопух на могиле, а что-то серьезнее, лет на 100–200, а желательно на 500... пластиковые бутылки в лесу, например².

Анализ проблематики памяти позволяет зафиксировать метаморфозы коллективных представлений о значении индустриального пространства, несущих в себе довольно высокую долю «советскости». Представления о стратегиях развития территории в формате «старой» и «новой» индустриальности хорошо сочетаются с советскими и постсоветскими коннотациями.

Потенциал территории, основанный на стратегиях советского индустриального прошлого (поддержание стабильности), плохо сочетается с практиками жизнеобеспечения населения в обществе хронической неопределенности.

---

¹ При цитировании материалов из социальных сетей стиль, орфография и пунктуация источника сохраняются.

² А какие памятники оставит Добрянка для будущего... или не будет ничего приметного???? Подслушано в Добрянке // ВКонтакте. 09.08.2019.

Исследование множественности масштабов социальной памяти, сочетание старого и нового, коллективной и индивидуальной памяти на примере конкретного поколения становится основой для понимания выбора им места проживания, отношения к пространству собственной жизни. Значение места (его притягательная сила) обусловлена (спровоцирована) наслоениями опыта, переживаний и чувств различных поколений.

Глава 1 монографии посвящена описанию теоретических оснований и методического дизайна исследования. Нам представляется важным дать максимально полное описание инструментального аппарата. Для реализации проекта мы разработали оригинальные методические решения, направленные на исследование работы памяти: наши информанты конструировали событийные ряды, связывая события разных масштабов в единую картину прошлого и настоящего, рисовали ментальные карты, в которых зафиксированы места памяти, писали послания в будущее («капсулы времени»). Надеемся, что такое доскональное описание исследовательского инструментария убедит въедливых читателей в надежности наших выводов.

В главе 2 речь идет о различных аспектах индустриальности. Индустриальность рассматривается как судьба, не исключая, однако, влияния случая, точнее, действия вполне конкретных акторов. Глобальные процессы де- и реиндустриализации выступают контекстом интересующих нас явлений «старой» и «новой» индустриальности. Реальность изучаемых городов представляет много свидетельств деиндустриализации как болезненного переживания процесса остановки, закрытия, отмирания, но есть и элементы ревитализации, особо мы останавливаемся на роли художественных практик.

Центральное понятие индустриальной памяти раскрывается через непосредственно фиксируемые и аналитически реконструируемые свойства, такие как 1) короткая память; 2) всемогущество, достижения и преодоление; 3) массовость и контроль; 4) травмированность; 5) индустриальная память как советская.

В главе 3 демонстрируются различные аспекты коммеморативных практик населения небольших уральских городов. Деление этого раздела на фрагменты опирается на разработанные методические решения, однако их конфигурация подчиняется общей логике работы социальной памяти. События, по задумке, воспроизводят структурные элементы дискурса прошлого, размечают в памяти более и менее важные вехи. Они создают сообщества, давая не просто общую фактуальную базу, но и порождая привязанность, имеющую как темпоральное, так и пространственное измерение. Инвентаризация и каталогизация событий позволила зафиксировать базовые компоненты городской идентичности, а также проверить на устойчивость аргументацию так назы-

ваемого поколенческого подхода. Данные нашего исследования не показали существенной разницы между представителями молодого и старшего поколений. Сквозными событиями, указанными информантами, стали победа в Великой Отечественной войне и события индустриальной истории, именно они связывают поколения больше всего, задавая каркас локальной идентичности. Этот тезис тоже из области работы памяти и активации воспоминаний, но уже затрагивает визуальные аспекты.

Мы предлагали участникам исследования создавать ментальные карты своих городов. В этих документах содержатся важные и значимые места, наполненные личным опытом информантов. Эти карты воспроизводят образ города и фиксируют его наиболее важные черты, таким образом позволяя рассуждать об аутентичности наших городов. На рисунках информантов часто встречаются заводы, природа, жилье, дороги, магазины, различные объекты социальности. Некоторые ментальные карты отличаются сингулярностью, а некоторые — богатой контекстуальностью. Все это свидетельствует о разных способах работы памяти и о том, как индивидуальный опыт жизни в городе сливается в общегородское (коллективное) представление о нем.

Ментальные карты, равно как и событийные ряды, показывают, каким образом связывается прошлое и настоящее. Для того чтобы выяснить, как эта нить разворачивается в будущее, мы использовали метод создания посланий для «капсул времени». Проведение нашего исследования пришлось как раз на массовые вскрытия таких капсул, заложенных в честь 50-летия революции. Исследовательская интуиция, побудившая обратиться к таким документам, позволила выявить процесс смещения темпоральной разметки и изменения смысла событий, — значимость событий меняется в зависимости от политики памяти. Официозные послания середины 60-х гг. XX в. практически не содержат упоминаний об окончившейся совсем недавно Великой Отечественной войне. Этапным, узловым событием является Октябрьская революция. Но со временем такие событийные последовательности перекодируются: в современных капсулах времени о революции совсем не вспоминают, но активно тематизируют Великую Отечественную войну. В тех посланиях, что мы предлагали создать участникам исследования, ярко выражен коммуникативный мотив своеобразного диалога с будущим. Небольшой город часто представлен как проблемное место, которого следует избегать. В главе 4 мы рассуждаем об индустрии памяти, об институтах, реализующих функции сохранения и передачи памяти, — о музеях трех типов: краеведческих, школьных и корпоративных. Насколько эти музеи связаны с работой памяти в индустриальных городах? Способны ли такие музеи отвечать запросам современного человека, привыкшего к практикам медиапотребления?

Использованные в монографии материалы были собраны в рамках исследовательского проекта «Масштабирование социальной памяти поколений в городах “старой” и “новой” индустриальности» (№ 18-011-00456), поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований. Кроме того, мы привлекали материалы предыдущих проектов: «Места памяти в молодых уральских городах: особенности построения идентичности» (№ 13-13-66010 а(р)), поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) и правительством Свердловской области; «Динамика практик и стратегий жизнеобеспечения населения моногородов» (№ 10-06-96021), реализованного при поддержке РФФИ и правительства Свердловской области.

Мы выражаем сердечную признательность нашим информантам, а также всем тем, кто содействовал, консультировал, проявлял заинтересованность в реализации исследовательского проекта и написании монографии. Обобщение, сравнение полученных данных привело к описанию ситуации, которое конечно же может отличаться от высказанного нашими участниками. Мы старались максимально этично и бережно использовать полученный материал, дабы не нанести никому ущерб своими, возможно не всегда удобными, выводами.

Глава 1

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Как работает социальная память

Если память — река, несущая из года в год, из века в век информацию о былом, то как причудливы ее изгибы, какой мутной бывает ее вода! Эта метафора нуждается в уточнении: дело не только в том, что по пути часть информации теряется, искажается и потому «вода» мутнеет. Принципиально важно также и то, что формируется под воздействием ландшафта настоящего. Здесь уместно вспомнить программное высказывание одного из основоположников школы «Анналов» Люсьена Февра:

Человек не помнит прошлого, — он постоянно воссоздает его. Это касается и такой абстракции, как отдельный человек, и такой реальности, как человек, являющийся членом общества. Он не хранит прошлого в своей памяти подобно тому, как северные ледники тысячелетиями хранят в своей толще замерзших мамонтов. Он исходит из настоящего — и только сквозь его призму познает и истолковывает прошлое [Февр, 21–22].

Таким образом, память не просто доносит до нас информацию о минувшем, но актуализирует ее, исходя из особенностей сегодняшнего дня, которые задаются взаимодействием различных акторов на социальной арене. Под социально-исторической памятью, подчеркивает Патрисия Леви,

я подразумеваю, что продукты памяти с необходимостью размещаются в социальном контексте — контексте, который воплощает аспекты социального окружения, в котором первоначально произошло историческое событие, и политико-культур-

ную экономию, в которой был произведен данный артефакт памяти, возможно, годы или десятилетия спустя [Leavy, 1.3].

Знаменитое «покаяние»¹ конца 1980-х произвело и «незапланированные эффекты», включая разрушение «идеализированного образа советского народа и советской истории». *Ее героизацию резко сменила кампания ненависти к собственному прошлому, воспитания неприязни к своей истории и самоуничтожения.* «Советский народ» оказался в принципе не лучше «немецкого народа», а русские оказались виновны в поддержке преступлений сталинского режима. «Баланс восприятия постоянной составляющей европейской истории “русские — немцы” изменился в пользу немцев не столько за счет повышения оценки немцев, сколько за счет умаления русских», — писал тогда доктор философских наук, директор Центра социологии национального самосознания Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИС и НП) А. Г. Здравомыслов [Здравомыслов, 106].

Если общество устроено по жесткой схеме с опорой на абсолютные идеалы, то совершенно очевидно, что рано или поздно накопится критическая масса отклонений от идеала — просто потому, что реальная жизнь никогда не бывает идеальной. И тогда возникает потребность в покаянии. Волна самобичевания актуализирует другую потребность — позитивных оснований для построения идентичности: чем-то же нужно гордиться. Что же такое покаяние: выкопать и выбросить труп предка и блаженно искать дорогу к храму?

С начала перестройки в нашем обществе отчетливо обнаруживаются два периода флуктуаций общественного настроения, связанных с так называемыми демократическими играми. Первый этап, демократизация конца 1980-х, эпоха «покаяния», когда попытки развернуть сценарий 1960-х гг. (обращение к идеям Ленина, измененным и дискредитированным Сталиным) вылились в осуждение социализма и радужную эйфорию в мечтах о демократическом обществе всеобщего благосостояния по западному типу. Второй этап начинается с «отрезвления» середины 1990-х, когда оказалось, что до желаемого благоденствия еще шагать и шагать. Одним из результатов всеобщего разочарования стал миф о счастливом советском прошлом², а значимость ряда

---

¹ Ключевой точкой этого процесса можно считать демонстрацию художественного фильма «Покаяние» Т. Абуладзе. Воздействие этого фильма трудно переоценить, его считали знаком необратимости демократических перемен. «Покаяние» было готово к прокату уже в 1984 г., но вышло на широкий экран только в 1986–1987 гг., тогда его посмотрело 13,6 млн зрителей.

² Миф в данном случае рассматривается как «комплекс стереотипов, рождаемых современными жизненными практиками» [Черныш, 17].

политических свобод начинает подвергаться сомнению. Это закономерная реакция на быстрое расставание с идеалами. Как выразился Фредди Рафаэль,

интерес к прошлому и реабилитация традиции часто обусловлены тем паническим чувством, которое вызывают резкие изменения в обществе, желанием влезть в одеяния деда, «как в другую жизнь», из страха потерять всякую точку опоры, какой бы то ни было ориентир для нахождения своего места в стремительно меняющейся жизни нашего века [Рафаэль, 230].

Мельтешение картинок в калейдоскопе ценностей порождает неизбежную ностальгию, возникает некая иллюзия утерянного, включается эффект «идеализации прошлого». Память как некий «перемалывающий действительность» механизм выдает конструкции в зависимости от наших пожеланий — того, что хотелось бы помнить. При этом нужно иметь в виду, что у разных общностей разная память; также следует учитывать феномен утраты на уровне общества в целом «консенсуса в отношении того, что стоит помнить в нашей сегодняшней ситуации» [Хаттон, 392]. Как переплетаются и в какую игру вступают эти три аспекта («внутреннее» стремление, «внешнее» регулирование и множественность памятей), мы будем рассматривать на протяжении всей книги.

Виды и образы памяти. Рассмотрим некоторые эффекты функционирования памяти в обществе, используя понятийный аппарат, описывающий социальную, коллективную, семейную, индивидуальную, коммуникативную и культурную память. Базовым выступает понятие *социальной памяти*, поскольку нас интересует *социальная* природа памяти, память как *социальный* феномен, согласно концепции Мориса Хальбвакса [Хальбвакс 2005, 2007].

Движение воды — ключевая метафора и памяти, и более общей категории социального времени в трудах социологов и историков, предвосхищающая знаковый эпитет текучей, или жидкой, современности у Зигмунда Баумана [Бауман 2008]. Жорж Гурвич в своей книге «Спектр социального времени» 1964 г. использует сравнение с приливами и отливами, чтобы ввести элемент движения в тотальный социальный феномен — концепт, взятый им на вооружение у Марселя Мосса³: «Мы определили Социальное Время как *конверген-*

---

³ М. Мосс в своем «Очерке о даре» (1925) рассматривает социальную сущность дара в широком контексте системы договорного права, системы экономических поставок и проч., т. е. «огромного комплекса фактов, каждый из которых сам по себе очень сложен». «...В этих “тотальных” (“целостных”), как мы предлагаем их называть, социальных явлениях, — пишет Мосс, — одновременно находят выражение разного рода институты: религиозные, юридические и моральные — и вместе с тем политические и семейные; экономические, предполагающие

цию и дивергенцию движений *тотальных социальных феноменов, рождающих время и исчезающих во времени*. В данном случае тотальный социальный феномен — это действительное тотальное участие человека в человеческой включенности в некое бесконечное движение, такое, как приливы и отливы» [Gurvitch, 30].

Приливы и отливы не только воды, но и вулканического извержения призваны выразить «фонтанирование» социального действия:

Социальная реальность утверждается прежде всего и главным образом в «тотальных социальных феноменах», тотальности движения, приливов и отливов вулканического извержения, источнике фонтанов действия и коллективных усилий [Ibid., 1].

Гурвичу важно показать, что тотальные социальные феномены — это не нечто застывшее, они находятся в постоянном движении, становлении и преобразовании, и это конститутивно для социальной реальности как предмета социологии в целом.

У Пьера Нора движение волн символизирует живую память, когда он пытается определить суть мест памяти как останков некогда живых воспоминаний: «Уже не вполне жизнь, но еще и не вовсе смерть, как эти ракушки, оставшиеся лежать на берегу после отлива моря живой памяти» [Франция — память, 27]⁴. В то же время обыгрывается и возвратно-поступательный характер приливов и отливов: «Именно такое движение туда и обратно составляет их [мест памяти] суть» [Там же].

Образ волн, моря, как постоянно меняющейся субстанции, может быть использован при описании пространства памяти⁵, которое варьирует в зависимости от носителя (какой-либо социальной группы или индивида) и располагается на дне или, наоборот, близко к поверхности. Социальная память, таким образом, воплощается в памяти различных групп — *коллективной памяти*. М. Хальбвакс развивал идею множественности переплетающихся групповых сетей, создающих множественность коллективных памяти; при этом идентичность каждой группы связана с собственной памятью [Хальбвакс 2005, 2007]. Данные положения вошли в фундамент современных исследова-

особые формы производства и потребления или, точнее, поставок и распределения, не говоря уже о феноменах эстетических, венчающих эти факты, и морфологических, выражающихся в названных институтах» [Мосс, 85–86].

⁴ Историк и издатель Пьер Нора (р. 1931) организовал работу более ста ведущих историков Франции, благодаря чему в 1984–1993 гг. осуществлено издание семи томов «Мест памяти».

⁵ Подобное сравнение, правда, с несколько иными, чем у нас, акцентами, использует М. Хальбвакс (см.: [Хаттон, 191–192]).

ний памяти. Коллективная память различается и по масштабу социальных групп — от семьи до социальных классов (Хальбвакс им посвящает отдельные главы), и по характеру определенных видов макроколлективной памяти, каковой служит религиозная (христианская) память.

Именно таким образом, как память различного рода социальных групп, понимается коллективная память в предлагаемой работе. Основным для нас является деление по поколениям: обобщенно — молодое и старшее поколение и более дифференцированно — учащаяся в изучаемых городах молодежь в лице старшеклассников и студентов колледжей и техникумов, их родители и родители родителей. Такое понимание кардинально отличается от трактовки Алейды Ассман, которая мыслит коллективную память как национальную и политическую — память больших политических коллективов, включая нацию-государство, притом увековеченную и отчужденную в артефактах и ритуалах. Им противопоставлена теплая, живая семейная и поколенческая память, передающаяся в непосредственном общении [Assmann 2010, Ассман 2014, 2019, 215–234; Веселкова 2014].

В данном построении А. Ассман участвует, как можно видеть, введенная ранее Яном Ассманом (2004) дихотомия коммуникативной и культурной памяти, которую мы считаем самостоятельным основанием классификации (см. подробнее о ней ниже). В любой разновидности коллективной памяти, будь то память семьи, предприятия или образовательного учреждения, локального сообщества или, скажем, память ветеранов Афганистана, Чечни и т. п., явственно переплетаются коммуникативный и культурный форматы. Продуктивным представляется анализ их совместного действия и взаимодействия, а не только разведение по углам и рассмотрение по отдельности. Таким образом, проводя систематизацию основных понятий, хотелось бы четко зафиксировать: во многом опираясь на богатые идеями разработки А. Ассман, в вопросе о видах памяти мы с ней решительно расходимся.

Одной из существенных групп, выделяющихся в «пучине моря» и важных для нашего исследования, является семья как субъект *семейной памяти* [Разумова]. «Память эффективнее всего передается через историю семьи и человеческую историю», — заключает Ирина Щербакова по опыту продолжающегося конкурса школьных сочинений «Мемориала» [Как наших..., 598]; этот опыт побудил Андрея Алексеева поставить вопрос «о включении проблематики соотношения семейной и исторической памяти в практику современных эмпирических социологических исследований» [Алексеев 2008, 50], в данном направлении следует и наша работа.

В качестве контуров концептуализации коллективной памяти хотелось бы выделить дефиниции и идеи П. Хаттона, Л. Репиной, П. Леви. Патрик Хаттон

(характеризуя позицию Гадамера) содержательно определяет коллективную память как «сеть привычек, стереотипов мышления, условностей и лингвистических протоколов, которые сообщают смысл любой исторической ситуации» [Хаттон, 378–379]. Сходным образом, подчеркивая многозначность «всей терминологии памяти», формулирует понимание коллективной памяти, воспринятое историками от антропологов, Лорина Петровна Репина: «комплекс разделяемых данным обществом мифов, традиций, верований, представлений о прошлом» [Репина 2003б, 9] (см. также: [Репина 2003а]).

Патрисия Леви показывает сущность коллективной памяти как механизма ритуалов:

Ритуалы коллективной памяти — это нормальный и вполне мирской компонент каждого общества. Они являются частью повседневных процессов интерпретации, в которых люди принимают участие постольку, поскольку они могут осмысливать социальный мир. Чтобы понять настоящее, индивиды контекстуализируют настоящий момент с эксплицитной (явной) референцией к прошлому и имплицитной референцией к будущему. Настоящее и наше место в нем понимаются и переживаются относительно. В этом смысле все точки времени находятся на континууме и настоящее проживается и темпорально, и пространственно. Чтобы облегчить контекстуализацию настоящего, прошлое активно вспоминается с помощью коммеморативных практик. Эти ритуалы коллективной памяти кристаллизуют дискурсы и мультимедийные нарративы о прошлом. Коммеморативные ритуалы — это форма конструкции знания, находящаяся внутри более крупного узла сложных властных отношений [Leavy, 2.2].

Уже у Хальбвакса были прекрасно проанализированы цепочки, связывающие коллективную и *индивидуальную память*: повседневное общение ребенка со старшими родственниками и знакомыми «вдыхает жизнь» в исторические факты, например, из учебника истории; полвека спустя эта диалектика вдохновила Поля Рикёра на рассуждения о проблемах памяти в современную эпоху [Рикёр]. Социальную, коллективную (в том числе семейную) и индивидуальную память условно можно представить как вертикальную ось в структуре памяти.

Тогда горизонтальную ось образует весьма эвристичное деление памяти на коммуникативную и культурную, предложенное Яном Ассманом (2004). *Коммуникативная память* возникает в непосредственном взаимодействии, повседневной практике, поэтому чаще существует в устной форме и имеет «срок жизни», сравнимый с жизнью одного поколения. *Культурная память* — это память опредмеченная, зафиксированная в определенных культурных

носителях (такowymi могут выступать, например, наскальные рисунки, книги, праздники, ритуалы поминовения), что способствует намного более длительному циркулированию информации. Коммуникативная и культурная память соотносятся как исторический опыт в рамках индивидуальной биографии и события в абсолютном прошлом, получившие символическое, ритуальное оформление.

В 2004 г. на фестивале «Окно в Европу» в Выборге журнал «Искусство кино» организовал дискуссию среди режиссеров, сценаристов, продюсеров, критиков, посвященную двадцатилетию фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние». Один из участников этого мероприятия, Юрий Богомолов, обратил внимание на *узурпирующую сторону культурной памяти*:

Если говорить вообще о покаянии, то любопытно — именно семантика, символика в советской жизни занимали непомерно большое место. Они возвышались над всем. Окуджава пел: «Пьедесталы бывают выше побед». И действительно, мифологические фигуры, образы, ценности, идеалы в советской жизни занимали неимоверно большое место. Днепрогэс, я думаю, не столько давал электроэнергию, сколько являлся символом некоего, как тогда говорили, социалистического строительства. Серп и молот тоже в основном чисто знаковая идеологема» [Двадцать лет...].

Заметим в скобках, что серп и молот и другая советская символика богато представлена в изучаемых территориях, но функционируют уже, конечно, по-иному. Другой участник дискуссии, Александр Шпагин, высказался уже непосредственно о фильме: «Для меня “Покаяние” представляет собой агонию эзопова языка конца эпохи застоя, когда символ уже настолько заменял собой мысль, что было непонятно вообще, о чем идет речь» [Там же].

Символизация и мифологизация как необходимые элементы культуры имеют место в любом обществе; символы рождаются, живут и умирают⁶. Вероятно, избыточность советской символизации так бросается в глаза в силу однонаправленности, ориентации на одну генеральную линию. «Пьедесталы выше побед» — это тоже не «завоевание» соцреализма, а скорее закономерный эффект культурной памяти. Чем сильнее перепад высот, тем больше он свидетельствует о «злоупотреблении памятью», к чему мы обратимся ниже.

---

⁶ Мемориал королевы Виктории, который находится рядом с Букингемским дворцом в Лондоне, включает статуи женщины с серпом и мужчины с молотом. Фигуры расположены отдельно — иначе, чем в знаменитой композиции советского скульптора В. Мухиной в Москве. Они символизируют промышленность и сельское хозяйство, а не союз рабочих и крестьян.

По Хальбваксу, в памяти важна непрерывность. Культурная же память запечатлевает отдельные «исторические события» и потому оказывается деструктивной по отношению к живым воспоминаниям. П. Нора усиливает эту оппозицию через противопоставление ролей памяти и истории⁷:

В сердце истории работает деструктивный критицизм, направленный против спонтанной памяти. Память всегда подозрительная для истории, истинная миссия которой состоит в том, чтобы разрушить и вытеснить ее. История есть делегитимизация пережитого прошлого. ... Движение истории, амбиции историков не являются воскрешением того, что действительно произошло, но полным его уничтожением [Нора 1999, 20–21].

Для целей предпринятого исследования социальной памяти поколений городов «старой» и «новой» индустриальности к существующей базовой понятийной сетке мы добавляем понятие *индустриальной памяти*. Это понятие, подробно разбираемое в главе 2, выражает особенности социальной памяти, сформировавшиеся в массовом индустриальном обществе, в нашей стране наиболее полно воплотившемся в советский период, и продолжающие, претерпевая определенные трансформации, существовать и сегодня.

Библиотека и супермаркет как образы памяти. Помимо устоявшихся и новых (как наша «индустриальная память») метафор и понятий не менее полезными и эвристичными могут быть и иные сравнения (см., например: [Рождественская, Семенова]). Классический образ памяти конечно же библиотека, хранилище (и, наоборот, библиотеки и архивы относят к институтам социальной и культурной памяти).

Харуки Мураками в «Кафке на пляже» пишет:

Мы все лишаемся чего-то большого, теряем что-то... Редкий случай, важную возможность, чувства, которые потом не воротишь. В этом часть жизни. Но в голове — скорее всего, в голове, есть маленький закуток, где все это хранится как память. Как книги на полках в нашей библиотеке. Чтобы отыскать, что у нас в душе,

---

⁷ С определенными оговорками можно признать, что под «коллективной памятью» П. Нора понимает то, что мы, вслед за Я. Ассманом, называем коммуникативной памятью, а «история» Пьера Нора совпадает с «культурной памятью» Ассмана. «Оговорки», однако, весьма серьезны. Так, коммуникативная память у Ассмана — это воспоминания из недавнего прошлого, которые человек разделяет со своими современниками [Ассман 2004, 52], у Нора же коллективная память — это тоже живые воспоминания, но охватывающие всю жизнь группы, которая по продолжительности нередко значительно превосходит жизнь индивида или поколения, и т. д.

для этого закладка нужно составлять картотеку. В нем нужно убираться, его нужно проветривать, менять воду в цветах. Другими словами, ты всю жизнь проводишь в собственной библиотеке [Мураками, 632].

У Мураками библиотека — самодовлеющая величина, но она нуждается в активном обихаживании, причем не просто в уборке, но в упорядочивании, которое вполне зависит от субъекта. У Умберто Эко в «Имени Розы» средневековая библиотека, которая не столько сохраняет знание, сколько оберегает его от невежественного употребления, в конце концов выходит из-под управления людей и ввергается в хаос стихии огня. В контексте наших рассуждений это можно истолковать как напоминание о социальной, т. е. надындивидуальной, сущности памяти, а также как метафору непредсказуемости памяти в современном обществе (чем, собственно, и вызван «бум памяти», научные и общественно-политические дебаты, ознаменовавшие рубеж тысячелетий⁸ и не исчерпавшие своего потенциала по сей день). В более позднем романе, «Таинственное пламя царицы Лоаны», Эко размышляет над свойствами «бумажной памяти», описывая и показывая в картинках «культурные отложения» изданий первой половины XX в. в старом имении. Они прекрасно очерчивают популярную культуру эпохи, но смогут ли вернуть к полной жизни впавшего в амнезию героя? Вокруг этого вопроса пульсирует подвижный, как пламя, баланс индивидуальной автобиографической и культурной исторической памяти.

Если память — *библиотека-хранилище*, то ее функции — сохранять, но также и сортировать, упорядочивать, соотносить прошлое с настоящим, т. е. проветривать хранилище.

В обществе потребления социальная память напоминает *супермаркет*. В нем довольно искусно — мерчендайзеры потрудились! — выложено множество товаров: одни подстерегают сразу у входа, другие влекут издалека, третьи укрыты на дальних полках. В глазах рябит от ярких упаковок, сами собой всплывают рекламные слоганы... Эта метафора обыгрывает тему консьюмеризированной памяти, ее разрабатывает, в частности, Патрисия Леви [Leavy]; о «законе спроса и предложения» применительно к функционированию социальной памяти упоминает также Лорина Репина [Репина 2003б, 15]. Марита Штуркен относит анализ взаимосвязи памяти и консьюмеризма к самым основным в исследованиях памяти (Memory Studies) [Sturken, 76].

Советский период в данном случае представляет собой интересный предмет для исследования именно в контексте memory studies. Изгибы реки

---

⁸ В дополнение к упоминавшимся работам П. Нора, Я. и А. Ассман, П. Хаттона, П. Рикёра отошлем читателя, пожалуй, к более политизированному тексту Ж.-Ш. Шурека [Шурек].

памяти, особенно в 90-х, когда сначала попытки отмежеваться от всего советского, а по сути от правления КПСС, сменились переживаниями по поводу утраты не только тех благ, которые были гарантированы, но и норм и правил коллективных/совместных действий. Именно последние часто вызывают сегодня ностальгию у старших, и не только, поколений. Советский период ушел в прошлое уже на 30 лет, что теперь мы вспоминаем об этом времени?

В СССР память старших поколений, которая могла быть разделена с молодыми людьми, тщательно дозировалась, о многом просто не говорили, опасаясь плачевных последствий. Позволим себе привести пару примеров из собственного опыта (не)включения в социальную память через семейную. У Е. П. в детстве неоднократные попытки расспросить бабушку, молодость которой пришлось на период до 1917 г., о дореволюционной жизни наталкивались на постоянные отговорки в духе «жили как обычно». Если учесть, что дедушка провел 10 лет в сталинских лагерях, то отговорки вполне объяснимы, но в результате были утеряны многие истоки семейных историй. У Н. В. в семье с гордостью говорили об отце деда, который работал бухгалтером Каслинского завода, но лишь много позднее выяснилось, что его «расстреляли в революцию», — этого факта не то что бы стыдились или боялись, но не упоминали.

Современный потребитель супермаркета памяти, как правило, уже довольно искушен (хотя люди, конечно, очень сильно различаются по потребительской культуре). Он знает, что ценность товара далеко не абсолютна: что-то растет в цене, а что-то — день-другой — и подешевеет на распродаже. Пионеров-героев школьники вспоминают не постоянно, а только по случаю празднования Победы, когда эти места памяти (в смысле П. Нора), воспетые звонкими детскими голосами со школьной сцены, действительно вышибают слезу у взрослых зрителей. Но что остается в итоге? Еще одна зарисовка: на репетиции праздничного концерта ко Дню Победы руководитель школьной студии никак не может добиться нужной интонации от девочки, читающей стихи «До свидания, мальчики» (старшему поколению хорошо известна эта песня Б. Окуджавы). Девочка способная и очень старается, но не схватывает верного акцента. Символизм культурной памяти вряд ли может быть *лично* принят, если не связан с *лично* освоенным (например, семейным) историческим опытом. И тогда он становится просто ритуалом, возможно, интересным и увлекательным, тем более что его все равно необходимо выполнить, но совсем не обязательно считать значимой частью своей жизни. Выбор товаров (мест памяти) зависит не только от качества рекламы и выкладки товара, но и от субъектного социально-критического мышления индивида: покупается ли он на яркую картинку или способен усомниться, все ли так

привлекательно, как кажется (хотя производители и продавцы, наверное, предпочли бы иметь дело с неразборчивым покупателем).

Прагматика супермаркета и пластичность жидкого, текучего вещества памяти делают манипулируемость вполне закономерным ее свойством. Историкам знакомы вымышленные, искусственные коммеморативные практики, запускаемые политиками «с целью усилить власть современного государства» [Хаттон, 219]. Владимир Петрович Козлов, разрабатывающий концепцию документальной памяти, противопоставляет ее другому типу исторической памяти — «конструктивистской»,

когда человек, общество, государство конструируют прошлое, т.е. простраивают, выстраивают, рисуют его картину под свои цели и задачи, когда прошлое стремятся не только приноровить к настоящему и будущему, но и сделать их политической и идеологической прислугой [Козлов 2017, 135].

Подчеркивая манипулятивный характер «конструктивистской» памяти, Козлов говорит об исключительно потребительском применении источников, которые приноравливают «к заранее выбранной, придуманной конструкции какого-либо сюжета прошедшего» (Там же, 137). Фактически этот вид памяти граничит с фальсификациями, подделками документальных источников, длительной истории которых посвящен ряд предыдущих работ автора [Козлов 1994, 2001, 2015]. Другой стороной медали можно считать ложные, т.е. подвергшиеся сознательному либо бессознательному искажению, автобиографические воспоминания, которые А. Ассман считает «патологиями идентичности в конце XX века» [Ассман 2014, гл. 4]. Два разбираемых случая таких искажений она объясняет при помощи показанной Хальбваксом «конструктивной силы воспоминаний», обуславливающей склонность «по умолчанию приноравливать их к различным требованиям и ценностям»: создатели вымышленных автобиографий и сфабрикованных идентичностей стремились вписаться в социальные рамки послевоенной Германии [Там же, 161]. Мы не находим удачным словоупотребление «конструктивистский» и «конструктивный» в подобном контексте, но, пожалуй, стоит поблагодарить авторов за, возможно, невольную отсылку к социологически понимаемому социальному конструированию реальности, пусть и доведенному здесь почти до абсурда, то же можно сказать и о весьма огрубленной трактовке социальных рамок памяти у А. Ассман.

Так или иначе, огромное влияние концепции М. Хальбвакса обусловлено в том числе и тем, что он показал, «как легко образами памяти можно манипулировать; острый вопрос для тех из нас, кто живет в культуре, где подобные

манипуляции угрожают качеству демократической политической жизни» [Хаттон, 222]. В главе о правильном и неправильном использовании рабочей памяти Поль Рикёр связывает манипуляции памятью и забвением с «вторжением» идеологии между «претензией на идентичность и публичными выражениями памяти» [Рикёр, 120]. При этом Рикёр знакомит читателя с книгой Цветана Тодорова *«Злоупотребления памятью»* (1995), выступающей «против современного увлечения поминаниями с сопровождающими их ритуалами и мифами». Тодоров разоблачает «*порабощение памяти*» (яркое выражение в характерном для исследований памяти агрессивно-конфликтном духе) жаждущими славы и предостерегает против «безоговорочного восхваления памяти» (понятие Тодорова) [Там же, 125–126].

Интересно, что Патрик Хаттон в 1993 г. был уверен, что живая коммуникативная память и историзирующая культурная память в обществе постмодерна могут повернуться лицом к лицу и «мирно» взаимодействовать. Поль Рикёр же семь лет спустя (в 2000 г.) подчеркивает совсем другой, конфликтный аспект. Он заимствует у Пьера Нора выражение «мемориальное пережевывание» и отмечает, что само многотомное издание французских историков «Места памяти» настигла «мемориальная булимия» [Рикёр, 568–569]. С крахом «модели национальной идентичности, сфокусированной на нации-государстве», «сцену занимает битва памяти: культурное и локальное, разрушители национального наводняют средства массовой информации» [Там же, 569, 570], лексика насилия пополняется выражением «тирания памяти». Нация-государство не торопится сойти со сцены, но конфликтов и войн памяти от этого не становится меньше.

Таким образом, метафорика супермаркета предполагает обилие самых разных товаров, они сосуществуют на соседних полках, хотя, быть может, представляют несовместимые миры. Множественность и потенциальная противоречивость — первый сущностный аспект социальной памяти, выражаемый метафорой супермаркета. Второй аспект — манипулируемость: товары памяти-супермаркета легко менять местами, задвигать на задний план или выпячивать, их ценность может значительно колебаться по самым разным поводам. Наконец, третьей чертой является навязчивость, доходящая до тирании памяти: предложение, усиленное рекламой, бывает весьма агрессивным, а товары разных производителей, случается, вступают в жестокую конкуренцию; итогом становится булимия, пресыщение и утрата чувствительности со стороны потребителей.

Библиотека, супермаркет и другие возможные сравнения не только высвечивают многосложную структуру социальной памяти, но и помогают аналитически описывать ее работу, постоянно происходящее переустройство.

1.2. Современные теоретические подходы к исследованию социальной памяти

Современные исследования социальной памяти имеют междисциплинарный характер и развиваются в нескольких направлениях. Проблематика соотношения памяти и истории, заложенная М. Хальбваксом и получившая новый импульс от проекта «мест памяти» П. Нора, сохраняет определенную инструментальность. Предметом жарких дискуссий становятся политика памяти и историческая политика [Ассман 2016; Łuczewski, Bednarz-Łuczewska 2011; Łuczewski, Bednarz-Łuczewska, Masłanka 2016; Веселкова 2016а; Политика памяти...], в контексте которых Ольга Малинова вводит или, точнее, реактуализирует понятие символической политики [Малинова 2015, 2017а, 2017б].

С точки зрения (вос)производства идентичности сообществ развивается тематика коллективной памяти. Разные версии одних и тех же событий и роли участников, в том числе в официальной и неофициальной памяти, выражаемые в практиках коммеморации, вызывают к жизни разночтения и разногласия, доходящие до «войны памяти» [Рикёр]. Введенное Яном Ассманом (2004) деление памяти на культурную и коммуникативную активно используется и получает развитие в других типологиях [Ассман 2014, 2016]. Рассматриваются ценностная и аффективная насыщенность [Macdonald; Политика аффекта...], окрашенность эмоцией, которая не только питает память, но и способствует тесной взаимосвязи «персональных и исторических событий» [Бойм]. Отметим также, в связи с «аффективным поворотом» [Кобылин, Николаи 2014, 2020], внимание исследователей к телесной, т. е. инкорпорированной и телесно переживаемой памяти [Рождественская 2009; Николаи 2016, 2017а; Vanke].

Теория мест памяти П. Нора, похоже, оставила позади период ажиотажной популярности, но для нас она послужила хорошей основой для развития идей *мультиסקалярности/полимасштабности* через введение понятия *масштабов мест памяти*. Если место памяти — «совокупность пересекающихся и воспроизводящихся смыслов, образующих символический фон присвоения/отторжения территории собственного проживания, обеспечивающих включенность жителей малого города в более широкий социальный и исторический контекст», то масштабы мест памяти — это «пространственно-временные размерности социальных рамок референции явлений, ставших основой меморизации». Исследовательская оптика настраивается одновременно «вглубь истории» и «вширь географии» [Веселкова, Вандышев, Прямикова 2017а, 40, 41] (см. также: [Веселкова 2020а, 2020б; Прямикова, Вандышев, Веселкова, 2020]).

Идея мультискалярности/полимасштабности памяти позволяет преодолеть фрагментацию памяти. Обычно те или иные размерности памяти рассматриваются по отдельности; наиболее близкие разработки связаны с обсуждением глобальной, космополитической памяти одновременно с актуализацией локального масштаба [Levy, Sznaider 2002, 2006, 2007; Beck, Levy, Sznaider 2009; Lewicka 2010; Trubina 2010; Александер 2013]. Трактовка космополитической памяти (наряду с антагонистической и агонистической) в концепции режимов современной памяти о войне Анны Ченто-Булл и Ханса Лауге Хансена [Bull, Hansen 2015; Bull et al.] не соответствует специфике нашего материала, но важна в рамках исследовательской проблематизации «трудного прошлого» и «разорванной памяти» (*divided memory*) [Herf; Foot; Di Pasquale; Wieviorka]; обобщение мирового опыта работы с неудобным прошлым см.: [Эппле]. В экспедициях мы столкнулись с разделенной памятью, например в Соликамске, наблюдая, как тема советских немцев-трудармейцев включается или исключается из меморизации Великой Отечественной войны. Среди эмпирических исследований полезную рамку референции задают проекты с участием А. Миллера, О. Малиновой [Комплексное сравнительное исследование...]; Г. Юдина и Д. Хлевнюк [Юдин, Хлевнюк, Максимова; Хлевнюк, Юдин; Хлевнюк].

Если концепцию мест памяти упрекали в ее излишней национальной специфичности, на которую сильно завязаны и современные исследования коллективной памяти [Rozhdestvenskaya et al. 2016], то концепция полимасштабности успешно преодолевает это ограничение, вовлекая настройки исследовательской оптики от макро- до микрофокусов — от глобальной памяти до памяти автобиографической [Нуркова 2000; Алексеев 2001, 2007; Рождественская 2012; Fivush 2011, 2013]. Продуктивной представляется идея британских исследователей Эмили Кейтли и Майкла Пикеринга о вернакулярных практиках памяти [Pickering, Keightley 2013b; Keightley, Pickering 2014].

Для понимания полимасштабности социальной памяти важны наработки за пределами *Memory Studies* [Веселкова, Вандышев, Прямикова 2017а, 2017б], среди которых выделим, во-первых, инициированную географами проблематизацию масштабов с точки зрения социального конструирования, иерархичности и отношений власти с попыткой внести в них диахронное, историческое измерение [Brenner; Marston; Marston, Smith; Isin], анализ скалярных стратегий [Rannila] и мультискалярных эффектов [Giovanardi; Shin et al. 2015]. Во-вторых, нашему подходу близка развиваемая Рубеном Роуз-Редвудом и Дерекком Олдерманом [Rose-Redwood, Alderman; Tucker, Rose-Redwood; Hagen] с позиций критической теории тема скалярной политики топонимии. Понятие масштабирования памяти применяется для анализа топонимической

работы по увековечиванию имени какого-либо деятеля или события, когда в обществе сталкиваются разные позиции по поводу соразмерности данной личности, события и предполагаемого объекта: города, улицы, площади, школы и т. п. [Alderman; Терентьев 2015; Демьянов, Рыженко].

Целенаправленные действия по определению масштаба не являются монополией верховных инстанций, что убедительно показывают, в частности, исследования гражданских инициатив в области скалярной политики (*grass roots scalar politics*) [Maher, Carruthers; Hoogesteger, Verzijl; Verzijl, Hoogesteger, Boelens]. В то же время многие исследования масштабов до сих пор грешат, согласимся здесь с наблюдением Э. Нильсена и К. Симонсен, «иерархическим» видением «масштабирования сверху» [Nielsen, Simonsen]. В нашем случае принципиальной установкой является рассмотрение мест памяти «снизу», из перспективы «обычных» горожан (ср.: [Winter]). Таким образом, наш подход заключается в том, чтобы анализировать масштабирование мест памяти: а) во временных и пространственных координатах и б) в представлениях горожан.

Еще одним уязвимым местом теории П. Нора оказалась стабилизация, статичность памяти. Попыткой устранить этот недостаток стала концепция жизненного цикла мест памяти (первоначальная креативная фаза — институционализация и рутинизация — трансформация или исчезновение) Джея Уинтера [Winter; Уинтер]. Полагая, что «[к]онцептуализация памяти через явления и места упускает из виду динамику и относительность процесса воспоминания», Джеффри Олик, в свою очередь, предлагает процессо-реляционный подход. Центральным понятием в нем служат «фигурации памяти» как «сложноструктурированные и постоянно меняющиеся паттерны образов и смыслов», которые выражают «меняющиеся отношения между прошлым и настоящим, в которых сплетаются, хоть и не всегда гармонично, образы, контексты, традиции и интересы» [Олик 2012, 54, 46; 2018].

Современные исследования памяти стараются уйти от имплицитного приписывания памяти как таковой заведомо положительных значений, а забыванию и забвению — отрицательных. В своей работе мы ориентируемся на поставленный Полом Коннертоном вопрос о том, как общества помнят и каковы сформированные модерностью виды забывания [Коннертон; Conner-ton], получивший развитие, в частности, у А. Ассман (2019) (см. также: [Рикёр 2000]). Сохраняет актуальность тезис Коннертона о том, что в «обозримом будущем стандартная биография, упакованная в стандартные отношения работодателя и работника, исчезает... вместе с этим, в общем контексте индивидуальных жизненных траекторий, изменятся и культурно специфичные акты памятования и забывания» [Connerton, 76–77].

Городской аспект нашей темы делает полезным понятие городской памяти, предложенное Алессандро Буза [Busa 2010], автором книги о Нью-Йорке [Busa 2017]. Благодаря этому понятию исследователи напоминают об идеях города как наглядного архива коллективных и личных воспоминаний, по Альдо Росси, и как средства погружения фланера в утраченное время, по Вальтеру Беньямину [Гурьянов, 17] (см. также: [Ростовская]).

Обсуждение современных теорий памяти продолжается в главе 2, где анализ «старой» и «новой» индустриальности в части темпоральных представлений выводит на феномен индустриальной памяти, а также в главе 3, где мы обращаемся к специфике памяти поколений.

1.3. Методический дизайн. Города — участники исследования

Методический дизайн разрабатывался исходя из основных задач и направлений поиска: во-первых, понять специфику памяти в индустриальных городах, при этом выделить города «старой» и «новой» индустриальности; во-вторых, сопоставить социальную память поколений в изучаемых территориях; в-третьих, рассмотреть эффективность различных способов эмпирического изучения социальной памяти. Уже в процессе исследования выделился четвертый аспект, затрагивающий деятельность музеев в индустриальном городе — краеведческих, корпоративных, школьных. Каждая из этих групп музеев отличается по своим функциям, целям, ресурсам и контингенту работников, в то же время вырисовывается общая картина деятельности музеев в городе.

В 2018–2019 гг. был осуществлен сбор эмпирической информации в восьми городах Уральского региона: Серове, Верхней Салде, Алапаевске, Заречном, (Свердловская область), Златоусте, Сатке (Челябинская область), Добрянке, Соликамске (Пермский край). Эти города составили основу **многоступенчатой выборки**. Критериями для их отбора служили принадлежность к Уральскому региону, величина поселения и принадлежность к городам «старой» или «новой» индустриальности (табл. 1.1). Уральский регион выбран как средоточие «старой» и «новой» индустриальности. В том, что касается величины поселения, в выборку включены, согласно действующей классификации, малые, средние и большие города, однако по самовосприятию жителей все они маленькие или небольшие, именно в таком качестве они далее и фигурируют в тексте. Маркерами типа индустриальности выступали градообразующие предприятия с учетом времени их основания и, главное,

Таблица 1.1

Города — участники исследования

Город, история	Регион	Численность населения	Предприятия	Достопримечательности ⁹
<i>«Старая» индустриальность</i>				
Алапаевск, основан в 1781 г., сразу стал городом	Свердловская область, 146 км от областного центра	37 131 человек на 01.01.2020 (в 1992 г. было 50 200)	Часть предприятий прекратила свою работу, в том числе и Алапаевский металлургический завод. Функционирует завод «Стройдормаш»	Алапаевская узкоколейная железная дорога. В этом городе была расстреляна часть императорской семьи после 1917 г. Город входит в программу Царских дней, является центром паломнического туризма
Златоуст, основан в 1754 г., статус города с 1865 г.	Челябинская область, 120 км от областного центра	163 919 человек на 01.01.2020 (в 1992 г. было 208 000)	Златоустовский металлургический завод, старейшее предприятие, стал банкрогом. Бывшая советская оружейная фабрика распалась на ряд мелких производств	Рядом с городом находится национальный парк «Паганай». Символ города «Пегас», трамвай, получивший у жителей обозначение «горный»
Серов, основан в 1894 г., статус города с 1919 г.	Свердловская область	95 861 человек на 01.01.2020 (в 1992 г. было 103 400)	Продолжает работать ряд крупных предприятий: металлургический завод им. А. К. Серова, Серовский завод ферросплавов, Серовский механический завод	Реконструированная Преображенская площадь, центр города, останки разрушенного в советские годы одного из крупнейших соборов страны — Спасо-Преображенского

⁹ Включенные в эту графу достопримечательности выделены по принципу значимости мест, приоритетности их показа информантами.

Окончание табл. 1.1

Город, история	Регион	Численность населения	Предприятия	Достопримечательности
Соликамск, основан в 1430 г., статус города с 1573 г.	Пермский край, 202 км от краевого центра	92 602 человека на 01.01.2020 (в 1992 было 110 000)	Успешно работающие Уралкалий, Соликамскбумпром, Соликамский магниевый завод	Храмовый комплекс в центре города, Музей истории соли (бывший Усть-Боровский солеваренный завод), мемориальный ботанический сад Г. А. Демидова
<i>«Новая» индустриальность</i>				
Верхняя Салда, основан в 1778 г., статус города с 1938 г.	Свердловская область, 176 км от областного центра	41 228 человек на 01.01.2020 (в 1992 г. было 55 100)	В качестве нового индустриального объекта мы рассматривали ВСМПО, завод по производству титана	ОЭЗ «Титановая долина», горнолыжная база «Мельничная», «Девочка с ласточками» скульптора Л. Неверова
Добрянка, статус города с 1943 г.	Пермский край, 61 км от краевого центра	32 072 человек на 01.01.2020 (в 1992 г. было 36 900)	В качестве нового индустриального объекта мы рассматривали филиал Пермской ГРЭС	Бренд города «Добрянка — столица доброты», вариации уличной скульптуры «Добрячки», расселившиеся по всему городу
Заречный, статус города с 1955 г.	Свердловская область, в 40 км от областного центра	27 898 человек на 01.01.2020 (в 1989 г. было 27 675)	В качестве нового индустриального объекта мы рассматривали БАЭС, атомную электростанцию	Крафтовая пивоварня Jaws Brewery, красивое водохранилище с плотиной, оранжевые фонари
Сатка, дата основания — 1758 г.	Челябинская область	41 309 человек на 01.01.2020 (в 1992 г. было 51 000)	В качестве нового индустриального объекта мы рассматривали комбинат «Магnezит» (производство огнеупоров)	Свято-Никольский храм; чугуноплавильный завод, основанный в 1756 г.; развлекательный комплекс «Сонькина лагуна»; национальный парк «Зюраткуль»; Art Street Fest

причисления к «новым», «современным», «высокотехнологичным», как БАЭС с недавно запущенным новым блоком в Заречном и ВСМПО в Верхней Салде, или «старым», «традиционным», «основанным на давно известных технологиях», как, например, металлургические заводы в Алапаевске или Златоусте. Помимо существующего производственного потенциала, важно было выявить и особенности города, придающие ему неповторимый облик и, потенциально, «собственную логику» [Собственная логика городов 2017].

Нас интересовала именно специфика города как конкретного случая, мы старались встретиться и с представителями креативных групп (например, местными краоведами, разработчиками и реализаторами прорывных для этого поселения идей (городских фестивалей)). Довольно скоро мы поняли относительность своей схемы определения «старой» и «новой» индустриальности, они оказались неразрывно сплетены. Так, город Серов приятно удивил полностью реконструированной ГРЭС. При этом установленное на ней современное оборудование не всегда доставляет радость горожанам, потому что снижает возможное количество рабочих мест сейчас и в будущем. В Сатке, помимо комбината «Магнезит», до сих пор работает старый чугуноплавильный завод. Таким образом, в каждом городе существует собственный подвижный баланс «старой» и «новой» индустриальности, в лучшем случае можно говорить о его смещении в ту или другую сторону, что подробнее обсуждается в главе 2.

Основным методом исследования выступили полуформализованные стационарные и мобильные *интервью* мягкого формата, которые записывались на диктофон. Благодаря применению метода go-along были получены насыщенные, развернутые описания городского пространства. Нарративный характер интервью требует от участников непрерывного рассказа, в котором сменяются сюжеты. Эти сюжеты навеваются окружающими местами (элементами городского пространства), но вместе с тем часто сочетаются с событиями личной биографии, общими рассуждениями об истории не только города, но и региона, страны и даже мира. Маршрут движения по городу превращается в интерпретацию сюжетно-событийного ряда с использованием объяснений разного масштаба¹⁰.

Нам нужны были участники, готовые потратить несколько часов на то, чтобы, общаясь с совершенно незнакомыми людьми, рассказать о своем городе, при этом с записью на диктофон. Для поиска информантов и входа в поле использовались различные способы: «сверху», через городские инстанции, куда направлялись официальные письма (градообразующие предприятия, городская администрация и т. п.), а также велись предварительные перегово-

---

¹⁰ Отдельных сторон метода go-along мы касались в работах: [Веселкова, Вандышев, Прямова 2016а, 2017б, 2019]. См. также: [Глазков, Стрельникова 2015], полезный обзор: [Запорожец].

воры по телефону, и «снизу», через социальные сети. В том и другом случае на последующих этапах включался принцип снежного кома.

Поиск через социальные сети был рассчитан на то, что так называемые виртуально активные резиденты будут откликаться на приглашение к интервью, в том числе к мобильному. Ставка на рекрутирование в социальных сетях показала, насколько это сложная задача, требующая отдельного методического осмысления, предварительным опытом которого мы хотели бы поделиться.

Решение задачи рекрутирования во многом определяет качество всего исследовательского проекта, в нашем случае было важно не допустить перевеса «официальных» контактов с должностными лицами над «обычными» горожанами. В виртуальном рекрутинге есть исходное ограничение: люди, не имеющие доступа к сети Интернет, не зарегистрированные в социальных сетях, имеют мало шансов попасть в число информантов — только уже на этапе «снежного кома» и при условии, что он хорошо сработает, но есть и другие особенности.

Рекрутинг осуществлялся посредством социальных сетей, распространенных среди представителей разных поколений изучаемых территорий. В городских тематических группах были размещены сообщения о поиске информантов, кроме того, велась активная работа по установлению личных контактов в социальных сетях. Рассмотрим статистические данные о конверсии контактов в ходе виртуального рекрутинга на примере четырех городов (табл. 1.2).

Таблица 1.2

Динамика виртуального рекрутинга

Результаты рекрутинга	Златоуст	Сатка	Доб- рянка	Соли- камск	Всего	
					абс.	%
Всего учетных записей	68	44	81	54	247	100
Всего размещенных сообщений	161	136	122	118	537	—
Установленная коммуникация (полученные ответы)	15	16	23	25	79	32
Прямые отказы	6	10	16	18	50	20
Согласие (подтвержденный контакт)	9	6	7	7	29	12
Проведенные интервью	5	6	5	4	20	8

Как показывает наша практика, в среднем не более 10 % контактов завершается проведенным интервью. При этом изначально более половины потенциальных информантов отвечают на сообщения с просьбой об участии в исследовании, уточняют детали, демонстрируют интерес или сразу отказы-

ваются. Из тех, кто соглашался пообщаться с социологами, только порядка 12 % представили средства оперативной связи (телефонный номер). Самой распространенной причиной отказа стало отсутствие времени или отсутствие достаточных компетенций, чтобы показывать город или рассказывать о нем (по собственной самооценке). Кроме того, отказавшиеся информанты указывали на отсутствие доверия к исследователям, плохую ситуацию в городе или просто на свое нежелание взаимодействовать с представителями исследовательского коллектива.

Некоторые согласившиеся на интервью информанты спрашивали: «Почему именно я?», указывали на наличие некоторой нервозности, даже страхов и начального недоверия (рис. 1.1).

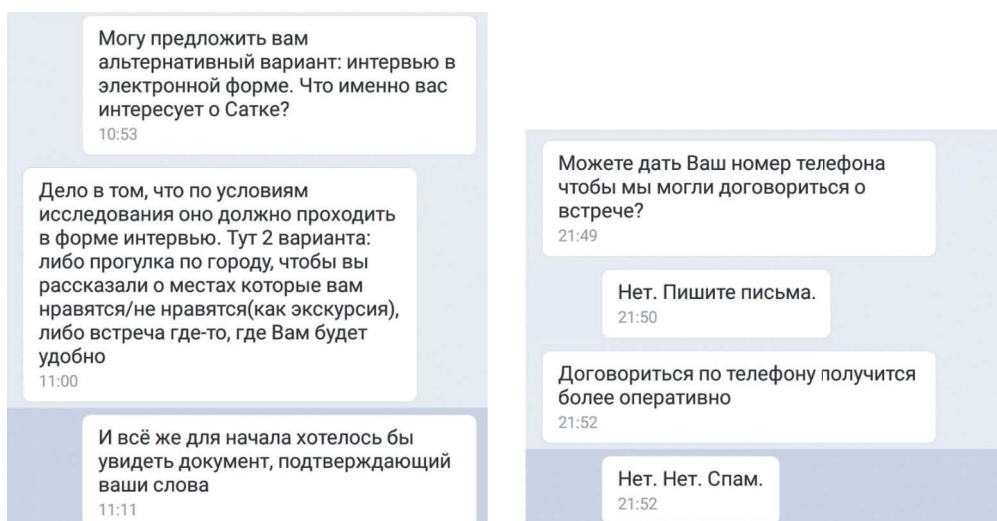

Рис. 1.1. Опыт неудачного рекрутирования:
переписка с потенциальными информантами в социальных сетях

В силу сказанного ключевой коммуникационной задачей при виртуальном рекрутинге является управление страхами/интересом потенциальных информантов. В качестве рекомендаций для тех, кто планирует использовать подобный способ входа в поля и поиска информантов, мы рекомендуем придерживаться максимальной открытости и предоставления всей необходимой информации. Полезно создать исследовательский аккаунт, в котором будут подробная информация об аффилиации исследователей, контактные данные, фотографии и пр. В такой ситуации конверсия контактов может быть более высокой. В целом наши рекомендации выглядят следующим образом:

— максимальная информационная открытость, в том числе личная (фотографии, ссылки на личные странички);

- предоставление всей необходимой информации, в том числе примерной длительности интервью;
- эффективная работа с «лидерами мнений» и подкрепление личных контактов сообщениями в виртуальных группах городских сообществ;
- учет особенностей мотивации участия в зависимости от территории.

Анкетный опрос представителей различных возрастных когорт осуществлялся разными способами. Выборочная стратегия включала отбор двух школ в каждом городе — более «сильной» и более «слабой», в зависимости от результатов ЕГЭ по истории и обществознанию (в каждой — по одному старшему классу), и двух колледжей (в каждом — по одной группе). Колледжи отбирались по принципу выборки полярных случаев — гуманитарный и технический профили в каждом городе. Школьников и учащихся колледжей мы опрашивали раздаточным методом в самом начале групповой дискуссии, всего было собрано 822 анкеты. С более старшей возрастной когортой было сложнее: по нашей просьбе педагоги раздавали анкеты родителям учеников, участников исследования, на собраниях или передавали через детей на дом. Возврат был не очень хорошим, родительских анкет оказалось всего 453. Дополнительно проведенный онлайн-опрос собрал еще 197 анкет.

Примерно в середине анкеты была размещена серия открытых вопросов о событиях из давнего и недавнего прошлого, наиболее важных, по мнению респондента, для него самого, его семьи, города, страны, мира в целом — **событийные ряды**. Заполнение анкеты занимало у учащихся около 10 минут и служило хорошим стартом для групповых дискуссий, вводя в тематику обсуждения.

Групповые дискуссии со старшеклассниками и студентами колледжей проводились в классах и аудиториях их учебных заведений. Для участия несовершеннолетних предварительно было получено письменное информированное согласие родителей или других законных представителей, кроме того, в начале каждой встречи у участников просили разрешение на аудио-видеозапись. Групповые дискуссии записывались на видеокамеру и диктофон, в каждом случае оговаривались условия конфиденциальности.

Метод групповых дискуссий, особенно его использование с членами уже сложившихся коллективов — школьных классов или студенческих групп, может вызывать некоторые методические сомнения. Они продиктованы влиянием сформированной структуры межличностных отношений со своими «лидерами мнений», по сути неформальными лидерами, объединяющими под своей властью весь коллектив либо его часть, и «аутсайдерами», теми, кто старается лишний раз не высказывать никаких суждений, чтобы не стать мишенью для насмешек. Для минимизации риска неучастия в начале групповых дискуссий мы просили всех подписать таблички со своими именами

и обращались персонально, стремясь (в идеале) к равномерной включенности участников. Кроме того, в ходе групповых дискуссий мы использовали рисуночные техники, что позволило каждому выразить свои представления на бумаге и служило хорошим подспорьем, чтобы высказать свое мнение. Значения, продуцируемые самыми активными участниками таких обсуждений, также полезны в качестве результатов исследования, поскольку отражают дискурсивные значения отношения горожан к своему городу.

Все разговорные жанры интервью и групповые дискуссии дополнялись визуализацией по принципу **ментальных карт**. Ментальные карты визуализируют представления информантов о местности, они способны выражать общий опыт жителей города и существующие различия, связанные с уникальным жизненным опытом участников исследования.

Ментальные карты — это исследовательский метод и одновременно продукт применения данного метода. Получаемые в итоге карты суть спровоцированные, целевые документы. Это не продолжение или дублирование («иллюстрация») вербальной информации, а самостоятельный эмпирический материал, где визуальное является центральным, приоритетным [Веселкова 2010а, 2010б]. Использование метода ментальных карт позволяет увидеть символический капитал территории, то, чем так гордятся его жители. Ментальные карты позволяют обнаружить сгустки социальной памяти и понять разницу представлений о смысловой наполненности городского пространства, существующего у представителей различных сообществ (в том числе поколенческих).

Капсула времени — специально разработанная для этого исследования методика, которая использовалась на групповых дискуссиях: участникам предлагалось составить послание тем, кто будет здесь жить через 100 лет. И настоящие капсулы времени, и эта методика-задание для информантов — своеобразные машины времени: все, что авторы посланий в них закладывают, считается достойным или даже необходимым для передачи в будущее. Посредством такой трансмиссии капсулы времени выполняют работу социальной памяти, представляя ее в кристаллизованном, буквально «закапсулированном» виде. Подробнее эта методика обсуждается в главе 3 наряду с ментальными картами и методикой событийных рядов.

Методическое решение о совмещении различных способов визуализации оказалось полезным с точки зрения систематизации передвижений, констатации эмоционального отношения к своему городу, а также для стимулирования групповой работы во время дискуссий.

Важную роль сыграл **документальный метод**, с его помощью мы отслеживали и аккумулировали публикации в локальных сообществах изучаемых городов в социальных сетях, материалы местных СМИ и официальных сайтов

изучаемых территорий, данные общенациональных опросов и Росстата. В качестве полезного дополнительного метода мы практикуем исследовательский **фотомэппинг** — фотографирование во время всех видов полевых работ (при попадании в кадр информантов с ними согласовывается использование снимков).

Далее в книге для высказываний и рисунков информантов применяется шифр, где первая буква означает город: А — Алапаевск, ВС — Верхняя Салда, Д — Добрянка, З — Заречный, Зл — Златоуст, Ст — Сатка, Ср — Серов, Сл — Соликамск. Следующая буква означает пол (Ж — женский, М — мужской). В цитатах из интервью цифры означают возраст информанта. Например, (ЗМ39) — житель Заречного, мужчина 39 лет.

Для капсул времени и ментальных карт, созданных на групповых дискуссиях, после города и пола информанта указано учебное заведение, при этом школы в каждом городе обозначены Ш1 и Ш2, колледжи и техникумы — К1 и К2. Для школьников через слэш указан также класс. Например, (АЖШ1/10) — ученица 10 класса алапаевской школы-1. Для ментальных карт, созданных индивидуально, шифр строится так же, как для интервью: город — пол — возраст.

Имена информантов изменены в целях сохранения конфиденциальности.

Фотографии сделаны авторами в ходе исследовательского фотомэппинга.

Таким образом, методический дизайн исследования объединяет три группы методов: 1) опросные (интервью, групповые дискуссии и анкетирование); 2) визуальные (ментальные карты, послание для капсул времени); 3) документальные (материалы Росстата, официальных сайтов изучаемых городов, локальных СМИ и сообществ в социальных сетях). В результате достигается методическая, источниковая и методологическая триангуляция, а работа команды из трех исследователей обеспечивает исследовательскую триангуляцию, все это дает возможность посмотреть на ситуацию с разных сторон.

Сформированная по итогам полевых работ эмпирическая база исследования составляет 206 малоформализованных интервью, 32 групповые дискуссии, 822 анкеты молодых людей, 453 анкеты представителей старшей возрастной когорты, 197 онлайн-анкет горожан, 792 ментальные карты, 701 капсулу времени. В совокупности такой методический подход обеспечивает схватывание множественности масштабов социальной памяти. Использование методов ментальных карт, мобильных интервью и групповых дискуссий позволило выявить не только значимые места, но и специфику работы памяти в изучаемых территориях в представлениях горожан.

Глава 2

ИНДУСТРИАЛЬНОСТЬ И ПАМЯТЬ

2.1. Индустриальное общество: историчность и судьба

Индустриальное общество массовизирует притязания эпохи Модерна, что выражается в героическом покорении природы и не менее героизируемых войнах, которые становятся мировыми, а технологии уничтожения — массовыми; распространяются глобальные средства транспорта и коммуникации — от железнодорожного до авиасообщения, от радиосвязи до Всемирной паутины; появляется и прогрессирует масскульт.

Принципиальная для нашей темы характеристика индустриального общества — это приоритет производства над потреблением (в постиндустриальном обществе они меняются местами). И до сих пор иные экономические трактовки определяют современное общество прежде всего через индустриальный тип производства и только затем — через соответствующую структуру потребностей и способ их удовлетворения. Так, по мнению доктора экономических наук, профессора С. Бодрунова, индустриализм, несущий сегодня черты уже не столько механизации, сколько автоматизации и роботизации, остается фундаментальной социальной характеристикой [Бодрунов, 6–7]. В этой логике слухи о смерти индустриального общества, если вспомнить иронию Марка Твена, явно преувеличены, а провозглашение постиндустриального — соответственно преждевременно.

Между тем невозможно игнорировать сдвиг акцента к потреблению (концептуализируемый через общество потребления), когда важнее уже не произвести, а организовать потребление, ориентируясь на капризные вкусы аудитории. И это справедливо как для материального производства, так и для всех остальных сфер — от индустрии развлечений, туристической до исследовательских, скажем опросных, индустрий, образования и здраво-

охранения как сферы услуг, так что современность все чаще описывают как общество знаний и общество впечатлений.

Участники групповых дискуссий — школьники и студенты колледжей в изучаемых поселениях — на вопрос о том, чего не хватает в их городе, первым делом говорят о большом торгово-развлекательном центре, спортивном комплексе, потом речь может пойти о больнице и лишь в последнюю очередь (если речь об этом вообще пойдет) говорят о производстве. И чем сложнее социально-экономическая обстановка в городе, тем пронзительнее звучат такие высказывания: *«Постройте, пожалуйста, ТЦ! Отремонтируйте дороги! Постройте многоэтажки! Измените Алапаевск, превратите его в мегаполис»* (АЖШ1/10). Так пишет школьница в послании потомкам. При этом многие признают достоинства небольших поселений, но как образец представляют, конечно, мегаполисы, имея в виду качество жизни, соответствующее современным стандартам общества потребления.

Шэрон Зукин 30 лет назад описала этот сдвиг как постепенное дистанцирование, уход от пространств базового производства и движение к пространствам потребления, показывая тем самым, что деиндустриализация и джентрификация являются сторонами одного и того же процесса (цит. по: [Мах 2010, 401]). Сегодня очевидно, однако, что эти две стороны разворачиваются далеко не одновременно, и небольшие уральские города демонстрируют это со всей определенностью. Деиндустриализация автоматически не продуцирует джентрификацию, поэтому далее мы анализируем две фазы деиндустриализации — сворачивание индустриальности и ее возможное переформатирование.

Комплексный характер индустриальности, как представляется, удачно схватывают концепции промышленной политики и культуры. И хотя «индустриальные культуры» иногда считают просто ранней версией «экономической культуры», Фрэнк Доббин в своей работе о формировании промышленной политики опирается на это понятие Кеннета Дайсона: индустриальные культуры суть институализированные принципы промышленной организации и хозяйственного поведения, принятые в той или иной стране [Доббин, 51; Dyson]. Это понятие отвечает за объединение практик и смыслов, обозначая рационализированные системы, выстроенные вокруг распознаваемых логик, они отличаются прагматичным здравым смыслом и зачастую сравниваются с природными феноменами (подход к институтам М. Дуглас). В свою очередь, парадигмы промышленной политики представляют собой институализированные принципы политического действия, усиливающие индустриальную культуру, создавая и поддерживая определенные модели поведения хозяйственных акторов и представляя эти модели как эффективные [Доббин, 51–52].

Индустриальность исторична, и Урал в этом смысле представляет собой богатейший арсенал различных сюжетов. Индустриальность меняется, причем в настоящее время очень активно и радикально. Драматизм ситуации заключается в том, что эти изменения способны переформатировать городское пространство и скорректировать его судьбу, они грозят разрушить заложенную при образовании поселения модель, почти всегда — города-завода. Уральские малые и средние города в большинстве своем представляют собой продукт развития территорий, на которых работали и жили сначала строители, а затем и работники заводов. Еще со строгановских, демидовских и походяшинских времен предприятия по сути отождествлялись с поселениями, когда люди говорили, что «живут в Бисертском заводе», «в Турьинских рудниках» и т. п.

В XX в. к старым промышленным поселкам добавилось множество населенных пунктов, известных нам сегодня как «моногорода». Возникновение таких поселений сопровождало бурное развитие индустрии во всем мире, но на Урале моногородская схема наложилась на уже существующую модель города-завода, усилив ее кажущуюся естественность, воспринимаемую как императивность. Однако во второй половине XX в. выросшие вокруг единственного предприятия города стали обзаводиться вторыми, третьими заводами. Так, в Серове наряду с основанным в 1896 г. Надеждинским металлургическим заводом в 1954 г. построена ГРЭС, в 1958 г. заработал ферросплавный завод. В Ревде помимо исторического метизного завода возникли Среднеуральский медеплавильный завод и завод по обработке цветных металлов. В Верхней Салде ВСМПО появилось в результате эвакуации в начале Великой Отечественной войны недавно созданного подмосковного предприятия.

Татьяна Витковская и Мария Назукина по материалам недавнего исследования дискурсов идентичности в тех же территориях, которые интересуют и нас в этой книге (Свердловская область, Челябинская область, Пермский край), пришли к выводу о том, что производство остается «одним из ключевых атрибутов локальной идентичности промышленных городов и определяет складывание локально-заводской идентичности» [Витковская, Назукина, 151].

В то же время ситуация становится все более противоречивой, поскольку индустриальные комплексы внутри себя стали неоднородными и неодновременными, об этом красноречиво свидетельствуют наши многолетние наблюдения. Например, в Серове ГРЭС пережила глубокую модернизацию и практически полное обновление оборудования, в результате чего с предприятия в ближайшем будущем будут высвобождаться сотрудники (сведения об этом уже поданы). Металлургические предприятия используют, по меткому замечанию одного из экспертов, инерционные технологии. Показательна аналогия с пиджаком, приведенная одним из экспертов, на котором можно

заменить пуговицы, любые другие элементы. Останется ли при этом пиджак «самим собой»? В фильме к 60-летию ферросплавного завода в одном из интервью информант с гордостью указывает, что практически все оборудование постоянно модернизируется, на заводе широко применяется рационализация, позволяющая повысить эффективность работы. Но при этом сама технология в целом соответствует тому, что было заложено при строительстве предприятия. Иными словами, в рамках городской территории присутствуют технические и технологические уклады из «разных времен», разной продолжительности присутствия в памяти города.

В городах формируются гибридные индустриальные комплексы, и однозначное их определение становится затруднительным. С начала 2000 гг. ряд градообразующих предприятий, среди которых есть и промышленные гиганты, такие, как Богословский алюминиевый завод в Краснотурьинске, и относительно небольшие объекты, например метизный завод в Ревде, стали сворачивать свою деятельность. Причины разнообразны: критическое снижение и обеднение сырьевой базы, недостаток или дороговизна энергетических ресурсов, отсутствие инвестиций для технического и технологического переоборудования, наконец, политика корпорации, в составе которой оказывается завод, и т. п. Соответственно такое положение стало новым вызовом для индустриальных городов: каким путем идти дальше — накатанной дорогой все к тому же храму, т. е. сохранять сугубо индустриальную идентичность, или искать какие-то новые варианты?

2.2. Де- и реиндустриализация как контекст «старой» и «новой» индустриальности

«Старая» и «новая» индустриальность — аспект большой темы, претендующий на то, чтобы вскоре стать ее главным нервом, но на данный момент базовое напряжение задает противостояние деиндустриализации и реиндустриализации.

Дискурсы де- и реиндустриализации, вовлекающие риторику постиндустриализации и новой — неоиндустриализации, развиваются главным образом в экономическом ключе [Кульков; Романова, Бухвалов; Романова; Юдина; Хайрулина, Душин, Ляпцев; Батманов, Капкаев; Миллер]. Новая индустриальность экономически трактуется как переход к шестому технологическому укладу [Авербух; Селезнев, Соснило; Абдикеев, Богачев, Морева].

Одной из распространенных коннотаций новой индустриальности в современной литературе является индустрия 4.0 (см. обзор: [Rojko; Xu L. D.,

Xu L. E., Li L.], где нас интересуют прежде всего социальные аспекты [How virtualization; Buhr; Morrar, Arman, Mousa]. Как отмечают Х. Айхель, Ф. Финк и П. Рютер, термин «индустрия 4.0» впервые был введен Немецким индустриально-научным исследовательским объединением (Forschungsunion) в 2011 г. для обозначения цифровизации промышленного производства.

Это понятие раскрывает видение умной фабрики, которую отличают полная взаимосвязь всех производственных частей и процессов, контроль в режиме реального времени посредством ИТС и растущее использование роботов, которые сами себя контролируют, движение в сторону большей производительности через эффективное использование ресурсов [Eichel, Fink, Rüther, 2].

В отечественных публикациях индустрия 4.0 сначала была представлена как «новая парадигма промышленного развития Германии» [Белов], позднее — уже как выражение общемировых тенденций и вызовов [Юдина 2017; Белоброва, Холковская]. В начале 2020-х этот термин все чаще используется как символ четвертой промышленной революции [Itikawa, Santiago]. В контексте представлений о сохраняющем командные высоты индустриализме с прежней опорой на материальное производство развивается концепция новой индустриализации, под которой понимается развертывание индустрии 4.0 и все более высоких (VI и далее) технологических укладов [Селезнев, Соснило]. На этом базисе вырастает новое, по сравнению с тем, которое в 1960–1980-х гг. описывал Дж. Гелбрейт, индустриальное общество «второго поколения» [Бодрунов].

«Идущие в мире процессы новой индустриализации обуславливают усиление роли промышленности в экономическом развитии и определяют ее в качестве ключевой движущей силы процесса городского развития» [Дворядкина, Кайбичева, 88]. В контексте регионалистики и градоведения, в функционалистском ключе, предлагают «новый индустриальный город».

По заключению Т. Нефедовой и А. Трейвиша, Средний Урал с его исторически сложившейся горнозаводской специализацией¹ при всех постиндустриальных сдвигах в экономике к концу 2010-х во многом остается индустриальным [Нефедова, Трейвиш, 5]. В современных публикациях по уральскому

---

¹ Точнее речь идет о части Свердловской и Челябинской областей, анализ статистики по которым приводит авторов к выводу о том, что занятость в промышленном производстве в этих регионах «повышена как на российском фоне, так и на уральском», тогда как заработки меньше средних по стране [Нефедова, Трейвиш, 5]. Цитируя здесь и далее эту важную статью, хотелось бы в то же время отметить ряд спорных и прямо ошибочных положений: крупный бизнес *не выбирает* те или иные города, а присутствует там, где исторически находились

макрорегиону о деиндустриализации практически не говорят², а если и затрагивают, то как часть общего (общенационального и общемирового) процесса (ср.: [Путилова]). Гораздо в большей степени исследователей интересуют вопросы новой индустриализации, здесь обращают на себя внимание разработки уральских и петербургских ученых [Силин, Анимица, Новикова; Новая индустриализация России...].

В то же время понимание неоиндустриализации как технологического обновления промышленности (освоение пятого технологического уклада и переход к шестому) вынуждает специалистов констатировать, что производства пятого-шестого укладов редко появляются в российских регионах, особенно в таких «деиндустриальных», как Курганская область в составе Большого Урала [Пилипенко, Гринюк]. Поэтому так важен анализ внутрорегиональных различий, включая аспекты региональной идентичности на Урале, изучаемые посредством «социологического измерения» [Киселев, Щербаков 2013а, 2013б; Щербаков; Давыдов]. Особый интерес для нашей темы представляет постановка вопроса о реиндустриализации как ностальгии [Колганов, Бузгалин].

Перечисленные направления исследований вносят вклад, но не дают исчерпывающего понимания индустриальности как качества социального пространства, которое является центральным в нашем исследовании. В своих рассуждениях мы опираемся на концепцию производства пространства Анри Лефевра. Мы рассматриваем трансформацию индустриального пространства малых и средних городов Урала в контексте трех ракурсов, обозначенных Лефевром. *Репрезентации пространства* представлены в нашем исследовании взглядами экспертов, представителей администрации, исследователей родного края, бизнесменов. Иными словами, для нас важен их взгляд на прошлое, настоящее и будущее наших городов. *Пространственные практики* как ощущение города, воспроизводимое на уровне повседневности, представлено в рассказах жителей, порой ностальгирующих по прошлому, часто недовольных настоящим и всерьез опасаящихся будущего. Образующиеся *простран-*

и сохраняются предприятия. Градообразующее предприятие в Сатке и парк развлечений «Сонькина лагуна» имеют разных владельцев, а проект реновации частных домов придумал И. Коржев, а не КБ «Стрелка».

² Для дискурса деиндустриализации на Урале показательны высказывания профессоров ведущих уральских вузов о роли гуманитарного образования. В 2001 г. В. И. Кашперский считал взлет факультета гуманитарного образования в крупнейшем техническом вузе «началом деиндустриализации Урала», уточняя, впрочем, что стоит говорить скорее о неиндустриальной фазе, когда промышленное развитие будет опираться на «инновационные технологии, эффективный менеджмент и развитие программного обеспечения» [Кашперский, 188]. Спустя 20 лет Л. Н. Мазур, напротив, констатирует усиление подчиненного положения гуманитаристики [Мазур 2020].

ства репрезентации предлагают сложную символику, связанную с потаенной стороной общественной жизни, а также с искусством, которое в данном случае можно определить как код пространств репрезентации. Особая символика каждого города высвечивалась в рассказах наших информантов — как экспертов, так и обычных горожан. Индустриальность в качестве характеристики городского пространства объединяет все эти поселения, но ее проявления, процессы возникновения, трансформации накладываются на культурный ландшафт территорий, что создает уникальность каждой из них.

Развитие индустриальности может создавать новые ресурсы для развития городской среды, одновременно приводя к сокращению рабочих мест. На таком фоне советский период может оцениваться более позитивно, поскольку тот уровень развития индустриальности способствовал созданию особой атмосферы не только тяжелого труда, но и общего созидания, гарантировал определенные блага для всех. Индустриальность как качество социального пространства воспринимается не только как уровень развития производства, но и как составляющая жизни поселения, задающая определенные условия существования и подлежащая интерпретации и символической кодировке его жителями.

Развилка ре- и деиндустриализации образовалась, когда индустриальная эпоха исчерпала свой потенциал; актуальный сегодня ракурс старой и новой индустриальности помогает лучше понять это базовое противостояние.

Деиндустриализация имеет две фазы или, может быть, две стороны. А именно, после того, как происходит свертывание или полная ликвидация прежнего производства, всегда переживаемые крайне драматично, предприятие может либо оставаться законсервированным или заброшенным, либо включиться в цикл креативной ревитализации; нередко между остановкой и ревитализацией проходит значительное время.

Погружение в проблематику ре- и деиндустриализации высвечивает еще один важный аспект. Об индустриальности обычно говорят как о чем-то состоявшемся — бывшем или происходящем. При этом из поля зрения выпадают ключевые моменты, когда для конкретного места решается, быть здесь заводу или не быть (варианты: возрождать остановленное производство или нет, создавать принципиально новое или нет). Такой взгляд позволяет увидеть индустриальное развитие не как реализацию глобальных макротенденций, но как столкновение определенных сил и действия конкретных акторов, которые и формируют в итоге судьбу городов и горожан. Рассмотрим подробнее эти моменты, начав с точек бифуркации, и затем перейдем к особенностям деиндустриализации.

2.2.1. Быть или не быть заводу

Если присмотреться к истории индустриальных поселений, давней и совсем недавней, в ней проступают поворотные точки, когда решается судьба. В индустриальную эпоху позитивное развитие территории по определению связывается с тем, пройдет ли здесь железная дорога, будут ли построены электростанция, завод. Для существующих предприятий важно, станут их дальше использовать, модернизировать или закроют. Поворотные точки выражают вариативность исторического процесса.

Взаимодействие масштабов здесь проявляется в том, что решение принимается «наверху», в государственных инстанциях, либо в руководстве холдинга или корпорации, а реализуется, с выигрышем или потерями для территории, на местах. Какова же роль «мест» в этом процессе? Как такие преобразования воспринимаются различными категориями населения? Рассмотренный с этих позиций опыт Уральского региона показывает судьбоносную в буквальном смысле роль государственных макропроектов, какими в период индустриализации были пятилетние планы, в послевоенное время — проекты преобразования природы, но также и значимость местной инициативы и регионального лобби.

Собранные добрянским историком Михаилом Калининым материалы пермской печати 1920-х хорошо передают атмосферу тягостной неопределенности в отношении законсервированных прикамских заводов. Так, о Добрянском заводе «Уральский торгово-промышленный справочник 1924 г.» сообщал: «Судьба завода в настоящее время не выяснена» [Калинин 2019, № 11, 15–16]. Летом и осенью 1925 г. региональная пресса фиксировала изменения к лучшему: «Добрянка пойдет», «Добрянка возрождается», «Добрянка оживает», «Скоро заработает Добрянка», пока, после «более чем двухлетнего перерыва», Добрянский завод не был снова пущен 15 декабря 1925 г. [Там же, № 14–36, 16–31]. Тогда смысл фразы «В пятилетний план не включен» (есть в том же справочнике), вероятно, мало кем до конца осознавался, это в ретроспективе ясно, что она звучала фактически как приговор. И это приводит историков к выводу о том, что «лучшие годы Добрянского завода», несмотря на оживление производства в 20–30-х гг. XX в. и самоотверженную работу во время войны, остались в дореволюционном времени [Калинин, Калинина, 141]. В 1950-е из планов создания новых крупных производств после ликвидации завода, попавшего в зону затопления Камской ГЭС, реализовано сооружение лесоперерабатывающего, позднее — домостроительного комбината (Добрянский ДСК), другие предприятия, целлюлозно-бумажный и фанерный комбинаты, так и не были построены [Калинин 2013, 18].

Златоустовский историк Юрий Окунцов пишет о параллельном существовании двух пятилетних планов, при том, что окружной значительно превосходил

общегосударственный. Ставился вопрос о строительстве в округе множества новых предприятий, в том числе в Сатке — второго магnezитового завода (о чем иногда упоминали информанты), в Златоусте — стального завода. Планировалось строительство последнего начать в 1929 г., через четыре года — пустить. Всем этим «грандиозным проектам не суждено было осуществиться», названные заводы не появились [Окунцов 2018, 310–311]. На XVI съезде ВКП(б) выступил представитель златоустовских рабочих Омелянюк:

У нас собрались строить стальной завод... Проект составлялся чуть не 4 года. В этом году закончили, нашли место за металлургическим заводом: тут болото, тут гора, тут река Ай. Приходится часть горы взорвать, засыпать болото и закрыть реку Ай — убить еще несколько миллионов. Очевидно, здесь была какая-то нечестная рука. Но нашлись люди, которые вмешались... завод на этом месте строиться не будет.

В итоге решили, что проще реконструировать существующий металлургический завод [Там же, 311].

Не было никакой определенности в конце 1920-х и со строительством Уралмаша; Свердловск — Екатеринбург вполне мог остаться без ныне пережившего свою славу, но все еще легендарного завода [Вехи Уралмашзавода]. В верхах дебатировался вопрос о создании второй угольно-металлургической базы на востоке страны: дешевле и продуктивнее, считали оппоненты, вкладывать в модернизацию уже существующих активов на юге европейской части, в Донбассе. В качестве конкретной площадки на Урале рассматривали не только Свердловск, но и Челябинск, Нижний Тагил, уже начатые работы рисковали попасть под консервацию. Закладка Уралмаша «была произведена в атмосфере сомнений и крайне скудных средств. Шли разговоры о возможности консервации постройки», о чем со ссылкой на сохранившиеся фрагменты записок главного инженера строительства В. Ф. Фидлера сообщают авторы книги «Неизвестный Уралмаш» [Агеев, Бриль, 42].

Потребовалось мощное лоббирование со стороны местных властей, чтобы Уралмаш все-таки состоялся и именно в Свердловске. Точно так же, путем лоббирования, в 1970-е выбивалось решение о свердловском метро, что было отмечено, в частности, в юбилейной выставке «Время в пути: как мы строили метро» 2021 г.³ Удаленный на 400 км к северу от Свердловска маленький Краснотурьинск не менее ревностно боролся за трамвайное сообщение, которое

---

³ Выставка «Время в пути: как мы строили метро», совместный проект Президентского центра Б. Н. Ельцина и Екатеринбургского метрополитена, посвященный 30-летию Екатеринбургского метрополитена и 90-летию со дня рождения Бориса Ельцина, включает экспозицию в метрополитене и программу мероприятий на базе Ельцин Центра в феврале — апреле 2021 г.

удалось-таки запустить в середине 1950-х [Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016а, 257–258]. Эти столь разновеликие примеры объединяет тот факт, что «наверху» экономическая целесообразность строительства в том и другом случае ставилась под сомнение, на местах же был очевиден выигрыш от притока не только инвестиций, но и символического капитала, приобретаемого за счет статуса нового объекта, будь то завод или трамвай — символы индустриальной цивилизации и современного для своей эпохи качества жизни.

Решение о новом, четвертом энергоблоке на БАЭС — градообразующем предприятии Заречного — было принято в доперестроечном 1983 г., начало работ совпало с перестройкой. Однако они сразу были свернуты, как сказал бы З. Бауман, до нового уведомления, иными словами, строительство отодвигалось на неопределенный срок и могло бы вовсе не состояться. В 2015 г. четвертый блок вступил в строй, поэтому из сегодняшнего дня период до 2006 г., когда возобновили или скорее заново запустили строительство, можно считать затянувшейся на 15 лет паузой, а тогда подобные перспективы были неочевидны. Наши зареченские информанты как раз в тот период (мы его захватили в исследовании 2013–2014 г., см.: [Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016а]) радовались вновь вводимому в строй бассейну, который до этого 15 лет простаивал, открытию ТЮЗа, говорили и о красоте нового энергоблока, но жесткой связи между оживлением города и расширением градообразующего предприятия не проводили, скорее то и другое выглядело элементом общего подъема после затяжного кризиса.

Известный зареченский журналист и летописец Сергей Гончаров⁴ в своей книге 2014 г. отчасти поддерживает такое видение, описывая, как в 2000-е гг. предпринимались попытки соскочить с моногородского крючка⁵: в начале 2010-х в Заречном ведется «достаточно мощное» жилищное строительство, для капремонта многоквартирных домов привлекаются федеральные средства. Поиски независимости закончились с приходом «к власти в городе команды БАЭС» на выборах 2012 г., и в том, что касается развития соцкультбыта,

---

(см.: *Время в пути: как мы строили метро* : выставка // Ельцин Центр. URL: <https://yeltsin.ru/affair/Vremya-v-puti-kak-my-stroili-metro/?id=41900> (дата обращения: 05.03.21)).

⁴ Заметим, что не все горожане разделяют позицию С. Гончарова, нам приходилось встречать и весьма скептические комментарии в его адрес.

⁵ В 2000 г. новый мэр «активно принялся выстраивать приоритеты города без оглядки на основное градообразующее предприятие», полагая, что «Заречный мог и должен был развивать альтернативную экономику», чтобы исключить зависимость от БАЭС. Несмотря на то что следующий мэр принадлежал к совсем другой команде, что вылилось в «дворцовые войны», в 2009 г. он заявил, что «не признает за Белоярской АЭС статуса градообразующего предприятия». И хотя вскоре признал, что погорячился, это заявление несомненно стало знаковым, С. Гончаров даже включил его в краткую летопись города [Гончаров, 134–135, 142, 253].

С. Гончаров даже несколько цинично говорит об использовании для этих целей «денег концерна “Росэнергоатом”, оставшихся от строительства четвертого блока Белоярской АЭС» (курсив наш. — М. В., Н. В., Е. П.). Был достроен Клуб юного техника, перепрофилированный в детскую спортшколу «Десантник», появились ТЮЗ с кинотеатром, создан бульвар Алещенкова и т. д. (хотя осталось немало и нереализованных проектов [Гончаров, 145, 149–150]).

В 2019 г. связь между строительством нового блока БАЭС и развитием города представляется, по крайней мере работникам станции, определяющей и несомненной:

Со строительством четвертого блока город... для себя увидел уже, какие это дает плюсы, блага для развития... город стал благоустроеннее: и за счет появления бассейна, и много домов новых построили, — я насчитывал больше там 30 домов построили после этого, возможно, даже ближе к 40 даже домам, бульвар там. То есть все облагораживается. И выделяются деньги городу на ремонт дорог. То есть был период какой-то, когда дороги все убитые там, все в ямах. И были выделены деньги концерна, чтобы сделать дорогу не только на станцию, но еще и в городе, определенные центральные улицы (ЗМЗ9).

В 2019 г. зареченская городская газета воспроизвела на своих страницах интервью 2006 г. с «одним из самых активных депутатов, бизнесменов и в то время главой зареченского отделения политической партии» А. Ю. Беуловым, который был убежден в том, что «четвертый блок БАЭС будет разовым всплеском, и то — вряд ли он коснется тех, кто сегодня ездит работать в Екатеринбург», потенциал виделся в развитии предпринимательства⁶. Наши информанты на БАЭС дальнейшие перспективы развития города связывают со строительством следующего, еще более мощного энергоблока.

Построенные с интервалом в 20 лет Белоярская АЭС в Заречном и Пермская ГРЭС в Добрянке — электростанции принципиально разных типов и относятся сегодня к разным компаниям, но для своих маленьких городов эти мощные предприятия остаются градообразующими, что дает основание для сопоставления.

На Пермской ГРЭС изначально планировалось шесть блоков, «она должна была самая мощная быть и в Европе... Непорожний даже министр⁷ приезжал

---

⁶ В 2019 г. зареченский еженедельник «Пятница» отмечал 40-летие, в честь которого в рубрике «40 страниц истории» воспроизводились самые интересные материалы. За 2006 г. таким как раз и стало интервью с А. Ю. Беуловым [Мучник].

⁷ П. С. Непорожний — министр энергетики и электрификации СССР в период с 1962 по 1985 г.

к нам сюда на закладку первого камня... но, увы, три блока было построено, запущено, а потом уже все, никому не надо электроэнергию» (ДЖ61). Наша собеседница говорит о периоде, когда после пуска третьего блока в 1990 г. дальнейшее строительство станции остановилось, судьба предприятия и зависящего от него города оставалась в подвешенном состоянии около 15 лет.

В 2017 г. в Добрянке, почти одновременно с Заречным, наконец пустили свой четвертый энергоблок. Информантка, муж которой работает в энергетике, рассказывает:

Этот город живет пока еще за счет Пермской ГРЭС. ...Мы были очень рады, когда построили четвертый энергоблок... Значит, думаю, слава богу, мужчинам работа еще будет (ДЖ53).

Дискурсивные маркеры временности в приведенном высказывании («живет пока еще», «работа еще будет») хорошо показывают, что настроение в Добрянке не столь оптимистичное, как в Заречном, и это различие прослеживается по многим другим ситуациям.

2.2.2. Деиндустриализация-1:

болезненное закрытие градообразующих заводов

В своих исследованиях мы постоянно встречаемся с явлениями упадка былой индустриальной мощи — в виде заброшенных цехов, руинированных заводских ДК и, конечно, горестных переживаний горожан. Этот комплекс социальных, эмоциональных и материальных явлений составляет травму деиндустриализации. Заявляя аналитическую оптику культурной травмы и (де)индустриализации, важно отметить, что в постсоветской ситуации индустриальное часто воспринимается как имманентное свойство, функция от советского, но, если взглянуть шире, советское индустриальное предстает частью глобального взлета и заката индустриальной эры.

Другой аспект срастания индустриального и советского густо замешан на идеологической составляющей, именно в таком ключе критиковал советскую *супериндустриализацию* В. И. Кашперский, имея в виду «индустриально-технократические проекты будущего... в условиях тоталитарной власти», когда «идеологический авангард всерьез полагает, будто то, что признано закономерным, “должно быть” достигнуто. В том числе и планомерное изменение человеческой природы, сущности»⁸ [Кашперский, 189].

---

⁸ Используя потенциал понятия тотальности, на рубеже 1990–2000-х набравшего силу и не омраченного еще указанием на познавательные ограничения, Кашперский развивает мысль о «супериндустриализации», имея в виду не только крайности сверххарциональности,

Подобное бликование масштабов высвечивает не только специфику любого локального, но и системный эффект, при котором все позитивные стороны бывшего развития предприятий и городов, хорошего, стабильного заработка, уверенности в завтрашнем дне, равно как и все негативные, связываются именно с советским строем, а не с глобальной индустриальностью. Поэтому особенно важно вписать наши кейсы в общие процессы деиндустриализации как в постсоциалистическом мире, так и в иных странах.

Изучение деиндустриализации, как показывает обстоятельный обзор Тима Штрангльмана, Джеймса Родса и Шерри Линкон, начав с описания непосредственных последствий закрытия предприятий, ныне вышло на новый уровень, когда в поле зрения оказываются долговременные социокультурные тренды, включая социальную память о работе предприятий и их закрытии [Strangleman, Rhodes, Linkon, 8]. Джефферсон Коуи и Джозеф Хиткотт предлагают переосмыслить не только хронологию деиндустриализации в США, но и память, пространственные отношения, связанные с ней культуру и политику как часть более широкого исторического процесса. Само воплощение основательности, мощи и постоянства, индустриальная эра оказалась лишь кратким мигом в истории капитализма, поэтому основой травмы является крушение иллюзии постоянства (цит. по: [Strangleman, Rhodes, Linkon, 10]). Эта оптика возвращает нас к тому, что в общем-то давно уже проговорено на языке текучей современности и других метафор, прорабатывающих размывание той самой, казавшейся когда-то незыблемо твердой, модерности. Свои повороты темы деиндустриализации предлагают российские политологи — о связи ржавого и красного поясов [Нечаев, Селиванова].

Для нашей связки «память/индустриальность» наиболее продуктивны подходы, соединяющие деиндустриализацию и локальную память (*place-specific memory*), как в исследовании Элис Мах, проведенном в английском Уокере, пригороде Ньюкасла-на-Тайне (интересном в том числе причастностью к движению города-сада, вдохновлявшему и раннесоветские концепции социалистического города). Э. Мах вводит понятие индустриальной руинизации, означающее форму и процесс, переживаемый и проживаемый людьми непосредственно и опосредованно, на расстоянии: из окна автомобиля, автобуса или поезда, на фотографиях или в туристических поездках [Mah 2010, 400] (другой британский пример см.: [Emery 2018, 2019, 2020]).

но и вездесущность партийного контроля: «Индустриально-технократическое сознание, распространяясь на все стороны жизни, полагает возможным и необходимым контролировать не одни лишь технологические процессы в производстве, но и “технологии” человеческого поведения» [Кашперский, 189].

Такие переживающие упадок промышленности места, как английский Уокер середины 2000-х, уральский Алапаевск конца 2010-х и даже Златоуст, город со 160-тысячным населением, работающими предприятиями и в то же время «зияющими высотами» заброшенных цехов металлургического завода, по мысли Э. Мах, находятся в некоем пограничье на полпути от индустриального, производственного пространства к пространству потребления (в развитие приведенного выше тезиса Ш. Зукин). Для таких ситуаций, когда индустриальность еще не погрузилась целиком в прошлое, а живо присутствует в настоящем, исследовательница предлагает использовать понятие «живой памяти», означающей «воспоминания людей о разделяемом индустриальном прошлом» [Мах 2010, 401–402].

Метафора «зияющие высоты», по названию романа А. Зиновьева (впервые изданного за границей в 1976 г., а на родине — в 1991 г.), подчеркивает инверсию индустриальных ценностей, сопрягая их в то же время и с советской историей, в которой, если иметь в виду не идеологическое, а хозяйственное измерение, формулировка философа находит воплощение в изменениях промышленного ландшафта нижнетагильского Высокогорного рудника, что вошло в поговорку «Была гора Высокая, стала яма глубокая». В то же время зияние артикулирует разрыв, хиатус, столь значимый для темпорального режима Модерна [Ассман 2012, 2017] (см. также: [Рюзен; Рождественская, Семенова]).

И еще один смысл, который приобретает зияние в нашем случае, это провал, пустота в ткани городского пространства. Как нам уже приходилось писать, остановка и закрытие заводов привели к появлению значительных пустот в пространстве города. В Алапаевске градообразующий металлургический завод был основан в 1704 г. и просуществовал до 2018 г. Во время посещений Алапаевска в 2019 г. нам указывали на забор, ограждающий место завода, цеха и оборудование которого разобраны и сданы в переработку. В пространстве города образуется «незавершенное» место, прежние смысловые значения которого перестали быть актуальными, а новые так и не возникли, — эта ситуация типична для многих городов Урала. Опустевшее пространство ждет своего часа. Порой оно привлекает паломников-экскурсантов, у которых вызывает ощущение именно пустоты, при том, что все постройки остаются на своих местах. Об этом красноречиво свидетельствует серия постов-репортажей Марины Козлачковой: «Мельница — кузница — столярка & литейка — ткани & платки — сукно — пустота. Это краткая история Арамильской суконной фабрики». Приведя длинную цитату об истории фабрики, автор поста заключает:

в 2010 году фабрику признали банкротом. Теперь здесь лишь кое-где местами мастерят картон, пластик и тому подобное. А в основном по этим цехам гуляет

пустота и грандиозные планы. Планы устроить тут музей, общественный центр, а на первый этаж пустить одну из продуктовых сетей.

Марина Козлачкова. Искусствовед. Основатель и руководитель изостудии «Кисточка». Член Союза журналистов РФ // Фейсбук. 02.03.21. URL: <https://www.facebook.com/natikras/posts/3663769583678362> (дата обращения: 05.03.2021).

Такие «незавершенные места» есть в любом городе, но в малых городах эта пустота приобретает особое значение. Во-первых, она связана с утратой, напоминает о конце стабильного прошлого, об окончании советской эпохи. В г. Верхняя Салда практически вся зона пруда, местонахождение металлургического завода, представляет собой руины, огороженные покосившимся деревянным забором; остатки неработающего завода тем самым связаны и с печальным состоянием водоема. Во-вторых, утрата в прошлом могла бы обозначать приобретение в будущем, если бы расчистка пруда стала основой для создания места отдыха, но никто не торопится преобразовать это пространство, и оно теряет уже и потенциал будущего возрождения в глазах местного населения [Прямикова, Вандышев, Веселкова 2020].

2.2.3. Деиндустриализация-2: ревитализация

Индустриальность имеет прочные ассоциации с искусством, в том числе специфически современным, которое помогает конденсировать идентичность и коллективную память [Старостова 2014а, 2014б; Хаботина; Шушаричев; Plate, Smelik 2013; Manfredi Latilla et al.]. Искусствовед Е. П. Алексеев считает даже, что на Урале художники появились благодаря заводам и горным школам при них [Алексеев, 192], Б. В. Павловский отмечал взаимовлияние уральской промышленности и искусства (цит. по: [Алексеев 2017, 193]).

Для анализа феноменов вовлечения современного искусства, которые мы наблюдали в Сатке, отчасти в Серове и некоторых других городах, существуют немногие пока еще работы, анализирующие связь индустриальности с современным искусством [Plate, Smelik] (см. обзор: [Manfredi Latilla et al.]; о переосмыслении индустриальности уральской международной индустриальной биеннале см.: [Шушаричев]).

Более широким пластом представлены публикации, в которых «старая» индустриальность рассматривается в ключе специфического наследия; само это наследие проблематизируется по-разному: как воплощение особой уходящей культуры, нуждающейся в сохранении и изучении, как ресурс развития, как материальный символ советского, жестко дебатированного в постсоветских странах [Культурный ландшафт...; Запарий; Ильин; Посвятенко; Чайко; Карпенко; Чепайтене 2016, 2017; Swensen, Skrede]. Особо отметим

опыт переосмысления «марксистского идеологического наследия в Сибири»: от «индустриальной гордости советской Сибири — завода “Крастяжмаш” до одиноких башен красноярского элеватора на берегу Енисея» [Резванов], работ М. Рожанского.

Топографичность, пространственную природу памяти детализируют понятия привязанности к месту и памяти места [Lewicka 2008, 2011; Ghahremani, Asadi; Manzo, Devine-Wright]. Памяти посвящена отдельная глава в недавно вышедшей книге Т. Майса «Почему старинные места имеют значение» [Mayes].

На сегодняшний день известны два принципиально разных способа использования промышленных объектов — с сохранением исходной функции и радикальной сменой функции. В первом случае для работающих предприятий предполагается модернизация (как в Сатке, Верхней Салде, Первоуральске), для сворачивающих или полностью останавливающих производство — реиндустриализация (с привлечением таких инструментов, как индустриальный парк, ТОСЭР), ориентированная на создание условий для нескольких новых производств сходного профиля. В этом случае пространство продолжает производиться как индустриальное.

Изменение функции происходит, когда пространство начинает производиться принципиально иным, уже не индустриальным образом: заводы и промзоны превращаются в креативные пространства, торговые и жилые районы, как правило, старающиеся обыграть индустриальный бэкграунд. К началу третьего десятилетия XXI в. для Москвы и Санкт-Петербурга можно говорить о ярко выраженном тренде такого перекодирования; появляются проекты в других регионах, на Урале пока имеются только точечные, хотя порой и очень выразительные примеры, прежде всего в областных центрах. По авторитетному мнению Т. Нефедовой и А. Трейвиша, Екатеринбург —

уральский лидер постиндустриальной экономики с развитым финансовым и банковским сектором, центр оптовой и розничной торговли с обилием малого бизнеса, в т. ч. сервисного. ...Один из крупнейших научных и образовательных центров страны [Нефедова, Трейвиш, 14].

К перечисленным критериям (финансы, торговля, сервис, наука и образование) следует добавить культуру, к которой, видимо, нужно относить и развитие культуры памяти, проработку индустриального и иного наследия. Действительно, постиндустриальный сценарий — в отличие от реиндустриального — запускается в том случае, когда при закрытии или переносе предприятия в качестве драйвера ищут не новых заводчиков (как в Красно-

турьинске), а делают ставку на культуру. Суть этого подхода хорошо выражает статья-манифест сенатора от Пермского края Сергея Гордеева, автора и инвестора выставки «Русское бедное» 2008 г. Выставка ознаменовала начало «пермской культурной революции», С. Гордеев призывал тогда сделать культуру новым мотором города-завода Перми:

Город-завод, центр «горнозаводской цивилизации» за все время своего существования, физического и мифического, породил немало прорывов, чудес и достижений. <...> Заводы, служившие двигателями Пермской цивилизации, не исчезли, они развиваются и обретают новые качества, но они уже «устали» тащить на себе город, им нужна помощь. <...> Городу с такой легендарной историей нужны новые места притяжения, новые магниты, новые моторы (цит. по: [Жога 2020, 220]).

Несмотря на неравномерность, отечественный опыт позволяет выделить характерные черты подобных преобразований: во-первых, индустриальность не изгоняется, но коренным образом переосмысливается и тем самым получает новую жизнь; во-вторых, преобразование при успехе дает комплексный эффект; в-третьих, инициатором и главной действующей силой, как правило, оказываются местные активисты и предприниматели, а не федеральные, региональные или муниципальные власти.

В отношении обыгрывания и коммодификации индустриальности показателен послыл сессии «Промзона 2.0: новая жизнь индустриального прошлого», с которого начинал московский «Дизайн-завод Флакон» в 2009 г. Арт-кластер «Красный Октябрь» подчеркивает в разделе «История» на своем сайте, что «“Красный Октябрь” — это не выхолощенный лофт, а настоящий продукт времени»⁹. Пример «Флакона» также хорошо демонстрирует, что работа даже с относительно небольшим предприятием может претендовать на комплексный эффект. «Флакон» уверенно позиционирует себя не только в качестве культурного центра, но и как городской квартал, креативное сообщество «на месте бывшего хрустального завода»; челябинский Центр креативных индустрий «SVOBODA2» видит своей целью стать культурным центром всего города¹⁰.

В Москве креативная ревитализация промышленных объектов активно разворачивается с середины 2000-х: в 2007–2009 гг. открываются «Красный Октябрь», Винзавод, Гараж, «Флакон» и др. И хотя условия столицы и регио-

⁹ Красный Октябрь. URL: <https://www.redok.ru/history/> (дата обращения: 05.03.2021).

¹⁰ См.: Завод Флакон. URL: <http://flacon.ru/> (дата обращения: 05.03.2021); Svoboda2. URL: <http://svoboda2.ru/> (дата обращения: 05.03.2021).

нальных центров трудно сопоставлять¹¹, практически одновременно, в 2008 г., предпринимается попытка в постмодернистском ключе переизобрести жизнь целого уральского города, столицы края — Перми. Начинание, датируемое сегодня 2008–2013 гг., быстро окрестили «пермской культурной революцией» (или, осторожнее, — «пермский культурный проект»), его жарко поддержала часть местных жителей, тогда как другая часть восприняла в штыки, как вторжение варягов. Противоречивая реакция и амбивалентный статус (многие считают попытку провалившейся) свидетельствуют в пользу суждения о том, что жизнеспособными оказываются проекты, растущие снизу (другие говорят о продуктивности той попытки) [Янковская 2013; Игнатова, Лысенко 2013; Лысенко 2015, 2016; Жога].

В отличие от Перми стартовавшая в 2010 г. в Екатеринбурге международная Уральская индустриальная биеннале современного искусства [Kochukhova] была не такой всеохватной, но оказалась более успешной в том смысле, что продолжает развиваться. Основной проект первой биеннале расположился на недавно освобожденных площадях типографии «Уральский рабочий» — памятнике конструктивизма в самом центре города, а специальные проекты — в заводских районах, уже вдали от центра, в том числе на действующих предприятиях. Здание типографии превратилось в «центр притяжения любителей клубной жизни и арендаторов рабочих помещений, бар, лофт и культурный центр» [Солонина, Шипицына], используя историческое название «Дом печати» и коммодифицируя символический капитал здания. Биеннале работала тогда еще и на то, чтобы сделать Екатеринбург, еще недавно промышленный центр со значительным сектором ВПК и потому закрывавший себя для иностранцев, видимым на международной арене¹², фактически постиндустриальным городом¹³. Пермь, хотя и не претендовала

---

¹¹ Рассказывая о том, как начиналась Уральская индустриальная биеннале, ее комиссар А. Прудникова обращает внимание на сложности, с которыми пришлось столкнуться: «В Москве 2000-е вспоминают как жирные годы — больших выставок и больших инвестиций, но для региональной сцены это был жесткий период» [Прудникова].

¹² Согласно ныне действующей стратегии развития Екатеринбург видит себя к 2030 г. «международно узнаваемым» центром деловых коммуникаций и т. п. (см.: Стратегический план развития Екатеринбурга // Официальный портал Екатеринбург.рф. URL: <https://ekaterinburg.rf/официально/стратегия/раздел1> (дата обращения: 05.03.2021)).

¹³ К тому моменту Екатеринбург уже принимал ШОС в 2009 г., в 2010 г. впервые провел ставшую ежегодной международную промышленную выставку-форум «Иннопром», включился в борьбу за проведение всемирной выставки «Экспо-2020» (см., например: [Трубина 2012; Trubina 2012, 2015]). Уступив на последнем этапе Дубаю, Екатеринбург снова участвовал в состязании за «Экспо-2025» и одновременно за футбольный Мондиаль, который и принимал в 2018 г. вместе с еще десятью российскими городами.

на такие мегасобытия, в 2010 г. запустила приоритетный проект «Пермь — культурная столица Европы» [Янковская 2012; Oapcä].

Главной площадкой четвертой Уральской индустриальной биеннале в 2017 г. стало здание на берегу городского пруда, оставленное переехавшим приборостроительным заводом, в 2019 г. выставка беспрецедентным образом расположилась внутри не просто действующего, но режимного оптико-механического завода, предоставившего предназначенный для ремонта корпус. С самого начала Уральская биеннале включает мощную интеллектуальную платформу: в 2019 г. был запущен проект «Индустриальность и культура», в рамках которого формируется архив практик ревалоризации индустриального наследия; работает Лаборатория индустриальных практик¹⁴. При всей успешности, однако, биеннале — это выставочная, художественная и интеллектуальная деятельность, которая прокачивает общественное сознание, но предполагает временные арт-резиденции на промышленных площадях.

В Кургане в 2015 г. с большим энтузиазмом обсуждались перспективы создания современного арт-квартала на освободившейся территории после переезда предприятия «Дормаш», однако ничего из задуманного не было реализовано: в 2020 г. рассматривались уже идеи создания жилой зоны с коммерческими помещениями, в которую предполагалось вписать объект культурного наследия — образец промышленной архитектуры начала XX в. «Казенный винный склад»¹⁵. Основанный в 2017 г. в Челябинске в помещениях стекольного завода Центр креативных индустрий «SVOBODA2» вдохновлялся опытом московского «Флакона». В начале 2020 г. этот Центр остается единственным в Челябинске и, по свидетельствам местных жителей, переживает не лучшие времена, связанные не столько с влиянием пандемии, сколько с развернутым рядом строительством, затрудняющим доступ на территорию, и, похоже, не вполне удачной маркетинговой стратегией¹⁶.

---

¹⁴ См.: О биеннале; Архив индустриальности // Большой Музей. URL: <https://uralbiennale.bm.digital/article/751699099722474168/o-biennale>; <https://uralbiennale.bm.digital/article/944638585782427886> (дата обращения: 05.03.2021). См. также: [Старостова 2014а, 2014б; Шушаричев; Kochukhova].

¹⁵ См.: Арт-квартал может появиться в Кургане // Loft-apart.ru. 21.12.2015. URL: https://www.loft-apart.ru/articles/art_kvartal_mozhet_poyavitsya_v_kurgane.html (дата обращения: 05.03.2021); Творческий кластер «Арт-квартал» // Мой Курган. АНО «Центр развития гражданских инициатив». 23.11.2017. URL: <https://mykurgan.ru/tvorcheskij-klaster-art-kvartal> (дата обращения: 05.03.2021); В Кургане обсудили преобразование участка с уникальным зданием // Область 45 : Информационно-деловой портал. 26.01.2020 (дата обращения: 05.03.2021).

¹⁶ Ср.: Обратная сторона «Свободы»: Чем живет бывшая промзона, где собрали самых креативных людей Челябинска // 74.ru. Челябинск онлайн. 12.02.2021. URL: <https://74.ru/text/gorod/2021/02/12/69762902/> (дата обращения: 05.03.2021).

Таким образом, не только Москва, но и уральские столицы (сначала Пермь и Екатеринбург, позднее — другие областные центры) в 2000-е гг. вовлекаются в переосмысление индустриальности с активным использованием средств современного искусства. Происходит ли нечто подобное в небольших городах, особенно если это промышленные монопоселения?

Сатка — маленький промышленный моногород, соседствующий с огромными карьерами и терриконами отработанной породы — продуктами деятельности комбината «Магнезит». С середины 2010-х здесь растут и множатся не только терриконы, но и разнообразные культурные проекты, связанные как с классическим, так и с современным искусством.

Историк С. Панарин, анализируя типичность и особость своего родного города Сатки, отмечает, что ее связь с общенациональным масштабом обеспечивает не только производство: Сатка фигурирует в пушкинской «Истории Пугачева», а в наши дни светится в медиа благодаря впечатляющим культурным преобразованиям [Панарин] и, добавим, вводимым элементам умного города. На открытие фестиваля швейцарской культуры в маленький уральский город в 2016 г. приезжал посол Швейцарии в РФ. Этот фестиваль стал традиционным; проводятся дни французской и итальянской культуры, среди проектов — сотрудничество с целым рядом ведущих российских вузов¹⁷.

Панарин подчеркивает традиции культурной самостоятельности, роль институциональных и индивидуальных агентов, значимые, думается, для любого города, но в Сатке в совокупности давшие потрясающий эффект. Если ученый основной упор делает на классику и традиции [Там же], то студент экономического вуза анализирует потенциал современного искусства для оживления социально-экономической сферы города [Минайлов]. Впрочем, различие может быть обусловлено и динамикой развития самого города, его культурной сферы, с середины 2010-х переживающей серьезные перемены.

В 2015 г. Сатка впервые вошла в число арт-резиденций (на тот момент их было одиннадцать) III Уральской индустриальной биеннале современного искусства, сюда приехали художники из восьми стран; через год было подписано соглашение о постоянном статусе резиденции в Сатке¹⁸. С 2016 г. проводится международный архитектурный фестиваль «Моя Сатка», благодаря которому город насыщается оригинальными малыми архитектурными формами (лавочки, остановки, новые городские пространства и т. д.).

¹⁷ См.: Фонд поддержки и сохранения культурных инициатив «Собрание». Проекты. URL: <http://fundsobranie.ru/projects> (дата обращения: 05.03.2021).

¹⁸ См.: Санникова В. Шестая Уральская индустриальная биеннале пройдет в четырех южноуральских муниципалитетах // Губерния. Челябинская область. 09.02.2021. URL: <https://gubernia74.ru/articles/culture/1102046/> (дата обращения: 05.03.2021).

Параллельно с «Моей Саткой» в городе проводится международный фестиваль уличного искусства Satka Street Art Fest. В результате фестивалей в Сатке появились пять произведений современной настенной живописи, созданных тремя дуэтами художников — российского Aesthetics group, швейцарского Nevercrew и итальянского Solo & Diamond. В течение всего лета для горожан и гостей города проводились лекции, мастер-классы и кинопоказы, раскрывающие тему современного искусства, выходящие за рамки музеев и выставочных галерей [Минайлов, 78].

Как и в Перми, «революция» в Сатке вдохновляет не всех, дизайнерские фонари на Пролетарской, к примеру, скептики называют «виселищами» и «рогами оленя» (рис. 2.1)¹⁹.

Вскоре после появления очередного арт-объекта в виде гигантских кроссовок, установленных у спортивного комплекса и продолжающих цветовую гамму муралов на стенах соседней школы, а также несущих символику области и градообразующего предприятия, участница интервью затронула вспыхнувшие по их поводу разногласия:

Сейчас в Интернете смотрю, много споров... спортивные кроссовки стоят, ой, сейчас что — кому-то нравится, кому-то не нравится (СтЖ67).

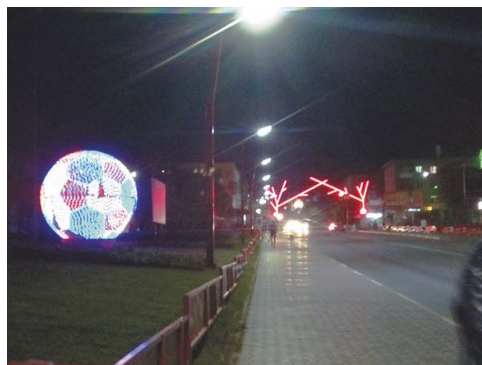

Рис. 2.1. Сатка. Улица Пролетарская с умными светофорами и арт-объектами — кроссовками и школой, разрисованной испанским художником Пабло Пеллуцем

¹⁹ См.: Сатка для чайников: репортаж из уральского городка, бросившего вызов промышленной мрачности // 74.ru Челябинск онлайн. 23.07.2019. URL: <https://74.ru/text/gorod/2019/07/23/66169639/> (дата обращения: 05.03.2021).

Знаток Саткинского района, наша собеседница очень ценит подобные «необычные вещи» («такого у нас не было никогда») и маркируемый ими драйв. Оценивая аргументы критиков (раздать эти деньги людям, пустить на медицину), с медициной она готова согласиться, а вот вариант раздачи категорически отвергает как пережиток советских, в худшем смысле слова, установок: *«За это выступают только те, кто сами ленятся хоть что-то палец о палец стукнуть и заработать»* (СтЖ67).

В ходе наших встреч в Сатке эксперты вспоминали, что поначалу население довольно прохладно отнеслось к продвижению в городе классической живописи и музыки, так что понадобились немалые усилия, чтобы, скажем, симфонический концерт не воспринимался как нечто чужеродное. Посвященный Е. Образцовой фестиваль «Кармен» проводится в Сатке с 2017 г. (рис. 2.2). Областные медиа называли его «беспрецедентным культурным и просветительским событием, аналогов которому нет в современной России»²⁰.

Рис. 2.2. Фестиваль «Кармен» в Сатке

В 2019 г. фестиваль впервые вышел из Дворца культуры в пространство города. С площадки перед ДК, где расположились сцена и сиденья для зрителей, а по бокам — кубы с презентацией последних стрит-арт-проектов, тумбы с напитками и снеками, открывается впечатляющий вид на работающий внизу комбинат. Сам монументальный ДК послевоенной постройки сохранил статую Ленина слева от входа, избавившись только от фигуры Сталина, которая когда-то уравнивала композицию по другую сторону. Таков современный

²⁰ Морозова М. Классика плюс эстрада: Уникальный музыкальный фестиваль состоялся в Сатке // Аргументы и факты. Челябинск. 2019. 24 июля. URL: https://chel.aif.ru/society/klassika_plyus_estrada_unikalnyy_muzykalnyy_festival_sostoyalsya_v_satke (дата обращения: 05.03.2021).

микс, сложное пространство, которое производится, по нашему мнению, как пространство современной (но не новой) индустриальности.

Таким образом, Сатка активно скользит между шкалами локального, регионального, национального и мирового, то и дело превосходя масштаб «типичного» маленького города: «кроссовки» обыгрывают областного верблюда и красочное изображение, созданное испанским художником Пабло Пеллусом на стенах школы, цвета которого, в свою очередь, поддерживают стилистику Ивана Коржева и московского «Арт-бюро 21» для улицы Пролетарской, «Кармен» беспрецедентен для России, а если говорить о гении Образцовой, то это, конечно, мировой феномен.

Корпоративные интересы, поддерживающие моноиндустриальный характер поселения, при этом никуда не исчезают:

Основная задача — это улучшение социального лифта людей. <...> За счет чего? Первое — изменение социального статуса города. Что мы имеем здесь в виду? Первое — это улучшение социальных объектов и вообще всей социальной службы. К этому у нас есть несколько предложений. Есть народный артист Юрий Розум. Его именем мы назвали школу искусств. Имени Юрия Розума. Сейчас занимается 420 человек. Мы сейчас разрабатываем совместно с ним, и вчера я разговаривал с председателем законодательного собрания Челябинской области, мы ему подготовим предложение, разрабатываем идеологию новой школы. Новой школы XXI века. <...> Сейчас мы ведем переговоры и уже, в общем-то, получили согласие от Бутмана Игоря. И нам очень хочется со временем построить современный музыкально-эстетический, как мы его назовем — это потом уже, центр. <...> Имени Бутмана. <...> Было бы очень здорово, если у нас получится открыть высшее учебное заведение. <...> Просто была бы сказка (СтМ54).

Стратегическое мышление и впечатляющий размах планов руководства дает ощутимые уже сейчас, зримые плоды в виде обновляемого и преобразуемого в современном ключе городского пространства, работающего предприятия, так и, надо полагать, последствий в среднесрочной и долгосрочной перспективах. В то же время негативные эффекты индустриальности в виде тяжелых условий труда и рискогенного производства при относительно скромной оплате труда, а также наносимого природе урона тоже имеют место. И это противоречие всплывает в групповых дискуссиях и интервью, когда студенты колледжа упоминают страшные истории о производственном травматизме, а среди ментальных карт появляются рисунки, изображающие искусственные горы, подступающие к жилым домам (рис. 2.3).

Озабоченность экологической проблематикой, наносимым уроном окружающей среде, в силу промышленной деятельности, сквозит в формулировке одной капсулы времени, где школьница передает завет потомкам:

Заботиться об экологии. Сохранить природные памятники. Развить город Сатку до того, чтобы этот город был известен всем. Оставить свой след в истории города (положительный). Придумать другой метод добывания магнезита (СтЖ18).

Высказываний, так или иначе проблематизирующих индустриальность, немного, но они есть, и с ними резонирует еще один сюжет: обсуждение высказывания в социальной сети уральского фотохудожника Сергея Потеряева, в котором он признается в любви к Сатке:

Как начались наши отношения во время Третьей уральской биеннале, так все закончиться не могут.

...Наконец я сделал в Сатке художественную работу — выставку по итогу моей небольшой резиденции в августе.

История о том, что уральский ландшафт хоть мы и воспринимаем как природный, по большей части рукотворный. Заводы создали пруды и подчинили реки, горы сменились карьерами, а мастер стал вершиной мироздания...

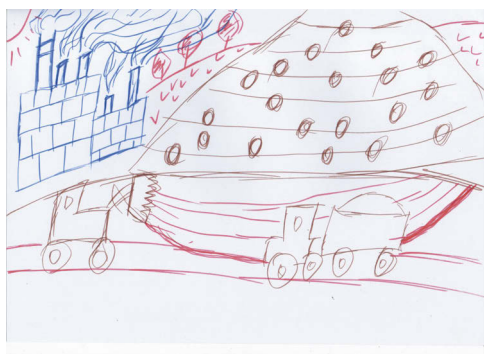

Рис. 2.3. Сатка — работающий завод с дымищими трубами, грузовики, терриконы

Sergey Poteryaev. Фейсбук. 01.11.2019.

Речь идет о выставке С. Потеряева «Предвосхищая ландшафт» в арт-пространстве «Руина»; само название обыгрывает особенность места, образо-

вавшегося после сноса старого дома, которое решили не застраивать, а сделать выставочным пространством под открытым небом [В арт-пространстве «Руина»...] (рис. 2.4).

Средствами фотографии и этим высказыванием в социальной сети автор предлагает свое осмысление роли заводов: она генеративна, соотношения природных сил и человеческих соперничают в лепке ландшафта. Те пейзажи, которые открываются взгляду уже при подъезде к Сатке, поражают величиной рукотворных гор, образованных из отвалов отработанной породы, так что «мастеру», не в поэтическом, а в буквальном смысле, приходится взбираться на эти вершины — сначала чтобы сгружать породу все выше и выше, затем — чтобы рекультивировать эти отвалы. В обсуждении данного поста фотохудожника появилась реплика оппонента о том, что такая художественная деятельность «пока помогает фонду маскировать социальные проблемы города, принадлежащего Магнезиту».

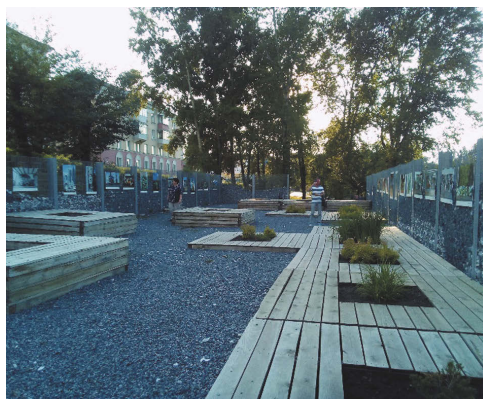

Рис. 2.4. Арт-пространство «Руина» в Сатке

Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал» первым этапом своей истории считает Музеум естественной истории и древностей, основанный в 1841 г. П. Н. Демидовым, в 1985 г. в него включены экспозиции под открытым небом. Подобное восприятие заводской техники как наследия и его музеефикация долгое время оставались уделом специалистов и точечной практикой. Еще в начале 2010-х это приводило аналитиков к безрадостному заключению о том, что на Урале

вкуса к наследию, к истории, кажется, еще не сформировалось. Людям нет дела до того, что происходит с застройкой, напоминающей о золотой лихорадке XIX века, первых успехах молодой уральской промышленности в XVIII веке и демократичных поисках конструктивистов [Трубина 2013].

В течение 2010-х, однако, ситуация постепенно меняется. Так, многолетние усилия сысертских активистов, краеведа и депутата А. Савичева, предпринимателя Я. Кожана и других привели к началу ревитализации наследия завода Турчаниновых — Соломирских: в 2020 г. в Сысерти стартовал проект «Лето на заводе», заводские руины начинают восприниматься как ценное индустри-

альное наследие и постепенно превращаются в культурный кластер²¹. Через такого рода низовые инициативы постепенно наращивается понимание дериватов индустриальности как наследия — ценного и скоропортящегося, а потому нуждающегося в бережной проработке.

Как объясняет Ян Кожан, его очень вдохновляет европейский опыт работы, когда рассказываются истории, связанные с местом. В какой-то момент он начал водить «экскурсии по Екатеринбургу для друзей, это создавало атмосферу приключений, поиска сокровищ в первую очередь эмоциональных, а не физических». И наконец, по опыту успешного проекта «Лето на заводе» в Сысерти 2020 формулируется задача

показать, что старинный завод, так же как и сотни лет назад, может стать центром городской жизни и объектом, способствующим развитию всей территории. Только если раньше завод производил металл и зарабатывал на его экспорте, то теперь его оживляют творческие люди. И современные услуги и товары, производимые здесь сегодня, также имеют все шансы продаваться за рубежом [Войнакова, Рашевская].

В 2020 г. на сысертском заводе организовали «летнюю сцену, коворкинг, фудкорт», но важно не только то, что сотню мероприятий тогда посетили тысячи людей, но и то, что о проекте узнали «миллионы посетителей социальных сетей и читателей СМИ» [Войнакова, Рашевская]. Медиате́ло — принципиально важное слагаемое продвижения и развития проекта [Александр 2013].

Ян Кожан говорит про обозначившийся тренд к сохранению заводов. С опорой на материалы проведенного исследования уточним: желание, имевшееся, по нашим данным, у многих жителей, но чаще у старшего поколения и в старопромышленных городах, теперь а) входит в актуальную/модную/молодежную повестку и б) деятельную стадию, пока на уровне точечных проектов. Препятствием служит негативный шлейф заводской идентичности, связанный со «старой», в данном случае старосоветской, индустриальностью:

---

²¹ См.: ЖЖитель: путешествия и авиация. Золота нет. История заброшенного завода на Урале // Яндекс.Дзен. 01.10.2018. URL: <https://zen.yandex.ru/media/zhzhitel/zolota-net-istoriya-zabroshennogo-zavoda-na-urale-5bb1d18964e59d00aa6784f7> (дата обращения: 05.03.2021); *Вербницкий М., Потеряев С.* Кто и как возрождает жизнь вокруг старинного завода в Сысерти // The Village. 28.08.2020. URL: <https://www.the-village.ru/city/howtobe/sysert-works> (дата обращения: 05.03.2021); *Лобанов Е.* Как загнать хипстеров на завод? История сысертского культурного кластера // Аргументы и факты Урал. 16.11.2020. URL: https://ural.aif.ru/society/kak_zagnat_hipsterov_na_zavod_istoriya_sysertskego_kulturnogo_klastera (дата обращения: 05.03.2021).

«уральцы хотят быть не заводчанами, а модными хипстерами, сидящими в кофейне», считает Я. Кожан [Войнакова, Рашевская].

Думается, этот вывод справедлив не только для уральцев, но, в той или иной степени, для жителей индустриальных городов в целом. Это проявление более широкого явления перехода от советского уклада к новокапиталистическому. Протесты 2011 г. «Оккупай Уолл-стрит» в России не имели успеха как антикапиталистические, поскольку страна еще «не наелась» новых отношений, протесты Оккупай-Абай 2012 г. приобрели политический вектор²².

Таким образом, в 2010–2020-е разворачиваются два направления современной проработки индустриальности в небольших городах: во-первых, ревалоризация индустриальных остатков, превращение их в работающее наследие; во-вторых, включение арт-практик в территории действующей индустриальности.

И тот и другой способы требуют целенаправленных усилий и инвестиций и реализуются далеко не везде. Никак не взлетающие останки индустриальных предприятий превращаются в «опасные заброшки», такие как Верхнесинячихинский металлургический завод (ВСМЗ) в Алапаевском районе (Новости 4 канала. 02.03.2021)²³.

Завод был основан в 1769 г. Саввой Яковлевым как железоделательный завод. После кризиса 1990-х и восстановления в конце десятилетия в 2012 г. предприятие вошло в новую волну кризиса с невыплатами зарплат, резонансными забастовками, банкротствами. Новая попытка восстановления в 2014 г. к 2016 г. иссякла, обернувшись очередными голодовками работников²⁴, сделанная областью ставка на реиндустриализацию по типу Краснотурьинска не была реализована.

В условиях деиндустриализации Алапаевск тоже сделал ставку на прошлое, но не на старый завод, меморативный ресурс которого остается неосвоенным, а на переосмысление связанных с ним исторических личностей

---

²² См.: Occupy Wall Street или Оккупай Абай? // Радио Свобода. URL: <https://www.svoboda.org/a/24718465.html> (дата обращения: 05.03.2021).

²³ См.: Подросток, который погиб под обломками старого уральского завода, разбил его на лом // E1.Ru Екатеринбург онлайн. 01.03.2021. URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-69789785.html (дата обращения: 03.03.2021).

²⁴ См.: Лобанов Е. Собакин завод в Верхней Синячихе // ETV. Б. д. URL: https://ekburg.tv/articles/gorodskie_istorii/2018-07-20/broshennye_zavody_urala_sobakin_zavod_v_verkhnej_sinjachikhe (дата обращения: 03.03.2021); ТАСС. Власти проведут реиндустриализацию завода на Урале, где голодали рабочие // Рамблер. 07.08.2017. URL: <https://news.rambler.ru/other/37580938-vlasti-provedut-reindustrializatsiyu-zavoda-na-urale-gde-golodali-rabochie/> (дата обращения: 03.03.2021).

и событий. Полтора года жизни в Алапаевске юного Чайковского давно капитализированы, созданный в 1965 г. дом-музей Чайковского ныне является филиалом Свердловского областного краеведческого музея, чего не скажешь о так называемом алапаевском художественном феномене — возникновении здесь в середине XX в. целой плеяды, культурного гнезда, наивных художников. В тот период, по словам директора музейного комплекса, здесь активно писали более 70 авторов. В 1992 г.²⁵, т. е. через тридцать лет после музея Чайковского, был открыт Алапаевский музей изобразительного и декоративно-прикладного искусства, входящий ныне в Алапаевский музейный комплекс, имеющий муниципальный статус.

В Алапаевске подчеркивают вклад В. Б. Городиловой (1911–2003) в появление этих институций — дома-музея Чайковского и музея ИЗО²⁶. Коммерческие мероприятия в честь Веры Борисовны, а в январе 2021 г. отмечали 110 лет со дня ее рождения, воспроизводят «перекос» политики памяти в сторону Чайковского, оставляющей в тени самодельных художников²⁷. Во время нашего визита в музей ИЗО демонстрировались работы, объединенные в выставку натюрмортов и выставку об истории города. Рассказывая об алапаевском художественном феномене, директор связала его с деятельностью Городиловой, которая

очень много общалась с художниками... со многими переписывалась, с искусствоведами, привлекла их сюда, т. е. люди, благодаря опять же ей, проводили вечера, и она собирала вокруг себя вот такие вот, ну, вечера, люди общались, обменивались, и какой-то случился такой порыв, я бы сказала. Поэтому вот во многом благодаря ей культура получила какой-то толчок, вот именно благодаря этой женщине. Просто она потрясающая! (АЖ40).

Андрей Бобрихин, известный специалист по наивному искусству, включая и алапаевский феномен²⁸, руководитель Музея наивного искусства в составе

---

²⁵ 1992 год указан на сайте Алапаевского музейного комплекса на портале Музеи России (URL: <http://museum.ru/M2239> (дата обращения: 05.03.2021)), А. Бобрихин приводит дату 1993 [Бобрихин 2017, 34].

²⁶ См.: Алапаевский музейный комплекс // Музеи России. URL: <http://museum.ru/M2239> (дата обращения: 05.03.2021).

²⁷ См., например: 110 лет со дня рождения Веры Городиловой отметили круглым столом // Свердловский областной краеведческий музей. [2021]. URL: <http://uole-museum.ru/news/110-let-so-dnya-rozhdeniya-very-gorodilinoj-otmetili-kruglym-stolom/> (дата обращения: 05.03.2021).

²⁸ См.: Бобрихин А. Истоки алапаевского художественного феномена // ВКонтакте. 18.02.2018. URL: https://vk.com/wall15743238_4396 (дата обращения: 05.03.2021). См. также: [Бобрихин 2015, 2020; Бобрихин, Граматчикова 2019].

Екатеринбургского музея ИЗО, в свою очередь, выделяет роль М. Брусиловского. В своей статье в альбоме-каталоге, посвященной его творчеству, А. Бобрехин особо останавливается на 1971 г., когда бригада свердловских художников (Г. Мосин, М. Брусиловский, А. Золотухин, А. Бурлаков) работала в Алапаевске над созданием мозаик на фасаде будущего ресторана «Весна», — тогда и состоялось их знакомство с семьей Трофимовых. Выяснилось, что «в Алапаевске художников как нерезанных собак», по выражению Ю. Трофимова. Вскоре была организована выставка А. Трофимовой в областном центре — Свердловске. Бобрехин подчеркивает ее значение как первой официальной выставки наивного искусства на Урале, с которой начнется «отсчет систематического и, главное, практического интереса к творчеству наивных художников в Свердловске, области и Екатеринбурге» [Бобрехин 2017, 32].

В конце 1980-х состоялась выставка Трофимовой в Париже. Бобрехин приводит высказывание Брусиловского о ее «колоссальном успехе» и о самой художнице: «Она француженка, по какому-то ощущению это просто Франция. Если сделать ее альбом, это будет огромное культурное событие. Мировое». А сам Алапаевск Миша Шаевич полушутя называл центром мирового искусства [Там же, 33].

Самое время включить мультискалярную оптику: Брусиловский, ныне признанный «художник с мировым именем»²⁹, настаивал на «мировом» масштабе алапаевского художественного феномена. Не менее важно и то, что для начала 1970-х в провинциальном городке А. Бобрехин (2017) привлекает контекст всей «послеоттепельной» страны, а также вписывает первую выставку А. Трофимовой в региональную историю институционализации наивного искусства, — таким образом соединяются масштабы города, региона, страны и мира, создавая и соответствующие потенциальные рамки социальной памяти.

По мысли Андрея Бобрехина, различные «формы выражения наивной истории советских людей», включая творчество наивных художников, «следует рассматривать как манифестацию идентичности», которая в этих формах «усиливается тем, что в нашей стране эти процессы носили взрывной и порой травматический характер, которые и формировали смертельно-болезненную спайку личной и коллективной памяти» [Бобрехин 2020, 240].

Работы местных художников экспонируются на тематических выставках музейного комплекса, участвуют в выставках Музея наивного искусства в Ека-

---

²⁹ В более развернутой характеристике Бобрехина «Брусиловский — самый любимый екатеринбуржцами художник и один из самых дорогих российских авторов на мировом рынке живописи, а главный хранитель музея Прадо Хуан Фернандес Солеро Хосе Касаравилья ставил его в один ряд с такими явлениями нашего времени, как П. Пикассо, Х. Миро, А. Матисс» [Бобрехин 2017, 35].

теринбурге; мозаикам, которые в 1971 г. появились на здании новаторской тогда архитектуры «Весны», повезло меньше, они скрыты сайдингом сетевого магазина. Но ни алапаевский художественный феномен, ни тем более творение Мосина, Брусиловского и их коллег практически не вовлекаются в продвижение Алапаевска.

Чайковский и «алапаевские мученики» — вот два сюжета, которые здесь преимущественно актуализируются в современной политике памяти и маркетинге территории. Алапаевск заметно преобразился в процессе подготовки к 100-летию со дня гибели царской семьи в 2018 г., с тех пор Царские дни вошли в календарь ежегодных мероприятий, выводящих город за пределы собственного масштаба [Прямикова, Вандышев, Веселкова 2020].

О привилегированном статусе этих двух сюжетов недвусмысленно свидетельствует материальная составляющая. Скромное здание музея ИЗО не идет ни в какое сравнение с ухоженным домом-музеем Чайковского, окруженным дизайнерски оформленным садом, и Елисаветинским монастырем. О значимости памятника Елизавете Федоровне говорят уже размеры бронзовой скульптуры (вместе с постаментом она превышает семь метров; среди спонсоров — две компании, занимающиеся медью), а также участие высоких гостей в грандиозной церемонии открытия летом 2017 г. и большой медиарезонанс (см., например: [Позднякова]).

Эмпирические данные с точностью воспроизводят данный расклад приоритетов. Именно эти два сюжета называют студенты колледжа, когда определяют Алапаевск как «город с большой историей». История оказывается «большой» не по длительности, а по масштабу фигур:

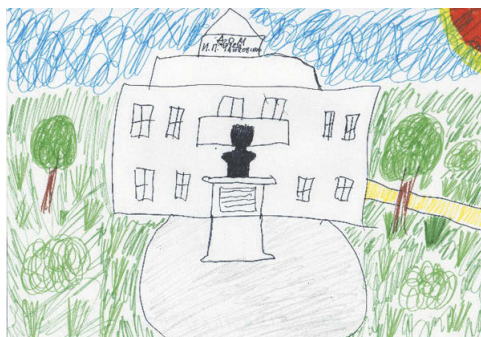
Эти люди, они значат что-то для России, имеют большое значение, потому что Чайковский — это один из самых знаменитых российских композиторов, русских, который известен во всем мире, и наш город благодаря этому тоже знают. А семья Романовых, ну Романовы — это вторая династия правящих царей в России, это очень важно.

И поэтому город имеет значение в этой истории тоже, и люди его знают благодаря этой истории. И для него это огромная история, огромный период (АЖК2).

В интервью информанты с большим чувством рассказывают и показывают дом-музей Чайковского, памятник Елизавете Федоровне, храмы (рис. 2.5).

Другие мемориальные объекты, Напольная школа, Алапаевская узкоколейная железная дорога, военные памятники на ментальных картах встречаются реже, а музей ИЗО — ни разу. Правда, в школьной групповой дискуссии (ГД) прозвучало:

У нас есть Музей изобразительного искусства, но он находится в таком [неважном] состоянии, и про него почти никто не знает. Если его как-то развить, было бы очень даже неплохо, потому что там появляются довольно-таки интересные экспонаты (АЖШ2/10).

На ментальных картах (МК) Музей Чайковского и памятник Елизавете Федоровне нередко занимают весь лист, метонимически представляя весь город (рис. 2.6). Такие рисунки, выполненные в реалистичной манере, демонстрируют ухоженную территорию: это особые места, выпадающие из общей повседневности города. Действительно, многие ментальные карты школьников и студентов колледжей изображают Алапаевск грязным, замусоренным и «заставленным» сетевыми магазинами, как на рисунке.

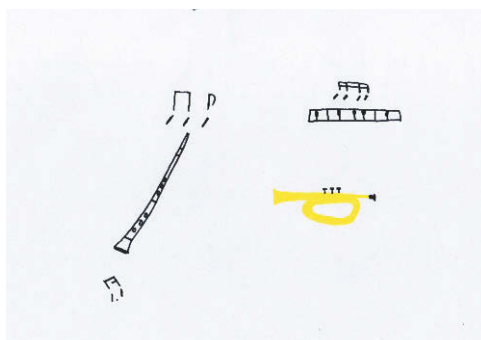

Рис. 2.5. Дом-музей Чайковского с коллекцией музыкальных инструментов в Алапаевске (АМК2, АМШ2/10)

Рис. 2.6. Дом-музей Чайковского обозначен скрипичным ключом (АЖШ2/10)

Такой оказывается плата за пропуск в клуб общества потребления. Дорога в рытвинах и выбоинах, подчеркнута небрежные линии, магазины. И только в глубине — отмеченный скрипичным ключом музей Чайковского, рядом с ним — еще один (в КВ 16-летняя школьница, автор этого рисунка, пишет: «Я жила в Алапаевске, когда тот был не в самом лучшем положении. Я много критикую, но люблю этот город»).

Памятник Елизавете Федоровне, как правило, тщательно прорисован, во всяком случае, на молодежных МК (рис. 2.7): полностью или хотя бы краешком в «кадр» попадают собор, а также элементы благоустройства (ограда, брусчатка, лавки и беседка), деревья. Аккуратный детализированный рисунок, впрочем, не гарантирует позитивного посыла, вот послание к потомкам на обороте одного из таких изображений:

Рис. 2.7. Памятник Елизавете Федоровне в Алапаевске на молодежных ментальных картах (АЖШ1/10, АЖК2)

Бегите, глупцы, отсюда! Вряд ли Алапаевск будет существовать через 100 лет: пенсионеры умирают, взрослые работают, их дети уезжают → мало кто останется в этом городишке. Я ненавижу этот город, ведь и любить его не за что. Лучше уезжайте, я вам не пожелаю жить в этой дыре (АЖШ1/10).

Негативистские КВ — распространенный тип практически во всех территориях, но обычно это односложные фразы и ментальные карты другого плана, отличие этого примера — в его развернутости и детализации рисунка.

Взрослые, в стремлении отобразить все знаковые места, могут позволить себе абстрактные обозначения в виде условной фигуры с инициалами или просто подписи: «памятник Елизавете Федоровне» (рис. 2.8).

2.3. «Старая» и «новая» индустриальность

Исследование показало, как предприятия изучаемых городов прибегают к частичной модернизации производства на основе имеющихся ресурсов. В рассматриваемых городах есть и модернизированные производства. Так, в городе Серове Свердловской области при общем состоянии металлургической промышленности на уровне 2.0 есть ГРЭС, полностью соответствующая современным требованиям к качеству оборудования. А в городе Сатке подходит к завершению строительство нового современного цеха на градообразующем предприятии (сотрудники испытывают противоречивые чувства: с одной стороны — гордость, с другой — страх перед оптимизацией персонала, который непременно

Рис. 2.8. Памятник Елизавете Федоровне в Алапаевске на взрослых ментальных картах (АМ52, АЖ29)

будет высвобождаться при внедрении новых технологий на предприятии). Постоянной модернизации подвергаются производственные мощности в Заречном, кроме того, открываются и развиваются нетипичные для уральского индустриального региона производства, например, пивоварение и пошив высокотехнологичной одежды все в том же Заречном или конструирование аэросаней в Добрянке.

Крупные промышленные предприятия, как и раньше, привлекают горожан стабильным заработком, социальным пакетом, обучением в аффилированном техникуме. Об этих достоинствах говорят эксперты управления экономической политики, а также руководители предприятий и сами горожане, лояльно относящиеся к градообразующему предприятию. Таким образом, модернизация дополняет устои тяжелой современности.

Как таковой дискурс «старой» и «новой» индустриальности отсутствует в изучаемых территориях, поэтому мы имели дело не с устоявшимися готовыми трактовками, а со спонтанными ассоциациями и последующими рассуждениями, анализ которых выводит на разнообразные смыслы.

Старая индустриальность на уровне первых ассоциаций связывается с давно существующими предприятиями, некогда игравшими или до сих пор играющими градообразующую роль, например, со спонтанной ассоциацией со «старым заводом», от которого в Верхней Салде *«практически уже ничего не осталось, наверно»*. Информант рассуждает о том, что под старой индустриальностью можно понимать *«и времена СССР, наверно, то есть, когда старая индустриальность была, технологии другие, и масштабы другие, и оборудование другое»* (ВСМ47).

В локальном дискурсе индустриальность фигурирует в качестве непреложной константы для объяснения событий, происходящих как внутри городского сообщества, так и с городским сообществом. Таким образом, мы можем говорить о судьбе городов³⁰, о тотальности их привязки к индустриальным предприятиям. *«Серов со всех сторон окружен заводами»* (СрШ1). Проговаривается вред для экологии: *«С какой стороны к городу ни подъедешь, воняет завод»* (СрШ1). Типично уральский город, все выстроены одинаково. *«Идешь по Ленина — одни и те же лица, ничего не меняется»* (СрШ1).

По данным анкетного опроса, в городах с работающими заводами молодые горожане изредка их указывают в числе самых важных мест в городе

---

³⁰ Немецкий социолог Георг Зиммель (см.: Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press, 2018. 112 с.) рассуждает в такой логике о больших городах. На наш взгляд, его подход может быть применен и для поселений меньшего масштаба [Вандышев, Веселкова, Прямикова 2019].

(чаще студенты колледжей, чем школьники), а вот показывать их приезжим³¹, чтобы познакомить с городом, вряд ли стали бы. Исключение составляет Заречный, где десять респондентов (каждый пятый из ответивших) в качестве объекта показа назвали БАЭС, в том числе несколько — «путь к третьему блоку», возможно, потому, что он представляет собой хорошую прогулочную зону и место встреч (почти как улица Свердлова, опоясывающая гору Долгую в Качканаре, но в Заречном, помимо прогулок «по пути к третьему блоку», люди идут на работу и с работы). Такое «невнимание» к предприятиям расходится с практикой наших go-along-интервью, в ходе которых информанты разных возрастов (по большей части, правда, старше школьного возраста) стремились показать градообразующее предприятие. Различие обусловлено, вероятно, различием практик общения с ближним кругом (друзья, знакомые или родственники, которых касался вопрос в анкете и кому завод, очевидно, неинтересен) и приезжими исследователями.

На безнадежно устаревший формат устройства городской жизни именно как жизни типичного уральского индустриального поселения указывают школьники, отмечая не только однотипность того, как город выстроен архитектурно и композиционно, но и характеризуя событийный ряд. Серов — серый, обычную рутину прерывают только криминальные инциденты. В ходе обсуждения постепенно всплыло «печальное событие» из истории города — наводнение. В ответ на вопрос о других возможных печальных событиях полусуто-полусерьезно в 2018 г. назвали переименование ведущего завода. Версия о возвращении исторического имени уступила версии об уходе от камеральной проверки. Избавить от прозябания, вырвать из пучины неизвестности город могли бы какие-то крупные позитивные события (чтобы Серов стал популярным в мире городов или хотя бы на Урале):

Нужно, чтобы произошло что-то интересное, какая-то научная выставка, что-то типа Экспо. И все, у нас постоянно приток всего, и науки, и людей, всего.

Более скромный вариант, как говорит участник ГД,

если делать в более меньших масштабах, аквапарк «Лимпопо», как в Екб... большой, будут приезжать со всей области — нужна инфраструктура, а ее нет, сделать академгородок и там тоже приток будет (СрШ1).

---

³¹ Открытый вопрос: «Если приезжают гости (друзья, знакомые или родственники) и просят показать город, какие места вы показываете в первую очередь?»

«Нет простора для творческих людей», «работать негде», «покажите мне хоть десять человек со всего города, кто хочет работать на заводе в 11 классе» (СрШ1).

Представления информантов о новой индустриальности укладываются в пять типов, дифференцированных в мультискалярной, темпоральной и социально-экологической логиках. Новая — другая по отношению к тому, что было до нее на данном предприятии, в этом городе, безотносительно к тому, что есть на уровне региона, России или других стран, т. е. к региональному, национальному и мировому масштабам:

- 1) новая как недавно созданная;
- 2) новая как соответствующая некоему высокому уровню;
- 3) новая как особая, уникальная;
- 4) экологически и социально ориентированная.

Нередко в рассуждениях одного информанта встречался целый набор характеристик, включающих несколько из этих типов. Это означает, что в представлениях местных жителей их предприятие может обладать сразу несколькими аспектами новизны. Рассмотрим выделенные типы подробнее.

1. «Новая» как недавно созданная. Новизна предприятия или его подразделения выделяется относительно его самого и безотносительно к другим масштабам.

Время создания (в досоветскую эпоху, советскую, постсоветскую) могло бы стать самостоятельным основанием классификации, когда бы не переплеталось с масштабами. Общая закономерность состоит в том, что образованные в советское или более раннее время заводы редко относят к новой индустриальности, больше шансов у тех, что созданы относительно недавно и при этом демонстрируют устойчивый рост, а в современной ситуации — и специфически соответствуют рынку. В Добрянке на такой статус претендует если не вся Пермская ГРЭС, то ее новый блок:

Четвертый блок когда добавили, там меняется вся автоматика старая на новую... вся техника там заменена (ДЖ53).

Златоустовский «Смарт» не может похвастаться давними традициями, тем не менее в его самоописании на сайте представлена история: это устремленная в будущее линия с началом в 2004 г., компания сразу создавалась как современный бизнес³². Ранее созданным большим предприятиям приходится проводить модернизацию, что требует времени и инвестиций.

---

³² См.: Яковлева Я. Модернизация и семечки // Forbes.ru. URL: <https://www.forbes.ru/forbes/issue/2010-01/46652-modernizatsiya-i-semechki> (дата обращения: 05.03.2021).

В руководстве ВСМПО говорят:

Мы десять лет занимались тем, что называется крупномасштабной дорогостоящей модернизацией старых наших цеховых территорий. Мы ввели огромное количество объектов, у нас... целые цеха новые.

Новая может пониматься как еще одна производственная мощность:

Уралкалий... они бьют рудники, но это им надо потому, что выработку надо делать; то есть они там строят сейчас... Бьют новый ствол и оттуда добывается руда (СлМ24).

Этот молодой человек, работающий на другом крупном предприятии, оценивает перспективы Соликамска довольно скептически: текущее развитие и крупных предприятий, и малого бизнеса, и сферы туризма, по его мнению, идет слабыми темпами, несравнимо, например, с Екатеринбургом. Поэтому и преобразования на Уралкалии, несмотря на новые технологии и зарубежных специалистов, он считает недостаточно масштабными:

Новые мощностя, новые технологии будут применяться в работе. Вот, то есть люди из-за границы там. Ну как, Германия же все равно получается основатель всех этих горных наук, то есть приезжают немцы, что-то там вводят, показывают, делают. Как бы есть все равно развитие, но оно такое. Не такими темпами (СлМ24).

2. «Новая» как соответствующая высокому уровню. Иными словами, такая индустриальность действует в превосходящем локальный масштабе. В Златоусте нам рассказывали о созданном местным предпринимателем производства пакетированных снежков — семечек и арахиса³³:

У нас есть знаменитая фирма «Смарт» в городе, то есть производство семечек, орешек на весь мир, короче, на всю Россию точно. Производят здесь у них. Дальше, вон там, завод, в той стороне он, от «Тарелки», его просто видно, там большая надпись «Смарт» будет. То есть у них свой, свои заводы. Как бы основное головное здесь находится, сам завод, цех. Ну по всей России, где поля, где еще что-

---

³³ «Сегодня компания является одним из федеральных лидеров рынка семян подсолнечника и арахиса в России, странах СНГ, Европы и Азии. Продукция “Смарт” прочно ассоциируется у покупателей с качеством и инновациями» (см. сайт компании: Компания «Смарт». URL: <https://www.smart174.ru/about/> (дата обращения: 05.03.2021)).

то, все относится как бы к «Смарту», то есть по всей России. Все-все приходит в Златоуст (ЗМ32).

Информант противопоставляет «Смарт» как «новую» индустриальность «старой» — металлургии и машиностроению. В приведенном отрывке помимо указания на российский и мировой масштаб бросается в глаза значимость того, что это именно производство и расположено оно именно здесь, в Златоусте.

В Добрянке участницы группового интервью разошлись в оценке своей ГРЭС: аргументы «за» мы уже начали приводить в первом пункте: модернизируется оборудование, кроме того, Пермская ГРЭС — *«одна из крупнейших в мире и одна из самых автоматизированных по оснащению в Ев-ро-пе!»*. Информантка интонацией подчеркивает масштабы предприятия, а последнее слово произносит по слогам. Еще один аргумент «новизны» обусловлен жизнеутворяющей ролью градообразующего предприятия: *«От нее идет жизнь... она устареет тогда, когда оттуда уйдут и на ней будут расти деревья»* (ДЖ53).

3. «Новая» как особая, уникальная. Молодой работник одного из новых цехов ВСМПО, он приехал из такого же маленького, но меньше приспособленного, по его мнению, для молодежи города, получил профильное образование в техникуме и очень доволен трудоустройством: подчеркивает не просто новизну цеха, оборудования и причастность к известной зарубежной фирме (в нашей типологии это пункты 3 и 2), но и уникальность:

У меня цех ну более новый такой цех, в каком году его основали не помню, ну лет 10 назад, один из новых, один из последних цехов новых, ну т. е. на нем «Бонинг» делают, там самые новые станки, самое современное, есть такие, которых вообще нигде нету, под заказ заказывали, т. е. таких станков вообще нигде нету, как у нас стоят, все станки с программным управлением, ну т. е. новые станки там, просто как на компьютере, нажимаешь кнопки, у тебя станок работает сам (ВСМ21).

4. «Новая» как экологически и социально ориентированная. В отличие от «красного вонючего дыма из труб... каких-то... бухалок» «старой» индустриальности «новая» представляется как

современные машины, современные очистные сооружения... это все, что дает возможность производству быть экологически чистым и быть не вредным для людей и в то же время повышать производительность, выпускать хорошую продукцию (СрЖ59).

Помимо новых технологий, относимых к технической, непосредственно «промышленной» компоненте, информанты подчеркивают важность коммуникативной, социальной составляющей — для нового поколения, поскольку «у них другие взгляды есть, у них другие как бы возможности, потребности», поэтому

новая индустриальность, она не замыкается рамками производства... надо смотреть шире, это не только само производство, но это еще и социальная составляющая, которая должна обеспечивать потребность нового поколения, ну потому что они другие и мы должны этим вызовам соответствовать (СлЖ55).

Содержательно все типы индустриальности ассоциируются с промышленным предприятием, как правило градообразующим, и его оснасткой, оборудованием и технологиями (но, может быть, и с объемами рынка, включенностью в широкие партнерские сети). Так, в Заречном представители и градообразующего предприятия, и малого бизнеса определяют «новую» индустриальность через технологии, при этом для большого производства важны новые технологические решения (ЗМ39), для малого бизнеса — более гибкая, точечная, творческая настройка (ЗМ30), в Верхней Салде говорят о «супертехнологиях» (ВСМ47).

Вместо тяжелой индустрии, доминирующей весь XX в., которая для небольших городов всегда была и остается основой существования города, мы видим развертывание нового, компактного производства. Так, например, в Добрянке есть завод по производству электронного оборудования для нефтедобывающей отрасли ООО «НПО “Эталон”». При этом новое везде воспринимается как заведомо лучшее, продвинутое и продвигающее, т. е. в целом благотворное для всего остального — горожан, окружающей среды и т. п. Высвобождение работников в связи с модернизацией акцентируется редко, еще реже пришлось слышать о системном управлении процессами, когда заблаговременно выстраивают альтернативные направления развития и сферы занятости. Такой подход артикулирован в городской администрации Сатки:

Палка о двух концах, то есть щас современное оборудование, вот эти красивые новые печи, но-о-о люди, сокращаются же рабочие места. Вот, и поэтому, с этой целью, мы, собственно, и начали здесь усиленно развивать туризм, чтобы вот з-з-заполнить эту нишу.

Что касается характера возникновения новизны, то все изменения описываются как постепенные и постоянно, своим чередом идущие, без каких-либо революционных рывков. Качественные изменения, если о них

вообще говорят (как на ВСМПО), являют собой накопленный итог, а не результат радикальных преобразований. Революционная риторика и семантика вообще чужды описаниям новой индустриальности в устах наших информантов. Ни на уровне словоупотребления, ни на уровне смыслов ни о какой промышленной революции в целом, ни о цифровизации в частности, речи не идет. Скорее полем интересов выступает системность — где-то достигаемая, где-то желаемая. Обновление оборудования, технологий, но также и подготовка персонала, менеджмента, корпоративной культуры. Следующий горизонт — городская среда.

По результатам интервью с самыми разными представителями городов, от администрации до обычных жителей, мы получили несколько другие критерии «новой» индустриальности, которая не сводится только к технологиям, а предполагает включенность индивида, живущего в комфортных условиях и получающего высокую зарплату.

Еще одним важным элементом различения городов «новой» и «старой» индустриальности является внедрение новых концепций собственно городского планирования. В некоторых городах (например, в Сатке и Заречном) активно внедряются технологии «умного города», развиваются элементы креативных индустрий (о чем с гордостью рассказывают как сотрудники Управления культуры, так и рядовые жители городов).

Гипотеза о разделении городов на «старую» и «новую» индустриальность подтвердилась не в полной мере, в том числе и за счет «эффекта колеи». «Эффект колеи» только усиливается за счет убежденности местных жителей в том, что это «город, который нашел свое предназначение» (как прозвучало в одном из интервью), скажем «город металлургов», о каких-то других возможных видах деятельности здесь не стоит и думать.

Индустриальность в этом случае становится *качеством социального пространства*, определяющим не только значение производства и формируемые на его основе социальные отношения (те, кто работает на градообразующем предприятии, — «белая кость»), но и соответствующую ментальность — настройки мышления. Как показывают ранее проведенные нами исследования, позиция населения во многом определяется индустриальной компонентой их поселения — наличием больших предприятий, обеспечивающих не только занятость и заработок, но и общую инфраструктуру городской среды. Современное развитие сектора услуг, малого и среднего бизнеса не воспринимается ни как основа устойчивого развития территории, ни как источник решения повседневных проблем. Люди могут приветствовать инновации, но при этом остаются убежденными в том, что их город живет, пока работает градообразующее предприятие.

В городах, пусть даже условно отнесенных к городам «старой» и «новой» индустриальности, работают различные сценарии взаимодействия с прошлым, отличается и участие в этих процессах различных субъектов. В Сатке («новая») наблюдаются уход в креативность, широкое применение современного уличного искусства. В Соликамске («старая») это музеефикация прошлого, работа с наследием, подчеркивание «длинной» истории города.

2.4. Индустриальная память

Занимаясь текущей проработкой индустриальности, как бы она ни расценивалась — как единственная основа экономики для настоящего и будущего или как уходящая или уже минувшая эпоха, мы сталкиваемся с особым форматом памяти, которую можно назвать индустриальной.

Память в самом общем виде — это способ движения информации (о прошлом): селекции, хранения, передачи, использования. Аналитическая рамка современных исследований памяти включает поиск ответов на три ключевых вопроса: чья память (и для кого она производится), о чем (содержательно-тематическая избирательность) и как она работает? Последнему посвящена вся дальнейшая часть раздела, а вот по первым двум пунктам стоит дать пояснения.

Чья память? По этому пункту в нашей теме базовым является деление по поколениям (учащаяся молодежь — их родители — бабушки-дедушки), но существует и ряд других критериев. Есть немалый соблазн разделить помнящие сообщества, мнемонических акторов на институциональных (в зоне охвата настоящего исследования — муниципальные органы власти, предприятия, учреждения образования, музеи, СМИ, сообщества краеведов) и неинституциональных («обычные» горожане). Похоже, однако, что это не самый удачный путь, поскольку «обычные» молодые люди, участники групповых дискуссий, представляли перед нами как учащиеся своих школ, студенты колледжей, т. е. в определенной институциональной роли. Так же и участники интервью, даже если встреча происходила на нейтральной территории или в ходе прогулки по городу, в процессе разговора обозначали свою институциональную принадлежность. Не отказываясь совсем от этого деления, более предпочтительной считаем характеристику акторов по видам и практикам памяти, а также в системе ‘человеческие’ (human: индивиды, группы) — ‘не-человеческие’ (non-human: монументы, здания, ландшафты, живые существа).

Ответ на вопрос «О чем или на чем “специализируется” эта память?» так же подробно рассматривается далее, но заслуживает внимания и короткий ответ: на индустриальности.

Нынешний Алапаевск его молодые жители называют каким угодно, только не индустриальным: маленький, провинциальный, бедный; город, которому не хватает развития; бесперспективный. Такое положение участники исследования не расценивают как закономерный этап развития индустриальности, просто фиксируют закрытие предприятий. Не сговариваясь, учащиеся двух разных школ едва ли не одинаковыми словами воспроизводят знакомый им дискурс:

Многие заводы, которые работали, они закрыты. Остался один, Стройдор-маш... он один не может вывести город на тот уровень, который способны поддерживать другие города (АШ2/10).

Было много заводов. Раньше было 54 завода, что ли, а сейчас?.. Все разобраны (АШ1/10).

Позитивное определение — город стал туристическим, историческим, «*тут был Чайковский, тут были Романовы*» — вызывает скепсис: «*На туризме долго не протянешь*». В ходе дискуссии одноклассники согласились с юношей — автором этого суждения. По просьбе исследователя он развивает свою мысль:

Нужно новые достопримечательности, наверно, открывать, заводы восстанавливать и рабочие места новые давать людям.

— *То есть без завода все равно вариантов нет развития?*

М: Ну у нас на этом город строился, т. е. завод, он держался.

Д: Заводы обеспечивают основные рабочие места для людей. У нас очень много людей, которые имеют такие профессии, потому что они были очень востребованы в свое время, и сейчас им просто негде работать. И люди пытаются как-то неофициально, что-то, куда-то уезжают. И многие семьи из-за этого разрушаются... Если бы у нас были заводы, которые обеспечивали бы большее количество мест, много чего изменилось бы (АШ2/10).

Завод оценивается исключительно положительно, как источник рабочих мест, причем по имеющимся у горожан специальностям. Речь идет не о создании каких-то принципиально иных производств, а о восстановлении прежних. Шестнадцатилетние алапаевцы считают работающие и неработающие заводы неотъемлемой частью идентичности своего города:

Завод «Стройдормаш», который был там перенесен в войну... он тоже как бы памятник исторический, даже не действующий, даже если будет просто стоять: в Екатеринбурге полно люков, где написано: «Алапаевск. Стройдормаш» (АЖШ1/10).

Большая часть самых интересных мест Алапаевска: АМЗ — неработающий завод (АЖШ2/10).

Таким образом, даже отказывая нынешнему Алапаевску в индустриальном звании, молодые горожане демонстрируют то, что вслед за Т. Витковской и М. Назукиной (2018) можно назвать сильнейшей локально-заводской идентичностью. Из поколения в поколение такой образ города, его потенциала и предназначения, истории и судьбы воспроизводится посредством специфически «заточенной» социальной памяти. Для того чтобы собрать вместе ее особенности и попытаться создать узнаваемый портрет, возьмем на себя смелость далее говорить о ней как об особом типе памяти — индустриальной.

2.4.1. Индустриальная память: концептуальные основы

Индустриальная память в нашей логике представляет собой проявление темпорального порядка Модерна. Алейда Ассман подробно исследует этот феномен в терминах темпорального режима Модерна. Прежде чем перейти к его рассмотрению, остановимся на более общей и вместе с тем инструментальной концепции темпорального порядка одного из авторов, Н. Веселковой³⁴.

Темпоральный порядок трактуется как разновидность социального порядка, представляющего, по М. Веберу, такое содержание социальных отношений, «когда поведение (в среднем и приближенно) ориентируется на отчетливо измеряемые максимы». При этом наиболее устойчив порядок, «обладающий престижем, в силу которого он диктует нерушимые требования и устанавливает образцы поведения» [Вебер, 637]. Уже применительно к социальному времени Ф. Артог говорит о том, насколько такие «порядки» в природе вещей, люди «подчиняются им... помимо воли и даже против воли, не осознавая того или осознавая», но их растворенность в повседневной жизни и встроенность в социальную компетентность, если использовать еще один наш термин [Веселкова, Прямикова 2005а, 2005б], не отменяет их императивности: на эти установления, пишет Артог, «наталкиваешься как на стену, если пытаешься их оспорить» [Артог 2008, 19].

Существует ряд близких понятий. Так, Хартмут Роза разрабатывает идею «историко-культурного режима времени» (цит. по: [Ассман 2012, прим. 8]).

---

³⁴ Эта концепция была предложена в 2010 г. для анализа временного измерения дискурсов, характеризующих взаимодействие детей-мигрантов и принимающего сообщества в системе школьного образования [Веселкова 2010а].

Восемь видов социального времени, еще в середине XX в. выделенные Ж. Гурвичем, тоже представляют собой не что иное, как темпоральные порядки — длящееся, обманчивое, неустойчивое, циклическое, замедленное, переменное, обгоняющее себя и взрывное время [Gurvitch; Веселкова] (ср.: [Тергилов]). Все эти построения — порядков, режимов или, как у Гурвича, спектра социального времени — выражают исследовательскую потребность в аналитическом инструменте, который позволил бы совладать с описанием вздыбленных, по образному выражению Е. Трубиной (2013), накладывающихся друг на друга темпоральностей.

В концепции Н. Веселковой темпоральный порядок раскрывается через три взаимосвязанных аспекта: контроль — ресурсы — власть. *Нормативный аспект* выражает предписывающую силу темпорального порядка. Как всякий институт, социальное время (см., например, [Elias]) предполагает социальный контроль, направленный на поддержание определенного комплекса ожиданий, ценностей и норм. *Ресурсный аспект* направляет внимание на вопросы: насколько ресурсно то или иное время, ресурсом чего оно является, что выводит на проблематику социального капитала? *Властно-символический аспект* описывает распределение власти: кто кому что и посредством чего диктует соотношение прошлого, настоящего, будущего и другие темпоральные координаты? Каковы символические коды этих взаимодействий и как возможно декодирование? Существуют ли практики сопротивления, герильи, и если да, то что они собой представляют [Веселкова 2010а, 134–136].

Со стрелой времени уже давно все плохо. Новый ангел, едва выйдя из-под пера Пауля Клее в 1920 г. и превратившись к 1940 г. у Вальтера Беньямина (2000) в Ангела истории, с тех пор все крутит головой, — таким и планирует, уже в 2016-м, в прощальную «Ретротопию» Зигмунда Баумана (2019). Разрушения или, скажем мягче, системные сдвиги в темпоральном порядке эпохи модерна сегодня вполне очевидны.

Собственно, ощущение кардинальных перемен в устройстве мира, в том числе и темпоральных: изменчивость и экспансия прошлого, расширенное настоящее, неопределенное и съезженное будущее — и вызвали к жизни социологические теории поздней, высокой, текучей современности, скандальную поначалу эмансипацию памяти от истории и целое направление исследований памяти, а также осмысление утраченного (или уходящего) темпорального порядка. Обобщая различные исследования, А. Ассман выделяет пять аспектов темпорального режима Модерна [Assmann 2013; Ассман 2012, 2017, 105–165]: 1) разрыв, или перелом времени; 2) фиктивное новое начало; 3) творческое разрушение; 4) возникновение понятия «историческое»; 5) ускорение. На смену этому режиму приходит новый, «специфичный

именно для начала XXI века тип темпоральности», который точно описан Ириной Каспэ через «переживание настоящего как “постутопической” эры, эпохи существования на обломках “больших утопий” и в ситуации “утраченного будущего”» [Каспэ, 43].

Эпоха модерна нас интересует прежде всего в качестве *индустриального массового общества*. В 1980 г. Э. Тоффлер суммировал его характеристики: стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация, централизация [Тоффлер, 92]. Если верно, что эти принципы действуют во всех областях жизни, а именно так считает ученый, то они должны проявлять себя и в сфере социальной памяти. Переломный момент, когда индустриальная эпоха с присущим ей темпоральным порядком и индустриальным же типом памяти закончилась, разные специалисты³⁵ относят к концу 1980-х, связывая с падением Берлинской стены и началом распространения цифровизации.

Еще одно важное обстоятельство, которое следует учитывать в выдвигании и проверке гипотезы об индустриальной памяти, это специфика советского проекта: рассматривая его как частный случай проекта Модерна, важно удерживать в поле зрения и его сущностные особенности. Общемодерные и специфически советские черты, накладываясь, производят эффект взаимного усиления. А именно, модерная устремленность в бесконечное тогда еще будущее, когда стрела времени была исправна, а потенциал НТП безграничен и безгрешен, т. е. не скомпрометирован этически, и советская устремленность в светлое коммунистическое будущее — эффективно питали и одновременно конкурентно подстегивали друг друга.

Модерное индустриальное общество, так же как и советское, не закончилось раз и навсегда, везде и одновременно (еще раз вспомним словосочетания: постсоветское, постмодерное и поздняя, высокая, текучая современность, постиндустриальное и «новая» индустриальность, сама конструкция которых активно дебатировалась с момента их создания как попытка усидеть на двух стульях — ухватить принципиальную новизну, но как продолжение старого порядка). Именно поэтому индустриальная память как текущее «продолжение» прежнего мироустройства представляет такой интерес. В изучаемых городах мы наблюдаем проявления нового темпорального режима вперемешку с подвергнутыми коррозии ошметками старого.

Характеристики массового общества, темпорального режима и темпорального порядка как основы концепции индустриальной памяти суммированы в табл. 2.1.

---

³⁵ А. Ассман приводит в пример Х. У. Гумбрехта и Ф. Артога [Ассман 2017, 198–212], см. также: [Артог 2004, 2008].

Таблица 2.1

**Массовое общество, темпоральный режим Модерна,
темпоральный порядок — концептуальные основы индустриальной памяти**

Массовое общество (Э. Тоффлер)	Темпоральный режим Модерна (А. Ассман)	Темпоральный порядок (Н. Веселкова)
<ul style="list-style-type: none"> • Стандартизация • Специализация • Синхронизация • Концентрация • Максимизация • Централизация 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Разрыв. 2. Фиктивное новое начало. 3. Творческое разрушение. 4. Понятие «исторического». 5. Ускорение 	<ul style="list-style-type: none"> • Нормативный аспект • Ресурсный аспект • Властно-символический аспект
Индустриальная память 1) короткая память, 2) всемогущество, 3) массовость, 4) травмированность, 5) индустриальная как советская		

2.4.2. Индустриальная память: пять свойств

Непосредственно фиксируемые и аналитически реконструируемые свойства индустриальной памяти, по материалам исследования и в предлагаемой логике концептуализации, таковы: 1) короткая память; 2) всемогущество, достижения и преодоление; 3) массовость и контроль; 4) травмированность; 5) индустриальная как советская.

1. Короткая память как малая временная глубина, на которую распространяется память, сопрягается с феноменом «короткой истории» уральских городов, возникших в XVIII в. и потому, по мнению Е. Трубиной, не имеющих вкуса к наследию, в отличие, например, от английских поселений [Трубина 2013] (но постепенно вырабатывающих этот вкус, как было показано выше).

В нашей выборке три города из восьми заложены до XVIII в. (Алапаевск и Добрянка — в XVII, а Соликамск — в XV в.), еще три — в XVIII в. (Верхняя Салда, Златоуст (хотя о нем есть и более ранние упоминания), Сатка), Серов — в самом конце XIX в. и Заречный — в середине XX в. И хотя XVIII в. действительно очень важен как знаковый для промышленной революции, от которой ведут отсчет становления индустриального общества, прежде всего, конечно, в Англии, а также основания многих уральских поселений-заводов и в целом первой, «протоиндустриальной» волны в России (в терминах В. Алексеева и Д. Гаврилова, 2008). Иными словами, для наличия индустриальной памяти историческая давность поселения не играет решающей роли.

С одной стороны, даже у самых молодых городов есть исторические слои потрясающей глубины (как, скажем, поселение Боярка-I на территории современного ГО Заречный, датируемое III тыс. до н. э., предположи-

тельно культовое место эпохи энеолита³⁶), иногда они даже прорываются в рассказах информантов, давая пищу для мультискалярной аналитики [Веселкова, Вандышев, Прямикова 2017]. С другой стороны, определяющим является то, как такими вещами распоряжается город, включает или не включает в свою родословную. В случае Заречного — не включает (книга С. Гончарова по истории Заречного, где объемная первая глава посвящена временам до строительства электростанции, а первые страницы — как раз становищу под Бояркой, является значимой, но все-таки исключением) [Гончаров, 6–12].

Если снова обратиться к периодизации В. Алексеева и Д. Гаврилова, включающей три волны модернизации в России: 1) протоиндустриальную (XVIII — первая половина XIX в.); 2) раннеиндустриальную (вторая половина XIX — начало XX в.); 3) индустриальную и позднеиндустриальную (30–80-е гг. XX в.) [Алексеев, Гаврилов, 140], то фиксируемая нами индустриальная память тяготеет к рамкам последней волны. Обозначая хронологические ориентиры, они в то же время действуют и как социальные рамки памяти в смысле классической теории М. Хальбвакса (2007).

Это кадр, сфокусированный на социалистическом строительстве. При этом информант может упоминать интересные детали о бабушке своей бабушки, но семейный меморат — воспроизводимая в семье история — устроен так, что «кусок жизни» до приезда бабушки на Урал остается непроговоренным и неизвестным, все внимание оттягивает на себя то,

как все начиналось с Урала, то, что они с дедом познакомились, пока учились в университете, а потом приехали сюда строить (ЗМ31).

Заметим, что в данном случае «пропущенным» целый «кусок жизни» оказывается не из-за невнимания и не из-за незаинтересованности информанта, напротив, сразу после армии молодой человек *«опросил всех родственников, которые еще живы, специально съездил... фотографии отсканировал»* (ЗМ31), с помощью специальной компьютерной программы составил родословную — большую базу данных. Она помогает ему в жизни, убежден наш собеседник. Думается, дело в том, что семейная память неразделимо переплелась с корпоративной и локальной (бабушка и дедушка приехали в Заречный, дав начало трудовой династии). Высказывание о том, как в истории семьи *«все начиналось с Урала»*, звучит как формула или даже гимн «нового начала» (А. Ассман до-

---

³⁶ Доктор исторических наук Н. Чаиркина, переписка по электронной почте 12.01.2017. Выражаем благодарность Наталье Михайловне за полезную консультацию.

бавляет: фиктивного нового начала, желая подчеркнуть его неабсолютность), о котором подробнее пойдет речь ниже.

Своеобразный норматив глубины памяти продуктивно анализировать с помощью мертоновского понятия социально ожидаемой длительности. И хотя сам Р. Мертон писал про встроенность образования или продвижения по карьерной лестнице в индивидуальное биографическое и общее социальное расписание, ибо всякая деятельность нагружена ожиданиями, определяющими ее продолжительность [Merton], такой подход представляется перспективным и для работы памяти как особой деятельности. Исследовательские вопросы при этом будут касаться нормативного аспекта темпорального режима [Веселкова 2010а, 135]: какая именно глубина памяти считается «нормальной», какая слишком маленькой, а какая будет удивлять своей величиной, есть ли другие «нормативы», как и в зависимости от чего они варьируют.

Если говорить об ожидаемой длительности самого индустриального периода, то и в целом модерное, и собственно индустриальное развитие казались бесконечными, пока внезапно не кончились, если распространить формулировку из названия книги А. Юрчака (2014) про позднесоветское общество на всю индустриальную эпоху. В России же, и в частности на Урале, собственно индустриальность ассоциируется прежде всего с XX веком; вопрос в том, закончился ли этот век или он продолжается сегодня — вспоминают ли индустриальность как то, что было и закончилось, или как то, что не закончено.

Что определенно закончилось, так это существование заложенных в середине XVIII в. металлургических заводов в Алапаевске, Добрянке, Верхней Салде. В советский период они исправно работали, а алапаевский и верхнесалдинский — и вплоть до недавнего времени. Однако в 2019 г. от тех промышленных построек в Верхней Салде остались только горы мусора, которые ворожали ковшами экскаваторы. Алапаевцев лишили последних надежд, распилив домну, ну а территория добрянского завода пошла под затопление для водохранилища Пермской ГРЭС еще в 1956 г. (см. 2.22), остались лишь горестные рассказы — травмированная память.

2. Всомогущество, достижения и преодоление. Ренессансное признание величия человека в антропологическом, гуманитарном смысле, встретившись с современной верой в научно-технический прогресс, превратилось в представление о деятельном всомогуществе человека. Это представление находило выход в постоянной борьбе с косной природой, со свойственными индустриальному обществу и темпоральному режиму модерна *максимизацией* и *ускорением*. На Урале это основание (городов)-заводов в XVIII в. «с нуля» (т. е. не в развитие древней и средневековой металлургии и в статусе колонизаторов в отно-

шении местных народностей). В советский период «новое начало» известно по великим и ударным комсомольским стройкам и сопряжено с покорением не только недр и рек, но и с преобразованием социальной природы и самого человека. В 1970–1980-е господствующий дискурс изменился, тем не менее масштаб произошедших изменений позволяет М. А. Калинин говорить о «рождении новой Добрянки» [Калинин 2008, 15] в связи со строительством здесь Пермской ГРЭС (официальный пуск — 1986 г.).

Индустриальная память напоена романтикой и героикой покорения природы, строительства предприятий и городов. Трудности и лишения помнятся как вызов, на который достойно ответили и преодоление которых делает достижение особенно значимым. Темные стороны уходят в тень. Напряжение и ускорение переплавляются в достижения и потому помнятся позитивно.

Ускоренное время наиболее ярко проявляется именно в ситуации «нового начала» — строительства города, предприятия или его подразделения. Изучение мест памяти в молодых городах³⁷ привело нас к выводу о том, что особенности темпорального порядка в период зарождения городов во многом воплощают идеологические максимы советского проекта в целом. Режим ускоренного, спрессованного времени очень соответствовал самой идее создания нового города как места, которое будет генерировать энергию, аккумулировать различные ресурсы, в том числе трудовые, привлекать инициативных людей, выступать в качестве источников развития для всей страны [Vandyshchev, Veselkova, Pryamikova, 70], как это было, в частности, в Заречном. Едва начавшись в середине 1950-х, возведение электростанции и поселка вскоре было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

На примере Заречного и других уральских городов мы уже отмечали в своих публикациях, что память об участии таких знаковых мест, как Ленинград, откуда приезжали строители, помещает маленький городок в центр внимания всей страны. Одна из улиц Заречного носит название Ленинградская, и горожане обязательно рассказывают, что она названа в честь первостроителей-ленинградцев 1950-х. Если память — это способность использовать опыт, то подобным образом культивируемый опыт включенности в масштаб большой страны, в данном случае закрепленный в топонимике, — превращается в символический капитал поселения [Веселкова, Прямикова, Вандышев 2016а, 249–250; 2017а, 49].

Амбиция и способность превзойти собственный масштаб в пространстве и времени означает для поселения частичное преодоление короткой памяти.

---

³⁷ Различным аспектам этой темы посвящены монография: [Веселкова, Прямикова, Вандышев 2016а] и ряд статей: [Вандышев, Веселкова, Прямикова 2013; Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2016б, 2016в, 2016г, 2017; Веселкова 2016б].

Пространственное «расширение» через провозглашение «родства» с городами-знаменитостями очень распространено, например, соликамцы с гордостью повторяют: «Соликамск городок — Москвы уголок!»³⁸. Для нашей темы особенно важны прецеденты, связанные с промышленными преобразованиями, как в Добрянке, которую стали называть уральской Венецией за живописные водные просторы, особенно обширные благодаря созданному в середине 1950-х Камскому водохранилищу (драматичную историю затопления при этом уже не упоминают)³⁹. В 1995 г. такое же название получил открытый на берегу Камы санаторий, а в 2019 г. прошел приуроченный ко Дню города фотоконкурс «Добрянка — уральская Венеция»⁴⁰. Еще одна уральская Венеция, близ Нижнего Тагила, как считается, тоже возникла в результате деятельности человека, когда на реке Тагил активно мыли золото⁴¹.

Если в 2013–2014 гг. мы наблюдали, как зареченцы воспринимают строительство нового четвертого энергоблока БАЭС, то в 2018–2019 гг., по словам информанта, тот период стал уже недавней историей. Благодаря этому этапному строительству предприятие и город пережили еще одно новое начало, которое дает причастным возможность исторической оптики: пусть и в пределах пяти лет, но речь идет о качественных изменениях. Такое видение отчетливо дискурсивно маркируется как взгляд из настоящего момента в прошлое: *«Сейчас, оглядываясь на этот период времени», «Сейчас... оглядываясь... назад»,* причем информант говорит не только о своем мироощущении, но и апеллирует к сослуживцам: *«Разговаривая со своими коллегами — они прямо с удовольствием вспоминают многие именно тот период»* (ЗМ39).

«Интересной», т. е. ценной и вдохновляющей, работу того периода делает высокая концентрация изменений, когда участники находились в самой гуще серьезных преобразований, пропуская через себя их токи, ощущали особый драйв созидания:

---

³⁸ «Эта старинная поговорка свидетельствует о том, что по внешнему облику (многокупольный и многохрамовый), по оживленности, по богатству наш город мало уступал столице» // История / Администрация города Соликамска : официальный сайт. URL: <https://adm.solkam.ru/city/history.php?type=special> (дата обращения: 05.03.2021).

³⁹ Характерный пример: «Нередко Добрянку называют уральской Венецией, сравнивая наш город с итальянским раем для романтиков. А мы скажем вам больше: Добрянка по крайней мере в 10 раз лучше» (Уральская Венеция против итальянской // Зори плюс. 15.07.2017. URL: <http://old1.dobryanka.net/news/obshchestvo/item/8632-uralskaya-venetsiya-protiv-italyanskoj> (дата обращения: 05.03.2021)).

⁴⁰ См.: Шмаков С. Такие кадры нам нужны // Камские зори. 2019. 23 июня. № 30. С. 8.

⁴¹ См.: Распопов П. Уральская Венеция в Монзино на реке Тагил // Ураловед. 13.10.2020. URL: <https://uraloved.ru/mesta/sverdlovskaya-obl/uralskaya-venetsiya-na-reke-tagil> (дата обращения: 05.03.2021).

Ты видел прямо... с начала, т. е. как бы наблюдал, как это строилось. ... Потом ты уже внедрился в этот процесс, ходил по строящемуся блоку, когда еще большей части трубопроводов не было. И потом ты видел, как это все потихоньку, потихоньку все это монтировалось. Ты курировал какие-то эти работы и знаешь, где что, как вообще было изначально и как это стало. Это действительно небо и земля, сейчас это как бы доведено уже до такого очень высокого уровня, а изначально это была обычная ну стройка, и, как на любой стройке, там с разными, довольно-таки большим количеством и проблемных... вопросов и там каких-то таких как бы решений, временных (ЗМ39).

Скорость, включенность, собственное развитие в таких случаях ощущаются людьми телесно:

Мы за примерно год, даже, может быть, меньше, проработали очень много разных режимов блока. ... И все это было физически проверено нашими руками ... помогли нам наладчики... мы у них учились прямо на ходу (ЗМ39).

Этот энергичный перспективный сотрудник градообразующего предприятия рассказывает о своей работе и особенно о периоде строительства с явным удовольствием, вся его рефлексивная ретроспекция проникнута отчетливым оптимизмом. Да и в целом Заречный с его новым энергоблоком и «двойным» финансированием (обычные источники плюс «атомные деньги») выделяется из общего ряда изучаемых городов позитивными, оптимистичными нотами. Дело не в какой-то принципиально новой индустриальности (инновационные элементы применяемых на БАЭС технологий на ткани городской жизни непосредственно не сказываются), а в новом витке развития градообразующего предприятия, позволившем испытать драйв нового начала и гарантирующем на обозримый период заинтересованность корпорации в этом городе.

Живительный эффект нового начала, однако, не является всеобщим и всеобщим. Последние данные подтверждают ранее сделанное наблюдение о сосуществовании ускоренного и замедленного времени в небольших городах, не исключая и Заречного [Vandyshv, Veselkova, Pryamikova]. Присутствие и во многих случаях доминирование замедленного времени ощущается в неспешном, размеренном ритме жизни («тихо, спокойно»⁴²), скудости и предсказуемости событийного ряда, во множестве проявлений законсервированной

---

⁴² «Тихо, спокойно» — архетипичная характеристика небольшого города, фиксируемая из года в год, прозвучала и в 2019 г. среди работников градообразующего предприятия в Заречном (ЗЖ54, ЗМ31).

советскости и просто отставании, как это понимается в теории диффузии инноваций, дальней провинции от крупных городов и столиц.

Ускорение как элемент современной темпоральности эмблематично для индустриальной памяти, его пульсирующее присутствие и уступки замедленному режиму времени выражают внутреннее противоречие между ценностями сохранения и обновления. Культ скорости и новизны оборачивается все более стремительным устареванием и растущими сложностями архивации [Люббе 1994, 2016; Филиппов; Ассман 2019, 28–29]. Таким образом, для индустриальной памяти имманентно противоречие ценностей обновления и сохранения, но говорить об этом в духе диалектики «мирного сосуществования» не приходится: слишком часто присутствие прошлого вместо благости сохранения ранит остановкой и омертвлением, дезориентирует конфликтами памяти, стремление же к новизне легко превращается в обнуление. Все это выражает, на наш взгляд, постепенное истощение и деградацию индустриальной памяти.

3. Массовость и контроль. Тотальность, массовость как всеобщность и целокупность выражают ценность принадлежности к общему целому. Массовость индустриальной памяти является воплощением массового общества: вышедшие на арену истории «массы» стали участниками действ на различных публичных сценах. «Массы» наполняли собой не только поля мировых войн, парады победителей и марши солидарности, грандиозные стройки и цеха свежестроенных промышленных гигантов, но и все более обширные стадионы и кинозалы; массовыми становятся образование и здравоохранение, превращаясь не только во благо, но и в обязанность проходить необходимые процедуры и соответствовать стандарту (образования, здоровья, физической подготовки и т. п.). Массовизация неразрывно сопряжена со стремлением к тотальной рационализации и контролю.

Общий тренд массовизации в «эпоху технической воспроизводимости» поглощает даже то, что до сих пор представлялось уникальным — произведения искусства, писал В. Беньямин. С некоторой задержкой, но все же «[с]войственная технической цивилизации интенсивная унификация» вызывает стремление сохранять культурное наследие, локальные особенности [Ассман 2017, 179].

Массовизация и контроль внедряются и в производство воспоминаний, равно как и другие практики биографизирования, формирующие с начала XX в. специфическую культуру памяти. Ее особыми явлениями в нашей стране стали следующие, в разной степени реализованные, проекты:

— Биографический институт, усилиями Н. Рыбникова делавший первые шаги с конца 1910-х и в 1920-е;

— комиссии и общества, действовавшие в 1920–1930-е и призванные зафиксировать из первых рук историю партии и революции, профсоюзного и молодежного движения, каторги и ссылки — так называемые Истпарты, Истпрофы, Истмолы, Общество старых большевиков, Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев;

— проекты Коммунистической академии и Центрального бюро краеведения по сбору «автобиографий» для составления истории революций и истории предприятий;

— инициированные М. Горьким проекты «историй»: гражданской войны, фабрик и заводов, городов и проч., кабинеты записей и мемуаров при редакциях;

— Комиссия по истории Великой Отечественной войны, интервью по специальным вопросам, проводимые Ленинградским филиалом Института истории ВКП(б) [Веселкова 2020а; Veselkova 2021].

Инициированные в основном сверху и успешные в той степени, в какой сумели вписаться в партийно-государственную систему, эти начинания на определенных этапах имели также поддержку снизу. Суть состояла в том, чтобы собрать свидетельства недавнего прошлого от непосредственных участников и максимально вовлечь их самих, однако эта деятельность постепенно обрастала инструкциями и становилась все более формализованной и стандартизированной, производя на выходе образцовые биографии и способы биографизирования, шире — правила производства историй. В этой связи А. Павловская (2018) справедливо говорит об институционализации памяти в Советском Союзе.

Названные проекты несли в себе черты эпохи со все более ужесточавшимся партийным диктатом и репрессиями, что привело в итоге к их свертыванию. Сегодня они доступны в виде определенного количества состоявшихся тогда публикаций и гораздо более обширных подготовительных материалов, отложившихся в архивах, но, что может быть важнее, их отсроченное присутствие проявляется посредством оставшихся в культуре следов, социокультурных образцов составления историй, выстраивания коммемораций и коммеморативных взаимодействий, работы памяти в целом.

В своем докладе о «тихой архивной революции 1970-х»⁴³ на конференции ВДНХ 2020 г. Мария Ромашова привлекла внимание к одному из эффектов «оттепели», который можно назвать пробуждением интереса к «низовой истории» и семейной памяти либо новой волной интереса — если усматривать преемственность с перечисленными выше начинаниями первой половины

---

⁴³ 1970-е — годы застоя, потому «революции» могли быть только тихими (ср.: [Кобрин К.] Тихая революция 1970-х: Интервью с Виктором Пивоваровым // Неприкосновенный запас. 2007. № 2).

XX в. Ближе всего из них оказывается самое раннее — попытка создания Н. Рыбниковым Биографического института с целью сбора и изучения биографических материалов самых разных людей.

В 1960–1970-е гг. сошлись воедино дискуссии специалистов о документах личного происхождения, распространявшиеся практики собирания личных архивов, движение «красных следопытов», создание общественных музеев в учебных заведениях, на предприятиях и т. п., все это готовило почву для «тихой архивной революции», по выражению А. Клоц и М. Ромашовой. Ее героями в Перми стали Валентина Григорьевна Соколова (1907–1990) и Леон Сергеевич Кашихин (1932–1997). Впрочем, об этой «революции» трудно говорить как о свершившемся явлении, скорее как о мерцавшем — возможном, назревавшем, но проявившем себя лишь частично⁴⁴ [Клоц, Ромашова].

В конце советской эпохи и с началом перестройки возникла следующая волна, когда при академических учреждениях и вне их стали возникать архивы, музеи, исследовательские центры и общественные организации, самые известные из которых — общество «Мемориал», «Народный архив» (Московский историко-архивный институт), «Биографический фонд» (Социологический институт в Санкт-Петербурге) и др. [Голофаст 1995; Божков 1998, 2018; Божков, Игнатова]. Появились исследовательские форматы нового типа, такие как продолжающийся более 15 лет проект Б.З. Докторов, вобравший в себя биографии семи поколений российских социологов [Докторов 2013, 2014, 2020]. Наряду с такими интернет-ресурсами, как Прожито, Устная история, Открытый список, EtoRetro.ru и др., как более общими, так и тематическими и локально-краеведческими (с 2019 г. Соседи по Перми: Мастерская «Бумажное прошлое»), подобные проекты и институции сегодня активно демократизируют отношения с прошлым [Соболевская; Касаткина; Лапина-Кратасюк, Рублева; Орлова; Абрамов 2011] и в то же время служат полезным подспорьем для специалистов (см., например: [Хелльбек 2017, 416–417]).

Подобно тому как в XX в. получает распространение кустарная биография, выстраиваемая без готовых лекал здесь и сейчас [Веселкова, Прямикова 2005б, 172–173], возникают и быстро закрепляются практики дискурсивного биографизирования и работы памяти в целом. На материалах фонда воспоминаний первостроителей Уралмаша, собранного в 1967–1983 гг. музеем истории завода, Наталья Граматчикова и Лидия Енина анализируют

---

⁴⁴ См.: Ромашова М. «Как привести в порядок свой личный архив»: тихая архивная революция позднего социализма // XIV Общероссийская научная конференция «ВДНХ»: программа. 21.11.2020; Общественная архивистика в России: история и современные практики // Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2020. URL: https://eusp.org/sites/default/files/inline-files/VDNH_Programm_2020_9.pdf (дата обращения: 05.03.2021).

ют символические структуры повествования и перформативные эффекты производства коллективной идентичности, обнаруживая как следование «верным “лекалам”», так и неизбежные отклонения [Граматчикова 2015, 2019, 2020; Граматчикова, Енина 2020а, 2020б; Енина 2016, 2019а, 2019б; Енина, Граматчикова 2020а, 2020б].

Каноны жизнеописания с ориентацией на «Былое и думы», о которых Ирина Паперно пишет применительно к интеллигентской советской культуре [Паперно 2004, 2021; Paperno 2002, 2004, 2009], конечно, имели место в качестве фонового знания, но для огромного «неинтеллигентского» большинства скорее всего их действие было ослаблено. Согласимся с утверждением Татьяны Ворониной на конференции «Забыть и вспомнить»⁴⁵ о преобладающем (или просто сильном) действии внелитературных канонов работы памяти, ориентированных на практики устной культуры.

Первые три аспекта индустриальной памяти — короткая, всемогущая, массовая — нагнетают такое высокое напряжение, которое, доходя до предела, выливается в социальную травму. Понятие травмы активно осваивалось социологией в 1990–2000-е. Расширение метафоры травмы и последующая концептуализация (путь становления многих научных понятий) продемонстрировали свою эвристичность для осмысления переломных событий падения Берлинской стены, с чего начинал свою разработку теории социальной и культурной травмы Петр Штомпка [Sztompka 1996, 2000а, 2000б; Штомпка 2001а, 2001б, 2005, *гл.* 20]. Джеффри Александер и другие социологи показали, как через действие социальных механизмов культуры, медиатизацию катастрофы XX в. превращаются в социальную травму [Alexander et al. 2004; Александер 2012, 2013].

В России на рубеже 1990–2000-х говорили о социальной травме с точки зрения преодоления болезненных постперестроечных явлений, в попытке прогнозировать будущее; так, Владимиру Ядову стадии травматического состояния по Штомпке помогали определять эмпирически фиксируемые признаки окончания переходного периода в российском обществе как завершающую фазу преодоления травмы [Ядов, 361], но не как свойство социальной памяти. И только позднее, с развитием современных исследований памяти, социальная травма стала концептуализироваться также и в контексте памяти [Травма: пункты; Николаи 2017б, 2018], именно в таком ключе мы рассматриваем далее травмированность как аспект индустриальной памяти.

---

⁴⁵ См.: «Забыть и вспомнить: формы и границы советской памяти». МВШСЭН : онлайн-конференция, 1–6 февраля 2021. URL: <https://www.msse.ru/announcement/konferentsiya-zabyt-i-vspomnit-formy-i-granitsy-sovetskoy-pamyati/> (дата обращения: 05.03.2021).

4. Травмированность. Массовый подъем и кипучий энтузиазм интенсивного строительства, принадлежность к общему делу, гордость за достижения — все это давало мощное позитивное наполнение идентичности (жителя индустриального города, заводчанина) и хорошо коррелировало с официальной советской идеологической рамкой (человека труда, нового советского человека). Поэтому упадок индустриальности — это не просто сворачивание производства, это упадок всего комплекса социальных устоев, ценностей и чувств, постепенный распад индустриальной культуры. Деиндустриализация оборачивается не только утратой стабильности, рисками и неопределенностью, но и системным обесцениванием базовых социальных координат, незавершенными местами в городском пространстве и пустотами в системе ценностей.

Индустриальная память приобретает травматическое измерение, наиболее явственное в городах, испытавших остановку и ликвидацию своих ключевых предприятий. Функционирование индустриальной памяти воспроизводит невидимые миру слезы коллективной травмы, не в силах ее полностью проработать.

В Алапаевске рассказывают о злоключениях своего градообразующего предприятия: в ходе перепродаж старый, до недавнего времени работавший завод купили те, *«кому вообще он не нужен, его стали растаскивать»*, был момент, когда пытались открыть производство, *«все обрадовались, 800 человек мест рабочих предлагали»*, но вдруг *«резко закрыли»*. *«А потом пошел он по рукам — одним, вторым, третьим»*, *«доменную печь порезали на металлолом»* (АЖ32, АЖ58).

Поскольку предприятие не принадлежит городу, горожане не могут повлиять на ситуацию; железнодорожный логистический центр не взлетел, говорят наши собеседницы, и наступила *«полная разруха»*, *«все закрыли, людей обманули, всех разогнали»* (АЖ32, АЖ58).

Мы уже, честно говоря, уже устали следить за судьбой [завода], и когда вот это вот, особенно домну порезали, она была как символ города, многие просто со слезами на глазах об этом говорили, о том, что ее больше нет. Раньше мы шли, мы ее видели — ее было видно, большое такое массивное сооружение, а сейчас ее нет, пусто и вот. И люди, которые там работали, они, конечно, в расстройстве большим, великом (АЖ32).

Авторы этих высказываний на остановленном заводе никогда не работали, более того, их профессиональная деятельность связана с социально-гуманитарной сферой, но связь все равно очень тесная, в буквальном смысле

родственная: «У меня раньше вся семья там работали, поэтому оно как-то нам все равно родно, близко» (АЖ32).

Ту же интонацию сожаления, но с акцентом на несостоявшееся светлое будущее Алапаевска, как и всей страны, обещанное восходящим в 1950-е гг. индустриальным трендом, несет и характерный пост в социальной сети ВКонтакте (рис. 2.9). Данный пост был продублирован в локальном паблике «Автогород66» (25 февраля 2021. URL: https://vk.com/avtograd66?w=wall-72674362_45573):

Совершенно случайно увидел вот эту картину, где изображен Алапаевский пруд в 1957 г.

Художник Анатолий Стихин (Ирбит).

Какое прекрасное будущее могло быть у этого города на картине! Гигантище-завод работает день и ночь во время этого будущего. На берегу пруда выросли

Рис. 2.9. Алапаевский пруд, 1957 г. Художник А. Стихин (Ирбит)

новые красивые дома, через Нейву перекинут новый мост, а огромные лодки на переднем плане, как корабли, как приглашение к путешествию в новую, красивую жизнь. Не хватает еще паровозика, бодро бегущего по узкоколейке. И почти все это стерто, как ластиком, другим художником — жизнью. Поэтому, живописцы, опустите ваши кисти! Этот поезд ушел без вас.

Димон Печегин. 25 февраля 2021 15:26

https://vk.com/id100217548?w=wall100217548_17727

Перепопст в локальном паблике: Автогород66

Школьный учебник по истории Добрянского края передает момент закрытия завода крайне драматично. Авторы, историки Михаил и Ирина Калинины, не жалеют красок, описывая произошедшее фактически как бедствие. Во всяком случае, целерациональная риторика (дешевая электроэнергия и улучшение условий для судоходства благодаря строительству Камской ГЭС) явно уступает оценочной. «Великий потоп», «Как уничтожали “зеленое золото”», «Колхозные страдания», «Итоги “потопа”», «Ликвидация Добрянского завода», «Плач заводского гудка» — это названия и подзаголовки глав о ходе и последствиях затопления в Добрянке [Калинин, Калинина, 174–180].

Наши добрянские информанты тоже говорят о затоплении, причем говорят по-разному. Молодые — скорее как просто о факте из прошлого:

Был все завод. Произошло затопление, завода не осталось (ДМ22).

Завод в свое время у нас раньше был. ...Когда была война, они изготавливали для гильз вот эту вот основу... Потом, когда пришла заморозка, его пришлось затопить (ДЖ23).

В то же время вопрос об истории Добрянки девушка связывает именно с заводом и исключительно с ним. В полуторачасовом мобильном интервью с молодым человеком, мы с ним едем на машине, разговор выкручивает на затопление и завод уже на пятой минуте и затем несколько раз к ним возвращается. Артем показывает пляж и в ответ на вопрос «Это водохранилище?» поясняет, что оно будет за поворотом, а тут сама Кама:

Кама раньше была вообще как бы маленькая, вот именно на этом месте — маленькая речушка-то была. А вот после затопления вон как разошлась (ДМ22).

На водохранилище Артем показывает расположение старого завода: «Вот на этом месте был завод. Сейчас его, как вот если прикинуть так вот... низина здесь и там был завод. Маленькая речушка вот, от моста если, текла»

(ДМ22). Переход от маленького прежнего к грандиозному новому подчеркивается интонацией: «маленькая» произносится более высоким, тонким голосом, а вот ширь раздавшейся воды — уже более низким, густым.

Завод оказывается интересен не тем, как он когда-то создавался и жил (хотя девушка, как мы видели, первым делом говорила о его продукции в военное время), а теперешним потусторонним присутствием, как занимательный призрак-аттракцион:

Мы даже... когда по льду ходим... там такое ощущение, что там, ну как-то вот так (изображает руками неровную поверхность)... муж говорит... что как одна высотка какая-то, что ли, торчит, т. е. там видно. И если нырять с аквалангом там, то можно посмотреть, там это все есть. ... Там осталось оно все внизу, да. Там дети купаются, могут что-то где-то найти, ну если прямо до дна (ДЖ23).

До прошлого года там еще... если через мост ехать в Комарово, в Задобрянку, там трубу даже было видно, часть трубы. Сейчас мост реставрируют, ее убрали — мешалась, наверное, не знаю. Ну так прикольно было всем, едешь, кто неместный, рассказываешь: вот здесь был завод, вот часть его (ДМ22).

Из подобных описаний может сложиться впечатление, что завод как был, так целиком и ушел под воду, тогда как в действительности, конечно, проводилась подготовка ложа водохранилища, включавшая вывоз оборудования, перенос технических построек и жилья, вырубку леса.

С собеседницей старшего поколения общаемся в саду у ее частного дома, Ирина Петровна рассказывает, что дом был построен взамен старого, сгоревшего, перенесенного из зоны подтопления. Артем тоже упоминает перенос, показывая свой родной район Задобрянку. Он считает перемещение домов неизбежностью и думает, что в тот момент именно так и воспринималось всеми, во всяком случае, такова его спонтанная реакция на вопрос о реакции местных жителей:

Как должное, я думаю так. Как должное воспринимали. У соседей дом — перенос дома был, вот прямо, сосед говорит. Этот дом здесь стоял не всегда, его перенесли снизу, вот где сейчас вода. Всё, и многие так. Напротив нас дом тоже так же переносили. Люди-то че, они, как они могли отреагировать? Не от них же зависит. Ну так уж случилось (ДМ22).

Рассуждая подобным образом, молодой человек заключает: «Конечно, плохо», имея в виду столь резкие изменения, что на старых фотографиях

трудно узнать местность, если нет стабильных ориентиров (почты и церкви) (ДМ22).

Ирина Петровна говорит об остановке завода и затоплении в исключительно мрачных тонах, приводя несколько доводов, все они связаны с утратой — рабочих мест, индустриального наследия, сельхозугодий. Отец Ирины Петровны, с детства работавший на метзаводе, после закрытия сумел устроиться на РМЗ, тем не менее массовую потерю рабочих мест в связи с ликвидацией предприятия считает большим бедствием: *«Да плохо, плохо [воспринимали] — народ оставался без работы, как же это»* (ДЖ61). Именно эту проблему информантка называет в первую очередь, выходя при этом на сокращения на нынешнем градообразующем предприятии:

Ну тогда еще как-то худо-бедно, потом, когда пошла ГРЭС, это спасало. Там же очень много людей работало, это сейчас идет сокращение за сокращением, они уже ужались до безобразия, когда читаешь в газете, что их там посокращали. А раньше же все это было под единым (ДЖ61).

Другой причиной является потеря завода как самостоятельной ценности, с его историей и славой и совсем еще не выработанным ресурсом: *«Трагедия. Сам по себе завод уникальный. Ну как уникальный — завод графа Строганова»*. Здесь Ирина Петровна упоминает, что «наша медь» пошла и на Медный всадник, и на Зимний дворец. *«...Завод не исчерпал себя абсолютно»*. И третье обстоятельство, которое для нашей собеседницы стало открытием при прочтении новой брошюры М. А. Калинина о затоплении:

Мы знали про эту часть [которая примыкает к городу], но никогда не задумывалась о той стороне, с той стороны Камы. А там же затоплены были пойменные луга — все вот эти вот хорошие луга, которые сельхоз... где садилось — это все было затоплено! ...Меня очень даже потрясло, этот момент, что такие угодья были потоплены — в угоду тому, что Камскую ГЭС надо было сделать. ...Меня даже это больше впечатлило, чем просто завод один затопило (ДЖ61).

Такой ход рассуждений приводит рассказчицу к сомнению в целесообразности Камской ГЭС как таковой: *«Важно это было, Камская ГЭС, не важно, тут уж я... По тем временам, я не знаю, ну, наверно, важно. Электроэнергию то надо было ведь где-то добывать. И пошли на такие жертвы, что затопили все»* (ДЖ61). И хотя в итоге она склоняется к положительному ответу, существенно, что весь грандиозный проект рассматривается не только в плане

достижений, но и с точки зрения цены, которую пришлось заплатить, а также возникает возможность помыслить иное развитие ситуации.

Наши собеседники, включая Ирину Петровну, в силу возраста сами затопления не застали и рассказывают, ссылаясь на старших родственников, знакомых. Ирина Петровна ссылается также на публикации М. Калинина. Ее фраза *«Мама всегда говорит, помнит, последний гудок когда дали, все плакали стояли, это понятно — ну это трагедия была»* (ДЖ61) перекликается с учебником Калининых не только по интонации сожаления и горечи, но и связкой гудка и плача — со словами современников затопления, включенными в текст:

Этот гудок поставил своеобразную точку в истории завода. Ликвидация была трагедией для рабочих. Большинство населения города имело на нем постоянную работу, и одно поколение металлургов сменялось другим в течение 200 лет [Калинин, Калинина, 178].

Жалко, что завод затопили. У меня в семье и отец, и дед — все на нем работали. Когда первое затопление было, вода подошла на площадку завода. Ох, что тут творилось. Станки перевозили, сносили цеха. Строения сносились с трудом. Постройки старинные были. Некоторые взрывать приходилось.

А последний гудок я до сих пор помню. Казалось, что это был не гудок, а настоящий плач. Так он мне в душу врезался.

Из воспоминаний ветерана завода Н. Сажина
[Калинин, Калинина, 180].

Своя травматичная история, более скромных масштабов и ближе по времени, имеется и в Заречном: это расселение поселка Шеелит — поселка геологоразведочной партии, возникшего в 1936 г. у подножия горы Шеелит. В 1936–1946 гг. там работала обогатительная фабрика Баженовского висмутовольфрамо-молибденового месторождения, в 1952 г. возникла Баженовская геофизическая экспедиция.

Это все относится ко временам до начала работ по строительству электростанции и ее собственного поселка, выросшего в современный город Заречный. В журналистских описаниях жизнь Шеелита выглядит как потерянный рай:

Был здесь и детский сад, и общественная баня, и магазин, где каждого покупателя знали по имени, и «домашний» пляж на берегу реки, с утками и кувшинками

на воде. А главное, у каждого жителя был свой дом и участок... веранды, беседки, теплицы, бани, мастерские [Ортзанд, 1].

Драматизм ситуации заключается в том, что именно геологи убедили министерскую комиссию в том, что место около их поселка наилучшим образом подходит для строительства плотины, которое и было начато в 1956 г. (одновременно комиссия рассматривала целый ряд других территорий для будущей электростанции в Свердловской области) [Гончаров, 42–43].

Сходство с добрянской ситуацией просвечивает благодаря теме затопления. Шеелит оно не постигло, но тем не менее вероятность его повлияла на уничтожение поселка, вошедшего в ГО Заречный. В 1997 г. для расположенного в низине поселка возникла угроза затопления из-за проливных дождей, готовилась эвакуация. В 2009 г. городским властям, как писали региональные СМИ, «удалось влиться в федеральную программу» переселения из ветхого и аварийного жилья, дома в поселке Шеелит были признаны ветхими, а территория — находящейся в зоне подтопления в случае аварии на старой уже плотине⁴⁶. Именно об этой опасности как обосновании переселения говорили нам зареченцы в ходе исследования 2013–2014 гг.

В 2010 г. было переселено 199 семей [Архипова 2020a], однако благое начинание вызвало протесты у жителей и превратилось в травматичный эпизод локальной памяти. Если обобщить все высказанные претензии, они распадаются на две категории: во-первых, несоответствие нового жилья и недоверие местным властям; во-вторых, утрата и разрушение малой родины. Новое жилье оказалось неравноценным старому по площади, поскольку из старого учитывалась только отапливаемая площадь [Косарева]. Квартиры не устраивали планировкой, привыкших к земле шеелитцев «расселили по верхним этажам 9-этажки с видом на пустырь и окраины» [Ортзанд, 3]. Все это очень напоминает описанную Р. Сенчиным (2015) драматическую ситуацию с переселением в связи со строительством водохранилища для

---

⁴⁶ См.: В Заречном жильцы переселенных домов готовы начать акцию протеста // E1.ru. Екатеринбург онлайн. 24.11.2010. URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-52398301.html (дата обращения: 05.02.2021).

В 2011 г. на форуме городского сайта приводились расчеты ВНИПИЭТ по гидродинамическим авариям, согласно которым при разрушении двух затворов уровень воды в реке Пышме «может подняться на 3 метра. В этом случае в зону затопления попадут низкие места многих населенных пунктов (Шеелит, Боярка, Мезенка, Белоярка и т. п.)» (Z-city.ru : сайт города Заречного Свердловской области (Заречный онлайн). 05.12.2011. URL: <http://z-city.ru/forum/viewtopic.php?t=2919&start=100> (дата обращения: 05.03.2021)). Расчет вероятного вреда для сценария наиболее вероятной и наиболее тяжелой аварии — отказа грунтовой плотины гидроузла БАЭС на участке примыкания к бетонному водосбросу, выполненный в дипломной работе в УГТУ, также выявил риски для п. Шеелит [Широкова 2015].

Богучанской ГЭС, заявленную как диалог с повестью В. Распутина 1976 г. «Прощание с Матерой».

Память о Шеелите несомненно травматична, существует в виде коммуникативной и культурной памяти, в терминах Я. Ассмана (2004). Культурная память, в свою очередь, функционирует в качестве медиапамяти. Ее цифровой вариант в виде группы «Шеелит» ВКонтакте, запущенный в феврале 2010 г. с сообщения

Очень хочется сохранить Шеелит... хотя бы в памяти), хотя бы — для себя).

Павел Бабушкин. 24.02.2010. Шеелит. ВКонтакте⁴⁷.

URL: https://vk.com/club15753331?w=wall-15753331_1%2Fall

не имел успеха: несколько фраз в 2010 г. и пара — в 2014-м.

В 2019–2020 гг. местная пресса откликнулась на десятилетие кончины Шеелита развернутыми статьями [Ортзанд; Архипова 2020а, 2020б], в которых угроза затопления уже не упоминается, а говорится только о роли участия в федеральной программе; сочувственно описаны мытарства жителей и запустение некогда благодатного живописного места. В 2021 г. в зареченском краеведческом музее открылась выставка «Память Шеелита» — совместный проект екатеринбургского фотографа Вадима Овчинникова (куратор Артем Беркович) и музея. В репортаже с открытия местная газета противопоставляет фактически две версии памяти. Одна представлена взглядом фотографа, который в течение 11 лет, начиная с 2009 г., снимал приходящую во все большее запустение местность, — это взгляд извне, который может показаться «резким и излишне мрачным», хотя, конечно, и побуждает задуматься. Другую версию несет подготовленный музеем рассказ

об истории Шеелита, о людях, которые его строили и в нем жили, о труде и подвигах геологов Баженовской геофизической экспедиции, прославивших их на всю страну и даже весь мир. О времени молодости, новых открытий, геологической романтике и победах — вот о чем эта выставка. Поэтому неотъемлемой, а может даже и самой главной ее частью стали личные фотоальбомы геологов и экспонаты, предоставленные жителями Шеелита [Козлова].

Это взгляд изнутри, он позитивен и отвечает канонам мемората о достижениях и романтике, масштабируется «на всю страну и даже весь мир»,

---

⁴⁷ Описание группы: «Информация о самом поселке (который, возможно, скоро вовсе останется только в воспоминаниях его жителей), о людях и их историях» // Шеелит. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club15753331> (дата обращения: 05.03.2021).

а потому «это и есть его [Шеелита] настоящая память» [Козлова]. Телевизионный репортаж заканчивается посылом в будущее: «Славное прошлое поселка Шеелит обязательно поможет ему возродиться в будущем» [Белка ТВ 2021].

5. Индустриальная как советская. Этот аспект аккумулирует проработку индустриальной памятью советского опыта.

Школьникам, как признают некоторые участники групповых дискуссий, интересен сам факт, что их родственники *«застали еще Советский Союз»* (АШ1/10). Перечисляя памятники, на ГД в Алапаевске назвали строящийся памятник комсомолу⁴⁸, положительно оценивая саму идею комсомольской организации:

Это же была задумка, движение — было намного интереснее, мне кажется, жить, работать и учиться.

(И: То есть вам жалко, что сейчас нет такого объединения?)

Было бы интереснее, да, мне кажется (АШЖ1/10).

Советскость в данном случае связана с ценностями и практиками советского времени, которые могут трактоваться информантами как положительно, так и отрицательно, при этом общим свойством является выделение определенных черт из контекста и их схематизация. Положительное восприятие почти неизбежно соскальзывает в некритичную идеализацию и героизацию прошлого XX в. именно как советского, с драматическим противопоставлением настоящему, полному травматических тонов.

Идеализирующий эффект положительного восприятия хорошо прослеживается в ранее рассмотренном примере с памятью о зареченском Шеелите, а также в типичных сюжетах, к которым относятся патернализм и коллективизм в трудовой сфере, а также огромная военная тема.

Патерналистская система отношений, когда предприятие обеспечивает «под ключ» все основные сферы жизнеобеспечения сотрудников в обмен на их труд и лояльность, помнится, в частности, тем, как «давали квартиры». Двадцатичетырехлетний работник одного из крупных соликамских предприятий рассуждает о желательности ведомственного жилья, расположенного, как в советское время, вблизи места работы, чтобы работники жили в одном месте:

Было бы вообще неплохо, если бы квартиры, как в советское время, давали. Да, приехал да там, ты знаешь, что отработаешь пять лет или четыре специалистом да и не будешь там че-то измудряться да иметь квартирку... Это было бы вообще

---

⁴⁸ Памятник, посвященный 100-летию со дня создания Алапаевской городской комсомольской организации, был торжественно открыт в Алапаевске в День рождения комсомола 29 октября 2019 г. (через три недели после ГД).

вот прекрасной новостью. Создавайте районы, да, построили новые мощности — заинтересуйте людей, поставьте, постройте район, пусть там живут люди (СлМ24).

На соликамском Сильвините, рассказывает молодой человек, жилье предоставлялось до относительно недавнего времени, пока не произошло объединение с теперь уже московским Уралкалием:

Там уже хозяева Москва, то есть деньги-то не соликамские стали, они уходят в Москву. А при Сильвините да, строились районы... Они строили дома там калийщикам, выдавали квартиры, все было классно, а потом это слияние произошло и все (СлМ24).

В настоящее время предоставление жилья практикует Еврохим:

Сейчас у них, получается, рудник расположен чуть дальше Березняков и вот они сейчас молодым специалистам там строят район. То есть чтоб вам далеко не ездить, вот мы вам дали квартиры, живите там (СлМ24).

Менее привлекательные стороны работы на руднике идеализирующий дискурс не артикулирует.

Другой важный сюжет, идеализированно воспроизводимый индустриальной-как-советской памятью, — трудовые отношения на принципах коллективизма, а не индивидуализма и «подгрызания» друг друга:

Мода или не мода вот эта, м-м, вот эта американская вот менеджмент этот... Нарушаешь. <...> То есть вот такого вот нет, такого коллективизма, да, рабочие отношения... <...> ...Одень каску правильно и все. И вот это вот это подгрызание под друг друга, это же ни к чему хорошему не приведет (СлМ24).

И коллектив, и руководство — все делали общее дело, по словам нашей информантки. Особенно ценным представляется поведение руководителя предприятия, который вникал не только в работу предприятия, но и в повседневные детали жизни своих работников:

Если вы из Добрянки поедете в гору только, то есть вы проедете как бы дамбу и в гору, и там вот РМЗ было у нас, и он ходил пешком. Он первый организовал садоводческое общество у себя, он это самое дома для своих работников построил. Он ходил пешком, он общался с людьми. Он идет, около него группа людей идут на работу и с работы, то есть он все проблемы знал. <...> Сейчас таких нет (ДЖ64).

Показательна и попытка на исходе перестройки запечатлеть достижения советского периода. Жительница Добрянки, 17 лет занимавшаяся музеем Пермской ГРЭС, вспоминает о процессе его создания как о большом общем деле:

Работала над созданием музея вся Пермская ГРЭС. Вся! <...> У меня работало по тридцать художников, т. е. в каждом цехе были даже художники свои, потому что плакаты, все раньше же сами рисовали. Это сейчас можно купить, раньше же не было. Вот и все это делали сами (ДЖ64).

Поначалу, когда в 90-е «по полгода не платили зарплаты» даже на этом градообразующем предприятии, их воспринимали как «нахлебников»: «*типа того, что денег нет, а тут еще какой-то музей создают*», но вскоре, когда начали собирать материал,

разговоры прекратились, они с удовольствием все. Я чертила витрины. Это самое ОППР там их чертило ну уже как бы основательно. Я наброски, они основательно. Кто-то делал РСУ там, ЦЦР металл, РСУ дерево (ДЖ64).

Историю предприятия представили через лица сотрудников. Наша собеседница с особым чувством говорит о том, как это работало в межпоколенческом взаимодействии (для музеев предприятий и образовательных учреждений (см. гл. 4) это общий момент):

У нас там вдоль, вот так вот вдоль всего музея, вдоль всего музея, вдоль окон, там висят книжки из оргстекла, между страницами — летописи цехов со дня их создания. И там фотографии групповые, там фотографии — все бригады, все смены, все сфотографировали, в работе люди. И вот эти детишки... они вот эти книжки, они листают, смотрят: вот тут папа, вот тут мама, вот тут дедушка, вот тут бабушка и потом приходят и рассказывают, что я тебя... видел. Бальзам на душу (ДЖ64).

Сейчас музей уже не работает. Нет интереса у руководства, объясняет информантка. Тем самым теряется не только прошлое как таковое, пропадает «зацепка», триггер и предмет разговора, связывающего семейную память с предприятием и городом. Когда ребенок побывал в таком музее, считает его создательница,

естественно у них пойдет в семье об этом разговор, и они, да, расскажут, как они строили Пермскую ГРЭС, как что. То есть нужно за что-то зацепить... какая-то

должна быть ниточка, чтобы этот разговор-то завязался. Да, строили. Да, построили город. Да и все. А вот когда увидели, когда там они что-то прочитали... вот я тебя видел, допустим, ты вот в этой бригаде, а вот с дядей Колей... когда это зацепилось и как он начал рассказывать ребенку, как они строили это все, как они сапоги топили в этой грязи и не могли выбраться, как они в автобусах тоже толкались, чтобы поехать на работу, что как по талонам они получали продукты, распределяли... вот оно, т. е. нужна причина, чтобы завести этот разговор. Толчок какой-то! (ДЖ64).

2.4.3. Советское полезное/трудное прошлое и милитаризованная память

Термином «полезное прошлое», как показывает Юлия Хмелевская, мы обязаны американскому литератору и культурологу Ван Вику Бруксу. В 1918 г. он взывал к современникам-интеллектуалам:

Наше настоящее подобно застоявшемуся болоту, и американские писатели плавают в этой трясине, поскольку прошлое, живущее в обыденном рассудке, утратило жизненную силу. Но разве это единственно возможное прошлое? Если нам так нужно другое прошлое, разве так уж непостижимо, что мы можем найти его или даже изобрести? Прошлое — это неиссякаемое хранилище воззрений и идеалов, которые можно приспособить к настоящему, и сокровищница эта открывается по первому желанию, покоряясь любому, кто заглядывает туда, вооружившись способностью личного выбора. И если мы не можем пользоваться тем прошлым, что предлагают нам наши профессора, то почему нельзя создать другое, наше собственное? (цит. по: [Хмелевская, 162]).

«Трудное», или «неудобное», прошлое имеет противоположный смысл и является парным понятию полезного прошлого, именно в такой логике построены исследования Ольги Малиновой об «актуальном прошлом» [Малинова 2010, 2015, 2017а и др.] (ср.: [Хмелевская, 163]). В конце 2010-х тематика «трудного», или «неудобного» прошлого входит в поле разносторонней рефлексии российских ученых, подтверждением чего служат социологическое исследование «Моральные дилеммы XX века» [Хлевнюк 2019; Хлевнюк, Юдин 2019] и выполненный в сравнительной перспективе труд «Неудобное прошлое» [Эппле].

Память о «полезном» и «трудном» прошлом — сами эти понятия, их текущая проблематизация характеризуют современный формат инструментализации памяти, т. е. использование ее прагматической функции. А. Ассман напоминает, что память не существует в нейтральном пространстве, наличие

интересов служит необходимой предпосылкой ее существования, при этом граница «между присутствием интересов в памяти и ее инструментализацией, то есть ее использованием и даже злоупотреблением в определенных целях», бывает очень зыбкой [Ассман 2019, 257].

Мы бы хотели говорить об идущих процессах не в плане идеологии или социальной психологии (вытеснение и извлечение из области коллективного бессознательного), но в плане работы памяти, помещая в фокус социологического анализа связку: акторы — практики — эффекты. В разряд «полезного» переходит то прошлое, которое удастся успешно инструментализировать, с «трудным» прошлым это сделать сложнее.

Превращение прошлого в полезный ресурс звучит цинично, нередко в этих терминах говорят об эффектах манипулирования для достижения определенных политических целей, в конечном счете — для легитимации и упрочения политического режима, создания соответствующей макроколлективной идентичности, какой был, например, «единый советский народ». По мысли Бориса Дубина, парадно-торжественный образ Великой Отечественной войны, созданный в брежневское пятнадцатилетие, «новый, отретушированный и героизированный образ» [Дубин 2004, 75], заслонил в массовом сознании не только трагическую сторону самой войны, но и предшествующие катастрофы советского периода — и именно в таком виде был унаследован постсоветским обществом.

Принимая выразительное определение Б. Дубина о том, что этот образ войны — «своего рода кенотаф, надгробье над отсутствующим в этом “месте” сознанием — над несостоявшимся фактом о-смысления», позволим себе не согласиться с заключительной частью этого предложения: «памятник, но не память» (и чуть выше: «вовсе не свидетельство памяти, а указание на место забвения, амнезический след или “шрам”») [Дубин 2004, 84]. Иными словами, по мнению Б. Дубина, нынешняя «память о войне» или по крайней мере та, что транслировалась в медиа и фиксировалась опросами в начале 2000-х, это не память, а ее противоположность: «указание на место забвения, амнезический след или “шрам”» [Там же].

Отличие нашего подхода состоит в том, что такой превращенный образ рассматривается как раз как продукт работы социальной памяти, другое дело, что обычно ускользают от внимания механизмы этой работы памяти, которые и показаны блестяще у Д. Дубина. Таким образом, подчеркнем еще раз: помимо политического выигрыша от использования памяти в изучении нуждается и сама работа памяти.

Со времени написания статьи Дубина минуло без малого двадцать лет, и кое-что сдвинулось с мертвой точки: наряду с героическим у войны все яв-

ственное проступают трагическое измерение и иные ракурсы, акцентирующие сложность — в противовес упрощенной схематизированной версии, но и сам этот процесс очень сложен. Вместе с тем «помнить по-нашему» (по названию книги Татьяны Ворониной о памяти о блокаде [Воронина 2018]; см. также: [Воронина 2019; Воронина, Утехин 2006]) — крепко спаянный советский формат памяти, во многом сохраняет свои позиции, как показывает наше исследование.

Память о войне или, точнее, о войнах, как обязательный, если не центральный мотив индустриального-советского, дает основание говорить о советской памяти как о милитаризованной. И наоборот, проявления милитаризованной памяти мы расцениваем в качестве проявления работы индустриальной-как-советской памяти.

Милитаризованная память является продуктом доминирования военной темы в практиках коммуникативной и культурной памяти. В биографических интервью с людьми, имеющими сложный опыт войны, отмечен такой феномен, когда информанты комкают рассказ о детстве и послевоенной жизни и могут говорить только о периоде войны [Рождественская 2010, 31]. Думается, будет лишь небольшим преувеличением сказать, что этот эффект архетипичен для повествования о советском периоде в целом.

Меморативный ландшафт всех изучаемых поселений богато оснащен памятными знаками войны (монументы, мемориальные таблички, топонимические обозначения, военные разделы в музеях). На групповых дискуссиях школьники и студенты колледжей среди памятников в первую очередь называют, как правило, именно военные мемориалы. Девятиклассница, пытаясь объяснить непонятливому ведущему, героям каких войн стоит памятник в Добрянке, делает округлый жест руками сверху вниз, призванный донести, что речь идет об обобщенном герое, образ которого завершен и замкнут в своей системе координат:

Это как память, да. Это как для детей олицетворение какого-нибудь там человека-паука, а для нас, а для них это тоже олицетворение героев ...Для чего этот памятник был сделан — чтобы дети видели (ДШ1/9).

Музей любой школы, любого предприятия обязательно рассказывает, *что* здесь происходило во время войны, вынося зачастую и за пределы музейных комнат, в фойе и коридоры, портреты земляков-героев, чтобы сделать их более видимыми, включенными в повседневное, а не только сугубо музейное пространство. История любого города, в учебнике ли преподанная или в краеведческом либо презентационном издании, содержит особые страницы о войне.

Уже цитированный выше пронзительный параграф о ликвидации Добрянского завода в учебнике по истории Добрянского края Михаила и Ирины Калининых начинается с преамбулы, связывающей завод с войной:

Последние дни старого завода. Нам уже известно, что в годы Великой Отечественной войны на Добрянском металлургическом заводе произошел значительный рост производства. Однако это была уже последняя «песня» старого завода [Калинин, Калинина, 177].

Посвященное 380-летию юбилейное издание «Алапаевск — символ Среднего Урала» (2019), по замыслу создателей, рассказывает о позитивных изменениях, которые произошли за пять лет с момента выхода предыдущей книги «Алапаевск в зеркале перемен» (2014). Издание 2019 г. содержит раздел «Героический подвиг алапаевцев в годы войны» об участии алапаевцев в формировании Уральского добровольческого танкового корпуса и праздновании в 2018 г. в Екатеринбурге 75-летия корпуса и участия в нем алапаевской делегации [Алапаевск — символ... 2019, 17–21]. В начале раздела помещена фотография памятника «Родина-мать держит в руках сраженного воина» (установлен в центре Алапаевска в 1975 г.) со стоящими в почетном карауле подростками (ниже — снимок В. С. Тафинцева, полного кавалера ордена Славы) на фоне Красного знамени с надписью: «За нашу советскую Родину». Упомянуты, но без иллюстраций, две мемориальные доски, напоминающие о том, где в 1943 г. в Алапаевске формировались подразделения корпуса [Там же, 19].

Завершается раздел фотографией памятника Уральскому добровольческому танковому корпусу, что стоит на привокзальной площади Екатеринбурга, со «взрослым» почетным караулом; на фоне снимка идет посвященное корпусу стихотворение алапаевца Ю. Макарова «Гордость Урала». «Военная тема» успешно позиционирует Алапаевск и в масштабе Урала с его гордостью, и в масштабе освобожденной Европы (боевой путь танкового корпуса от Орла до Праги). Может возникнуть вопрос, для чего в книге об изменениях города за последние пять лет помещен рассказ о войне. В то же время это издание об «Алапаевске — символе Среднего Урала», оно включает основные исторические вехи. При этом установка на новейшие события соблюдена: константа танкового корпуса актуализирована через коммеморацию 2018 г.

В середине раздела помещены два черно-белых снимка: добровольцев-алапаевцев 1943 г. из архива краеведческого клуба «Невья» и танковой колонны со ссылкой на интернет-источник, но доминируют названные выше цветные фото памятников с почетным караулом, подробно описана церемо-

ния (возложение цветов, минута молчания, колонна военных УАЗов, документальный фильм, видеообращения, награждения, концерт). Юбилейное издание — элемент культурной памяти, этот пример хорошо показывает, что прошлое, на которое теперь направлена работа памяти, включает не только саму войну, но и прошлые коммеморации. Память все больше становится памятью об усилиях памяти.

Всесовершенство, достижения и преодоление (свойство индустриальной памяти) в памяти о войне превращаются в героизм. Именно вокруг массового героизма строится существующая политика памяти в отношении войны (общегосударственная и образовательная). Другой ее ориентир, локализация, созвучен общероссийскому и мировому «повороту» к локальной истории и работает на включение малого масштаба в большой. В образовательной практике локализация реализуется через использование привязанности к месту и культуры участия. Широко распространена практика, когда при изучении Великой Отечественной войны в рамках школьной программы, а также к памятным датам ученикам дают задание найти информацию о «героях нашего края», о «тыле во время войны» (АШЖ1/10).

Ярким воплощением названных установок является всероссийский сетевой школьный проект издательского дома «Первое сентября» и издательства «Просвещение» — «Карта памяти» 2015 г. Для нашего подхода он особенно интересен тем, что соединяет локальное и общенациональное, демонстрируя актуальный пример мультискалярности.

В ходе реализации этого проекта школьникам, их педагогам и семьям предлагалось задание:

рассказать о памятниках на территории своей малой родины школьникам всей страны: сфотографируйте памятник, посвященный событиям и героям Великой Отечественной войны, и разместите фотографии на этом сайте, сопроводив их описанием, историей, сочинением. На основе присланных материалов сложится общая карта памятников военного и послевоенного времени⁴⁹.

По ситуации на 2021 г. на карте присутствуют мемориальные объекты всех изучаемых городов, обычно это несколько снимков и краткая информация об истории создания. Отдельного внимания заслуживает описание авторов сообщения, т. е. современных мнемонических акторов — участников сетевого проекта; это могут быть отдельные люди и небольшие коллективы детей и взрослых с перечислением всех имен или только указанием класса, иногда с оценкой

---

⁴⁹ Карта памяти. URL: <https://memory-map.1sept.ru/> (дата обращения: 05.03.2021).

своей позиции: «Это мой любимый город» (о Заречном), «Храним память школы, родного города, страны», «Дружные, сплоченные, организованные ребята» (Соликамск). Так, сообщение о мемориальной доске Герою Советского Союза в Верхней Салде в виде выдержки из местной газеты за 1985 г. подписано:

Школа № 14 г. Верхняя Салда, Свердловской обл., 5 г класс.

Сергеева Татьяна Валентиновна, учитель истории и обществознания

ученики 5 г класса

Дружный коллектив неравнодушных детей⁵⁰.

Чаще, однако, автор обозначен только через имя и институциональную принадлежность. Например, рассказ о судьбе захоронения воинов, умерших от ран в трех серовских госпиталях (к 40-летию Победы реконструировано, установлен обелиск, в начале 2000-х кладбище было вандализировано: отбиты и сданы в лом чугунные элементы, к 60-летию Победы восстановлено), имеет скупую подпись:

Всеволод Великанов

ученик 5 «А» класса МАОУ СОШ № 13 г. Серова Свердловской обл.⁵¹

Текст примечателен особой артикуляцией локальности: в 1985 г. обелиск делали «по предложениям серовских художников». Этому же пятикласснику принадлежит сюжет о памятнике серовчанам — участникам Великой Отечественной войны 1975 г., созданном художником Серовской ГРЭС А. А. Вохмяниным: «Он вспоминал, что лепил статую солдата, как он говорил, с “настоящего и чересчур скромного фронтовика” Горохова Григория Анисимовича. Но лицо не понравилось при обсуждении в горкоме. Сказано было, что получилось слишком европейское, какое-то иностранное, и его зарубили. ...В 2004-м году сын Горохова Г. А. с большим трудом уговорил его сфотографироваться у этого памятника». Приводятся это фото и старый черно-белый снимок памятника⁵².

---

⁵⁰ Мемориальная доска в честь Героя Советского Союза Г. П. Сабурова // Карта памяти. URL: <https://memory-map.1sept.ru/#/memorial-8356/type=map&center=58.052923,60.560183&zoom=13> (дата обращения: 05.03.2021).

⁵¹ Воинское кладбище периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Карта памяти. URL: <https://memory-map.1sept.ru/#/memorial-8949/type=map&center=59.594536,60.526413&zoom=13> (дата обращения: 05.03.2021).

⁵² См.: Памятник «Солдат-освободитель» // Карта памяти. URL: <https://memory-map.1sept.ru/#/memorial-8965/type=map&center=59.648924,60.659322&zoom=13> (дата обращения: 05.03.2021).

Загруженные в начале марта 2015 г. фотографии подобного места в Златоусте показывают мемориальную доску на больнице и памятник среди заснеженного леса, на фоне поваленного дерева. Подпись:

Алена Сморчкова

Я, Сморчкова Алена Игоревна, обучаюсь в школе № 1 имени Ю. А. Гагарина, города Златоуста⁵³.

В целом накопленная проектом «Карта памяти» база данных содержит богатый материал для социологического анализа и еще ждет своих исследователей. Направление тем более перспективное, что практически в каждом российском поселении есть памятные места военной тематики. В изучаемых нами городах мемориальный ландшафт содержит полный спектр военной тематики советского времени, переходящий в постсоветское и наши дни. Это памятники, мемориальные таблички, городская топонимика, посвященные революции, Гражданской войне, Великой Отечественной войне, боевым действиям в Афганистане, Чечне и другим «необъявленным войнам».

Наиболее дифференцирована такая меморизация в отношении Великой Отечественной войны: наряду с центральными «общегородскими» есть свои монументы у районов и предприятий, а также у отдельных социальных групп, как-то: бойцы и труженики тыла различных профессий, воины, умершие от ран, дети войны. А все более частой в последние годы становится меморизация Афганистана, Чечни и др.

В 1990-е, как замечают специалисты, в России начинают появляться памятники погибшим в Афганистане, сначала небольшие, в начале 2000-х уже «с размахом» и с объединением Афганистана и Чечни. Примерно в 2010-е начинают массово возникать небольшие мемориалы, таблички на школах и колледжах по инициативе районных ветеранских организаций и родителей погибших, эти объединения заявляют о себе как о новом мнемоническом акторе. Кроме того, появляются «ведомственные» памятники по родам войск: пограничникам, десантникам и т. п. При этом, как отмечает Федор Николаи, собственно локальные конфликты соединяются с обобщенной армией/войной/службой. Статус этих памятников растет за счет косвенного объединения с Великой Отечественной войной⁵⁴.

---

⁵³ См.: Вечная слава героям Отечества // Карта памяти. URL: <https://memory-map.1sept.ru/#/memorial-1963/type=map&center=55.173506903593776,59.69584253466798&z=12> (дата обращения: 05.03.2021).

⁵⁴ Благодарим за консультацию доктора философских наук Ф. В. Николаи, в течение многих лет изучающего опыт ветеранов сначала Чечни, позднее и Афганистана (поскольку их

По нашим наблюдениям, установка таких мемориалов никак не коррелирует с социально-экономическим положением города. В Алапаевске внушительная фигура отлитого в бронзе солдата, посвященная «героям необъявленных войн», появилась в 2017 г. на фоне довольно сложной экономической ситуации. Мнемоническим актором является местный союз ветеранов Афганистана. На открытии его председатель сказал, что это не памятник скорби, а «дань памяти патриотизму и беззаветному служению Родине»⁵⁵. Этот пример можно считать знаковым для различения конкурирующих нарративов (по О. Малиновой [Малинова 2017б, 17–18]) скорби и героизма в коммеморациях войны.

Через включение мемориалов в личный опыт формируется сопричастность молодых людей, а сами памятники перестают быть незаметными (Алейда Ассман напоминает остроумное наблюдение Роберта Музиля: «На свете нет ничего, что было бы столь незаметно, как памятники», полемизируя с ним [Ассман 2019, 60–64]). Существует множество вариантов такого включения: сюда входят исследовательская работа с представлением информации для внешней аудитории, как в описанном выше общенациональном сетевом проекте «Карта памяти», а также варианты регулярных мероприятий, связанных с уходом за памятником, несением почетного караула, возложением цветов. Так, алапаевский школьник рассказывает:

Где я живу... есть свой герой, кавалер трех орденов славы Батаков Филипп Максимович. Всегда, ну каждый год, получается, в его день рождения ходим, стоим со стендами, со стендом. Построили ему памятник, специально вот для него. ...Всегда, каждый год (АШЖ1/10).

Показывая в ходе мобильного интервью мемориал славы в Златоусте, одиннадцатиклассница Ольга объясняет:

Каждый год школьники со всех школ города, там есть определенное расписание, с зимы несут вахту памяти около огня вечной славы. Я тоже принимала в этом участие, стояла на посту.

На уточняющий вопрос «Это почетно?» Ольга перечисляет целый набор бонусов от подобных мероприятий:

все труднее оказывается разделить) (в абзаце про ситуацию с памятниками погибшим в этих конфликтах приводятся выдержки из письма, присланного по электронной почте 26.03.2021).

⁵⁵ Фирсова А. Героям посвящается... // Алапаевская искра. 2017. 15 июня. № 24.

Да, это очень почетно, и телевидение снимало, и вообще для школы это галочка, что она участвует в этом мероприятии. Вот вплоть до конца мая несут эту вахту памяти. ... Как школа распорядится, кому поручит (ЗлЖ17).

Особым аспектом работы памяти является взаимодействие когнитивной, перформативной и медиа составляющих. Для формирования аффективного сообщества памяти принципиально важен совместный опыт «проигрывания» памяти, который предоставляет, скажем, Музей проживания в одной из алапаевских школ, но одной перформативной составляющей, как оказывается, недостаточно, точнее, эффект может быть заметно усилен при подключении медиакомпоненты:

Чувство гордости. Вот мы участвуем в акции «Бессмертный полк». Потом... вы тоже смотрите, на видеовещании, в Алапаевске... есть свой канал и снимают, сколько людей идут — вот это да, вот прямо. <...> [Школьников] очень много. И ветеранов, и родителей со школьниками — много всего. И все вот с фотографиями идут (АШЖ1/10).

Проекты Музея проживания исторического события — временные экспозиции, выступления учащихся перед представителями старших поколений — также сопровождаются фото- и видеодокументацией, что-то выкладывается в социальных сетях.

Наряду с интеграцией советского в прошлое изучаемых небольших городов наблюдаем и проявления коррозии, консервации и реставрации советского, что проявляется в эффектах спутанного времени и безвременья. Остановившееся время, безвременье (ср.: [Бредникова]), проявляет себя в пустотах брошенных остатков былой жизни — заводские производственные корпуса и дома культуры, парки (Алапаевск, Златоуст, Соликамск), но также и в функционировании памятников советским деятелям и другой символики.

Глава 3

КАК УХВАТИТЬ ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ: СОБЫТИЙНЫЕ РЯДЫ, МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ И КАПСУЛЫ ВРЕМЕНИ

Эту главу мы начинаем с обзора теоретико-методологических оснований изучения памяти поколений, далее поделимся опытом методической рефлексии, этому посвящен параграф 3.1. В следующих параграфах представлены три методических решения, специально разработанных или адаптированных для изучения коллективной памяти поколений: 1) определение событийных рядов; 2) ментальные карты; 3) капсулы времени. Все три использовались в ходе групповых дискуссий со старшеклассниками и студентами техникумов и колледжей. Участники сначала заполняли небольшую анкету со встроенными в нее вопросами, позволяющими выстроить «событийные ряды», через некоторое время рисовали ментальные карты, а ближе к завершению составляли послания для потомков по типу капсулы времени. Для более старших поколений применялся только анкетный опрос с вопросами про событийные ряды (анкета заранее передавалась через учащихся). Кроме того, представления старшего поколения горожан фиксировались посредством интервью, в ходе которых информанты рисовали ментальные карты. «Капсула времени» для старшего поколения не использовалась. Далее обсуждаются результаты применения всех методических решений, их познавательные возможности и ограничения.

3.1. Память поколений как теоретико-методологический фокус

Есть ли различия между тем, что и как помнят разные поколения горожан? На первый взгляд, ответ кажется предсказуемо положительным, однако опыт нашей работы убеждает в обратном, не случайно изучение поколенческой памяти является одним из актуальных направлений современных Memory Studies. Действительно, если для Хальбвакса множественность памяти заключалась прежде всего в своеобразии семейных, религиозных и классовых рамок памяти [Хальбвакс 2007], то в настоящее время все большее внимание привлекают именно поколенческие аспекты. Согласно классической социологической трактовке Карла Мангейма, которой мы следуем, поколение определяется как особого рода социальная группа, заданная не только и не столько хронологической, биологической одновременностью рождения в один и тот же период, сколько общностью социального местоположения. Последнее означает, во-первых, соприсутствие в одном историческом и социальном ареале; во-вторых, участие в общей судьбе определенной исторической и социальной общности [Мангейм, 36].

Актуальную планку в разработке темы памяти поколений задают конференции и издания челябинского Центра культурно-исторических исследований Южно-Уральского университета (ЮУрГУ) [Век памяти..., «Работа над прошлым»...; Нагорная, Никонова, Хмелевская], в том числе с участием немецкого историка Ульрике Юрайт¹ (см. работы: [Jureit 2005; Юрайт]). Поколенческая тематика раскрывается с помощью уже хорошо известного понятия постпамяти Марианны Хирш [Hirsch 1992, 1997, 2001, 2008; Хирш 2016; «Я действительно считаю...; Хирш, Спитцер; Николаи, Хазина] и набирающего популярность понятия мнемонического воображения Эмили Кейтли и Майкла Пикеринга [Keightley, Pickering 2012, 2014, 2017, 2018; Pickering, Keightley 2013a]. Отметим предпринятую Гарольдом Выдра [Wydra] попытку заново пройти ветвистыми путями концептуализации памяти и поколений от Хальбвакса, Мангейма и до наших дней.

Современные ученые обсуждают конкретные поколения, определяя их по историческому периоду взросления [Отцы и дети; Семенова; Гудков, Дубин, Зоркая; Радаев]. Считается, что именно в эти годы существует особая восприимчивость, как если бы открывалось окно во внутренний мир и систему ценностей индивидов — пока створки не захлопнулись; проходящие сквозь

---

¹ У. Юрайт известна также как координатор скандальной выставки «Преступления вермахта» (1995–1999) в ее обновленной версии (2001–2004), ставшей предметом тщательного разбора А. И. Борозняка [Борозняк 2011, 2014].

них события оставляют глубокий след, формируя специфическую конфигурацию памяти поколения. Этот период в исследованиях поколенческой памяти называют сензитивным, критическим и т. п. [Schuman, Scott; Шуман, Скотт] (обзор по тематике “reminiscence bump” см.: [Munawar et al. 2018]).

Анализируя формирование памяти в сензитивном периоде, многие исследователи разводят автобиографическую и коллективную память. Считается, что посредством автобиографической памяти индивиды оперируют событиями своей личной истории (точнее, события данного уровня специалисты относят к автобиографической памяти): как правило, это то, что запомнилось в «критическом возрасте», в «годы восприимчивости» — в возрасте от 5 до 16–20 лет. Коллективная же память обнимает события национального и глобального масштабов, и сензитивный период здесь уже от 15–17 до 24–30 лет. Наши претензии к этому подходу основаны на том, что и личностно, и национально/глобально значимые события (а именно об этой дихотомии фактически идет речь) специфичны для каждого поколения и, как правило, тесно переплетены как в восприятии индивидов, так и в официальном/публичном дискурсе. В результате исходное деление теряет четкость, а в конечном итоге и операциональность. Более продуктивным представляется отказ от априорного противопоставления автобиографической и коллективной памяти поколений в пользу нюансированной работы с масштабами в их конкретном воплощении и взаимодействии.

Труды Говарда Шумана с коллегами, содержащие это проблематичное, на наш взгляд, деление, остаются тем не менее базовыми в социологическом изучении памяти поколений [Schuman, Scott/Шуман, Скотт; Schuman, Corning 2012; Corning, Gaidys, Schuman; Corning, Schuman 2015]. Впрочем, сами Говард Шуман и Эми Корнинг считают возможным говорить об обобщенном критическом возрасте 10–30 лет [Schuman, Corning 2014, 2017]. Особо отметим текст этих авторов о советской эпохе, написанный на материалах эмпирического исследования 1994 г. [Schuman, Corning 2000; Шуман, Корнинг 2005]. Идеи Шумана с коллегами и более ранние концепции социальной памяти успешно используются в осмыслении функционирования памяти на постсоциалистическом пространстве, включая Россию [Максимова; Prusik, Lewicka; Kudrńák; Lorek; Емельянова, Мишарина].

Молодое поколение интересно тем, что находится внутри сензитивного периода. В рамках проекта MYPLACE (Memory, Youth, Political Legacy and Civic Engagement, 2011–2015) изучалось, как историческая память формирует текущие политические установки и поведение молодежи 14 европейских стран, включая Россию, однако города Уральского региона в этом проекте не участвовали. В число 15 российских городов, где в апреле 2018 г. Центр

восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) провел онлайн-опрос молодежи (в возрасте 16–34 лет), вошли три уральских города: Екатеринбург, Пермь и Челябинск [Krawatzek]. Близкое к периоду наших полевых работ время опроса и включение Уральского региона делает данные ZOiS особенно ценными. Вместе с тем они затрагивают только областные центры-миллионники, тогда как в фокусе нашей работы — жители небольших поселений.

Современные российские исследования памяти поколений, отталкиваясь от данных общенациональных опросов Левада-центра и др., особое внимание уделяют восприятию молодежью советского прошлого [Саганенко, Воронцова; Касамара, Сорокина; Евгеньева, Селезнева] и отдельных его периодов и событий [Булгаков; Прямикова, Куренбина 2019а, 2019б; Спасибо прадеду...]. В основном анализ проводится на материалах анкетирования с использованием потенциала открытых вопросов (большим сторонником которых в отечественной социологии выступает Галина Саганенко [Саганенко 1998, Саганенко 2001 и др.]) и глубинных интервью. В тех относительно немногих случаях, когда выборка выходит за пределы Москвы и Санкт-Петербурга, она все равно локализуется в крупных городах (Саратов, Севастополь и др.), во многом по причине того, что в качестве эмпирического объекта почти всегда выступают студенты вузов [Бродовская, Домбровская, Карзубов 2017; Булгаков]. Опыт регионального охвата представляют анкетные опросы по Республикам Татарстан, Чувашия, Мордовия [Максимова 2014; Григорьев и др.] и некоторым другим территориям. Попытки сравнения двух и более поколений находим в анализе данных анкетирования городских жителей Свердловской области [Бритвина], жителей малых городов Сибири [Полюшкевич; Скуденков], на материалах 31 качественного интервью петербуржцев [Омельченко, Андреева], 11 интервью москвичей [Долгов, Мелешкина, Толпыгина].

Львиная доля публикаций по эмпирическим исследованиям поколенческой памяти посвящена презентации добытых данных и их содержательной интерпретации; методический дизайн при этом бывает представлен крайне лапидарно, что делает актуальной методическую рефлексию с поиском новых подходов и их обсуждение.

В целом при высокой популярности исследований коллективной памяти молодежи наш фокус на а) школьников и студентах колледжей и техникумов, б) небольших городов в) Уральского региона, а также сравнение с данными по поколению родителей оказывается весьма неизбежным.

В своем исследовании мы исходили из того, что в восприятии прошлого сосуществуют разные языки описания: представители разных поколений по-

разному кодируют окружающий мир, в том числе прошлое своего поселения. Именно в таком ключе мы начинали рассматривать пространство небольшого уральского города и социальную память его жителей. (Впоследствии оказалось, однако, что ставка на различия поколений по большому счету не стала выигрышной.)

Идея заключалась в том, чтобы объединить две аналитические логики, исследование памяти и мультискалярного анализа, так, чтобы рассматривать условные единицы памяти (события, места, персоны, символы) с точки зрения их масштабирования. Представление о том, что одни места и события обладают значимостью для всех «времен и народов», другие — уже не для всех, третьи же — для немногих, предполагает статичное существование объектов меморизации на изолированных друг от друга шкалах. Определение принадлежности единицы памяти к той или иной шкале — только первый шаг, далее следует выявление взаимодействия масштабов — разномасштабности, допускающей, что одни и те же объекты одновременно или последовательно могут находиться на разных шкалах.

3.2. Событийные ряды: поколенческие разрывы

В рамках исследования была разработана методика выстраивания событийных рядов, продемонстрировавшая потенциал изучения мультискалярности и эффектов масштабирования социальной памяти. В анкету была включена серия вопросов:

Какие события из прошлого, давнего или недавнего, Вы бы отметили как наиболее важные? Укажите, пожалуйста, по 2–3 события:

1. Для себя _____
2. Для своей семьи _____
3. Для своего города _____
4. Для своей страны _____
5. Для мира в целом _____

Задача респондентов состояла в том, чтобы самим сформулировать перечень событий. Им не давалось никаких подсказок и не разъяснялось, что такое событие; мы стремились зафиксировать, что именно вспомнят отвечающие, как они определяют значимость того, что им вспомнилось.

При анализе события не классифицировались по каким бы то ни было критериям, кроме как «событие, названное респондентом», таким образом, получающее статус важного и значимого.

В понимании события мы ориентируемся на его трактовку как «совокупности взаимодействующих социальных обстоятельств и процессов, детерминирующих трансформационные изменения в системе социальных институтов, социальных отношений, социально-стратификационной структуре, образе жизни и мировоззрении социальных субъектов, которые, демаркируя социальное время и пространство, обуславливают возникновение новой социальной реальности» [Малмыгин]. Анализируя собираемые с 1989 г. Биографическим фондом Социологического института в Санкт-Петербурге автобиографии и интервью, Валерий Голофаст поражался событийной скудости ординарных биографий. Тем не менее среди трех слоев биографического повествования, которые он предложил различать (повседневная рутина, событийная культура и тайна), именно события, личные и общественные, представляют собой, по сравнению с двумя другими слоями, наиболее легко-выразимый и распознаваемый каркас жизнеописания [Голофаст].

В нашем случае анализ событийных рядов, т. е. вписанных в строчки открытых вопросов, событий, должен был дать представление о пространственных и временных координатах нарратива прошлого, о способе понимания истоков идентичности города, себя и своей семьи. Пространственные и временные координаты размещают описание на соответствующих шкалах, показывая, как далеко «вглубь истории» и «вширь географии» (ср.: [Веселкова, Вандышев, Прямикова 2017a]) простирается память.

В итоге это оказались самые трудные вопросы во всей анкете. Видя незаполненные строки, мы просили респондентов вернуться к ним и постараться все-таки заполнить (напомним, анкетирование проводилось в начале групповых дискуссий), тем не менее около половины анкет (от 34 до 56 %) в «событийном» блоке остались недозаполненными. Отчасти это обусловлено формой вопросов: как известно, уровень не-ответов на открытые вопросы, независимо от темы, намного выше, чем на вопросы закрытые и полузакрытые. Содержательная же причина видится в доминирующей логике иерархии памяти, когда исторические события, начиная со школьных уроков истории, рассматриваются прежде всего на уровне страны и мира, тем самым обезличивая и обесценивая пространство жизни наших скромных респондентов, жителей небольших уральских городов. Поэтому труднее всего им оказалось вписать важные события «для себя» и «для города» (не-ответы здесь достигают 56 и 53 % соответственно), а легче всего — «для мира» (34 % не-ответов). Воспринимаемая бессобытийность городской жизни в прошлом сочетается

с таким же состоянием в настоящем (и в определенной степени им формируется), что хорошо выражает типичный обмен репликами в интервью или групповой дискуссии:

Модератор: *Назовите какие-нибудь события, происходящие в вашем городе.*

Респондент: *В нашем городе ничего не происходит!!!*²

Распространенное понимание события как изменения не помогало, а скорее мешало нам в исследовательском плане. Именно такое понимание события, на наш взгляд, обеспечивает восприятие своей повседневной жизни в рамках пространства малого и среднего города как рутинной, скучной. В результате событийные ряды не получились такими яркими и насыщенными, как нам хотелось бы.

Заочный формат анкетирования родителей создал свои ограничения — от низкого и неравномерного возврата до сомнений в валидности (нет уверенности, что анкету всегда заполняли сами родители).

С учетом названных ограничений мы все-таки полагаем, что включенные в анкету и для учащихся, и для их родителей «событийные ряды» являются хорошим инструментом для сравнительного анализа представлений двух поколений; методика продуктивна и для изучения какой-то одной общности.

Так в чем же совпадает и чем различается память изучаемых поколений?

Уральские города в большинстве своем появились на свет благодаря развитию индустриальных производств. Поколения жителей, выросших на почве принятия индустриальной ситуации как единственно возможной в сложившихся условиях, сами создают значимые смыслы, символику принадлежности к рабочему классу, инженерным кадрам предприятия, довольно часто являющегося градообразующим. В XX в. эта принадлежность усиленно поддерживалась и развивалась благодаря художественным средствам, картинам и песням, увековечивающим героизацию труда, способствующим формированию особой уральской идентичности, после войны получившей выражение в словах Твардовского, ставших непререкаемым канонem: «Урал — опорный край державы!». Люди, прошедшие в своей жизни сквозь череду сходных событий, живущие в одном городе с его устойчивой идентичностью, подкрепляемой ежегодным празднованием, скажем, Дня металлурга или Дня

² В 2017 г., за год до начала наших полевых работ, в Сети получил распространение ролик, доносящий мысль о том, что в Серове ничего не происходит (см., например: В Серове ничего не происходит // Вести. Южный Урал. 20.01.2017. URL: https://youtu.be/8pe6aT_SpYk (дата обращения: 05.03.2021)).

энергетика, ожидаемо имеют много общего, хотя сам факт проживания в пространстве одного города, конечно, автоматически не делает их одинаковыми.

Ряд событий, указанных участниками анкетирования, носит сквозной характер, т. е. присутствует в пределах всех или почти всех заданных масштабов. Они как будто бы разрушают логику пространственной привязанности и, таким образом, логику масштабирования социальной памяти. Их не так много, они укладываются в два основных сюжета: Великая Отечественная/Вторая мировая война и развитие индустриальности.

Война как «историческое событие», по мнению российской молодежи, «наиболее важное для понимания сегодняшней России», ожидаемо лидирует и в данных Центра восточноевропейских и международных исследований (ZOiS)³. Несколько реже в ответах на открытый вопрос в этом исследовании в 2018 г. называли распад СССР, Крым и революцию 1917 г. [Krawatzek]. Индустриальная тема совсем не проявлена — полагаем, из-за различий выборки (ZOiS интересовали только мегаполисы, тогда как у нас — небольшие уральские города) и исследовательской оптики в целом (возможно, в полученных ZOiS ответах и затрагивались какие-то индустриальные аспекты, но не были соответствующим образом закодированы). В нашем случае индустриальность памяти дает о себе знать стабильным присутствием в событийных рядах и старшего, и младшего поколений, начиная с масштаба города: появление завода, свертывание его деятельности, сокращение сотрудников и т. п.

Другие события не обладают такой универсальностью и «вне-масштабностью», хотя тоже не могут быть приписаны исключительно к какому-то одному масштабу, например, рождение сестер и братьев. Казалось бы, очевидная семейная перспектива, но очень часто такие события фиксируются и на индивидуальном уровне.

Всего представителями старшей возрастной когорты было упомянуто 1022 события разного масштаба, а молодыми людьми — 2442. С учетом того что анкет старшей когорты было меньше, в среднем у представителей разных возрастных когорт получилось по 5,5 события на одного респондента. Обращает на себя внимание тот факт, что количество событий уменьшается по мере увеличения дистанции у представителей обоих поколений (табл. 3.1). Полученные нами результаты хорошо соотносятся с исследованиями И. Шубрта и Ш. Пфайферовой (2011) и их выводами о том, что для чешского, постсоциалистического общества более близкими являются события семейного

---

³ Феликс Краватцек, по материалам которого мы обсуждаем данные ZOiS, в качестве объединяющей использует категорию «Вторая мировая война» [Krawatzek]. Участники нашего исследования говорят и о «Великой Отечественной», и о «Второй мировой», но «Великая Отечественная война» фигурирует чаще, поэтому далее мы опираемся на это обозначение.

и регионального масштаба. Результаты нашего исследования в целом подтверждают это наблюдение.

Таблица 3.1

**Характеристика масштабов событийных рядов
в абсолютных цифрах и в процентах от количества ответов**

Масштаб	Школьники, студенты колледжей и техникумов		Родители	
	Количество событий, абс.	Количество событий, %	Количество событий, абс.	Количество событий, %
Индивидуальный	638	26,1	242	23,7
Семейный	450	18,4	215	21,0
Городской	532	21,8	236	23,1
Национальный	480	19,7	192	18,8
Мировой, глобальный	342	14,0	137	13,4
<i>Всего</i>	<i>2442</i>	<i>100,0</i>	<i>1022</i>	<i>100,0</i>

События «для себя» являются самыми распространенными и среди подростков, и среди их родителей (табл. 3.2). Среди наиболее значимых главными становятся события, не имеющие очевидной связки с более масштабными формами социальности — городами, страной или миром. У младшего поколения это события, характерные для молодых людей, наверное, во всем мире. Посещение нового города, первый полет на самолете, путешествие на море и т. п. — все это связано с открытием окружающего мира или с жизнью в семье: рождение братьев/сестер, собственный день рождения... Самую объемную часть событийного ряда составляет развитие образовательных траекторий — переход из класса в класс, сдача очередных экзаменов и т. д. Они в большей степени связаны с мобильностью (переезды, путешествия). Кроме того, в них присутствуют «маркеры взрослости»: встретил девушку, женился, получил права.

У родителей среди важных «для себя» событий доминирует тема детей. Другой важный блок касается социально-экономических изменений, таких как достижения в карьере, снижение или рост доходов.

События семейного масштаба (табл. 3.3) носят преимущественно приватный характер: переезд из одного места в другое, покупка квартиры, рождение или смерть близких родственников — то, из чего сплетается повседневная жизнь. Семейный масштаб был выделен нами с расчетом на то, что он в большей степени позволит увидеть историю семьи, представит более отдаленные по времени события, однако полученные данные не позволяют в полной мере

воспринимать семью как канал трансмиссии социальной памяти. Представители и младшего, и старшего поколений в этом отношении почти не отличаются друг от друга в своих акцентах на мобильность и изменение состава семьи.

Таблица 3.2

Событийный ряд в индивидуальном масштабе, % от количества ответов⁴

Школьники, студенты колледжей и техникумов	Родители
Образовательная мобильность (39,2 %)	Рождение детей (32,8 %)
День рождения свой и близких (13,3 %)	Карьерный рост (13,6 %)
Праздники (в том числе городские) (6,7 %)	Свадьбы, разводы (11,6 %)
Путешествия и переезды (8,4 %)	Успехи детей (10,1 %)
Маркеры взрослой жизни (6,3 %)	Социально-экономические проблемы (10,1 %)
Знакомства, появление друзей (3,9 %)	Путешествия (8,1 %)
Покупка машины, мотоцикла (2,3 %)	Великая Отечественная война (4,5 %)
Преобразование города (2,3 %)	Другое (8,6 %)
Политические события (1,7 %)	
Великая Отечественная война (1,3 %)	
Другое (1,9 %)	

Таблица 3.3

Событийный ряд в семейном масштабе

Школьники, студенты колледжей и техникумов	Родители
Рождение детей (22,4 %)	Путешествия и переезды (20,6 %)
Путешествия и переезды (14,6 %)	Рождение детей (18,5 %)
Семейные праздники (12,8 %)	Приобретение жилья (15,9 %)
Приобретение и ремонт жилья (9,1 %)	Достижения детей (7,4 %)
Достижения детей (8,2 %)	Изменение социально-экономического положения (6,3 %)
Совместные занятия (4,4 %)	Свадьбы, разводы (5,8 %)
Свадьбы, разводы (4,0 %)	Улучшение городской среды (5,8 %)
Покупка машины (3,3 %)	Великая Отечественная война (4,2 %)

⁴ Здесь и далее в этой главе, если не оговорено иное, приводится число ответов (упоминаний о событиях) в процентах, чтобы обозначить, какие события упоминаются чаще других на предложенных уровнях пространственной локализации. В качестве таблиц представлены ранжированные ряды.

Окончание табл. 3.3

Школьники, студенты колледжей и техникумов	Родители
Великая Отечественная война (2,8 %)	Другое (12,1 %)
Изменение социально-экономического положения семьи (2,4 %)	Распад СССР (0,5 %)
Политические события, выборы (2,4 %)	
Появление домашних животных (2,0 %)	
Другое (6,2 %)	

Прошлое теряет свою актуальность в масштабе семейных событий. В этом списке только одно упоминание об Октябрьской революции, упоминаются также некоторые элементы советской истории. В семье память (улавливаемая методикой событийных рядов) фиксирует события жизни в основном только двух поколений, детей и их родителей, — феномен короткой «индустриальной» памяти (см. гл. 2).

В списке *событий, значимых для города*, акцент делается на преобразовании городских пространств: происходит обновление площадей и парков, дорог, важное место занимают общегородские праздники. Один из значимых процессов благоустройства — восстановление старых или создание новых набережных — прогулочных зон для горожан (рис. 3.1).

Кроме того, в памяти поколений отражаются события политического характера, такие как выборы главы города и региона (табл. 3.4). Упоминание таких событий позволяет говорить о сходстве локальных идентичностей и общей принадлежности к территории.

Рис. 3.1. Набережная в Сатке

Таблица 3.4

Событийный ряд в городском масштабе

Школьники, студенты колледжей и техникумов	Родители
Улучшение городской среды (39,4 %)	Улучшение городской среды (33,7 %)
Городские праздники (26,1 %)	Городские праздники (18,5 %)
Смена главы города, выборы (12 %)	Строительство и закрытие заводов (15,1 %)
Давние исторические события (5,6 %)	Смена главы города, выборы (11,2 %)
Строительство и закрытие заводов (5,3 %)	Восстановление, строительство цер- квей (6,8 %)
Великая Отечественная война (3,2 %)	Природные бедствия (3,4 %)
Другое (9,7 %)	Великая Отечественная война (2,4 %)
	Другое (8,8 %)

Поколенческие различия в этом случае оказываются не столь очевидными. История заводов, пусть в меньшей степени, чем у родителей, все же явственно присутствует и в ответах детей. Событийные ряды рассматриваемого масштаба задают аутентичность и уникальность города благодаря связи с корнями, что достигается за счет меморизации знаковых историй, связанных с городом [Зукин]. Так, например, в Добрянке вспоминают о затоплении металлургического завода, а в Серове — о прорыве дамбы и наводнении. Таким образом, мы наблюдаем в некотором роде прагматизацию памяти городского масштаба. События, которые выведены на первый план, напрямую апеллируют к уровню комфорта и в меньшей степени поддерживают и развивают городское сообщество, в том числе его уникальность и аутентичность. Слишком незначительно обращение к событиям городской истории.

Событийный ряд национального масштаба оказывается самым политизированным, причем у опрошенных школьников и студентов колледжей и техникумов политическая повестка проявляется чаще, чем у родителей, в чем выражается запрос молодых на участие в политической и гражданской жизни страны. Спортивная тематика в большей степени интересна представителям старшего поколения, при этом такие аспекты, как допинговые скандалы, практически не упоминаются (табл. 3.5).

Данные нашего опроса подтверждают, что Великая Отечественная война является ядром национальной памяти. Это событие объединяет различные поколения (во всяком случае, два обследованных) в единую общность. Война не вызывает такой полемики и дискуссий, как многие другие исторические

события, а государство реализует историческую политику, направленную на поддержание советского канона воспоминаний о ней.

Таблица 3.5

Событийный ряд в национальном масштабе

Школьники, студенты колледжей и техникумов	Родители
Великая Отечественная война (19,4 %)	Великая Отечественная война (15,1 %)
Выборы (президента, губернаторов) (16,7 %)	Спортивные мероприятия (Олимпиада, чемпионат мира по футболу) (14,0 %)
Праздники (7,5 %)	Выборы президента (14,0 %)
Спортивные мероприятия (Олимпиада, чемпионат мира по футболу) (5,0 %)	Возвращение Крыма (13,4 %)
Пенсионная реформа (5,0 %)	Изменение социально-экономического положения (9,5 %)
Давние исторические события (5,0 %)	Пенсионная реформа (8,4 %)
Присоединение Крыма (5 %)	Распад СССР (7,3 %)
Распад СССР (4,7 %)	Революция 1917 года (2,2 %)
Введение технологических/экономиче- ских новшеств (4,7 %)	Отношения с Украиной (0,5 %)
Митинги в РФ (4,3 %)	Другое (15,6 %)
Локальные войны (2,9 %)	
Революция 1917 года (2,5 %)	
Трагедия в Керчи (1,9 %)	
Другое (9,2 %)	

С одной стороны, мы наблюдаем событийную насыщенность того, что актуально на сегодняшний день, с другой — крайне скудные упоминания о различных исторических фактах и их связи с историей собственной семьи и своего города. Как это можно объяснить? В качестве некоего исключения можно назвать город Алапаевск. В памяти воспроизводятся события, не только медийно «накачанные», но и реально повлиявшие на изменение облика города в лучшую сторону. В Алапаевске, где в 1918 г. была казнена часть императорской семьи, с 2018 г. проводятся Царские дни, это событие является одним из самых упоминаемых — и в силу размаха, и в силу новизны. Смысловая насыщенность событийного ряда в настоящее время задается памятником Елизавете Романовой. Этот монумент и храм⁵ претендуют на сим-

⁵ Храм и женский монастырь во имя преподобномученицы великой княгини Елисаветы Феодоровны располагаются возле Напольной школы, где содержались несколько членов императорской семьи и их приближенные, убитые 18 июля 1918 г. Монастырь ведет свою историю,

волицеский центр города, фактически заменяя собой прежний смысловой ряд, где центральной фигурой был памятник Ленину на главной площади. Сейчас бюст Ленина находится на центральной улице, но он явно потерял свою доминирующую роль. Таким образом, событие национального масштаба, гибель семьи Романовых, «съезживается» до городского уровня, задавая при этом содержание его уникальной идентичности.

Память национального масштаба предстает не как поток событий, скорее она похожа на маяки в океане. Она прерывистая, в ней выделяются яркие вспышки, но они не способны охватить собой весь океан. В нашем случае границы охвата — Великая Отечественная война. Целые пласты истории никак не привязаны к тому, что происходит сегодня, и остаются вне внимания не только молодых людей, но и их родителей. Так, только один представитель старшего поколения указал среди важных событий «для страны» полет Гагарина в космос.

Самыми главными *событиями для мира в целом* становятся технологические изобретения и научные открытия (табл. 3.6). В большей степени отмечаются события недавнего прошлого, такие как «фото черной дыры в космосе», «находят вакцину от болезней⁶» или успех Илона Маска. Американский предприниматель для молодых — герой глобального мира, предлагающий новые способы движения в будущее. Он заменил собой звезд шоу-бизнеса или знаменитых спортсменов.

Таблица 3.6

Событийный ряд в мировом/глобальном масштабе

Школьники, студенты колледжей и техникумов	Родители
Технологические инновации и научные открытия (22,8 %)	Технологические инновации и научные открытия (24,3 %)
Великая Отечественная война (15,8 %)	Великая Отечественная война (16,2 %)
Ухудшение международных отношений, наличие ядерного оружия, локальные войны (14,3 %)	Локальные войны и конфликты (Сирия, Чечня, Афганистан и проч.) (15,3 %)
Экологические проблемы (5,8 %)	Экологические проблемы (8,1 %)
Спортивные мероприятия (4,7 %)	Спортивные мероприятия (7,2 %)
Распад СССР (1,7 %)	Распад СССР (1,8 %)

как говорится на его официальной странице, с 1998 г., храм был в основном закончен к 2018 г. (см.: Женский монастырь г. Алапаевск. История. URL: <https://monsvelisavetialap.ru/monastyr/istoriya-monastyrga/> (дата обращения: 05.03.2021)).

⁶ Напомним, что данные относятся к 2018–2019 гг., когда в повестке дня еще не было пандемии коронавируса.

Окончание табл. 3.6

Школьники, студенты колледжей и техникумов	Родители
Давние исторические события (6,1 %)	Революция 1917 года (1,8 %)
Выборы, демократия (5,0 %)	Другое (24,3 %)
Праздники (3,8 %)	
Преодоление экономических кризисов, проблем (3,5 %)	
Другое (7,3 %)	

Как видим из табл. 3.6, родители и дети солидарны в признании значимости создания новых технологий. Солидарность поколений проявляется и в оценке значимости победы в Великой Отечественной войне для всего мира. Родителей и подростков в равной мере беспокоят международные конфликты, локальные войны и экологические проблемы.

Нам представляется, что выстраивание событийных рядов — методика, направляющая внимание на события из давнего и недавнего прошлого, которые указываются респондентами как важные для них лично, для их семьи, для города, страны и мира, — показывает ключевые элементы памяти подростков и их родителей. Помимо феномена короткой памяти мы можем отметить понимание индустриальности как советской и в результате малоинтересной для будущего молодых людей, но значимой для города в целом. Строительство и закрытие заводов, фиксируемое как важное событие для города, в 3 раза больше проявляется в ответах старших поколений, чем молодежи. Тем не менее подростки тоже отмечают значимость данных событий.

В этих рядах уживаются события разного масштаба. Они используются для конструирования уникальности и аутентичности наследия. В Соликамске развивается тема соляных промыслов, в Добрянке в разных местах города «поселились добрячки», а в Заречном регулярно проводятся городские карнавалы и горят оранжевые фонари. Таким образом, особенности городской истории задают смысловую насыщенность социальной памяти. Событийные ряды связывают разные масштабы, образуют систему координат восприятия прошлого, в пределах которой структурируется социальная память разных поколений жителей небольших уральских городов.

Как память о прошлом работает на уровне различных поколений? Что для молодых людей означает биография человека, выросшего в рамках привычной связки «город — завод»? Они увлеченно могут воспроизводить истории о своем городе, все те легенды и байки, в которых воплощается индустриальное прошлое, но, по сути, эти событийные ряды не обладают особой притяга-

тельностью для наших молодых людей. «Идеализация прошлого», связанная с относительным благополучием жизни в небольших уральских городах в советское время, воспроизводится в рассказах подростков и молодых людей, но мало что значит для них по отношению к своему настоящему и будущему.

Родители не только сознательно или невольно передают детям собственные идиллические воспоминания о мифологизированном прошлом, — дети сами имеют возможность как бы сравнить эти родительские проекции с нынешним фрустрированным состоянием старших, их невысокими доходами или пенсиями, низким социальным статусом, отсутствием реальных достижений и вознаграждений за прожитую жизнь. Но подобное положение родителей (а значит, косвенно, и детей) связывается в сознании тех и других не с тогдашним прошлым, шестидесятыми и семидесятыми годами, а с нынешним «настоящим», опытом девяностых [Дубин, 2005].

Важным аспектом воспроизводства и трансмиссии социальной памяти от поколения к поколению может быть желание включиться в ту же деятельность, что и родители. Преимущество в деятельности, в работе на предприятии может свидетельствовать о разделяемости своей судьбы с судьбой более старших поколений. Согласно полученным в ходе исследования данным подавляющее число молодых людей *не хотело* бы работать там, где работают их родители. При этом наблюдается небольшая разница между городами «старой» и «новой» индустриальности. Она не столь значительна, как можно было бы предположить, но все-таки присутствует (рис. 3.2): города «новой»

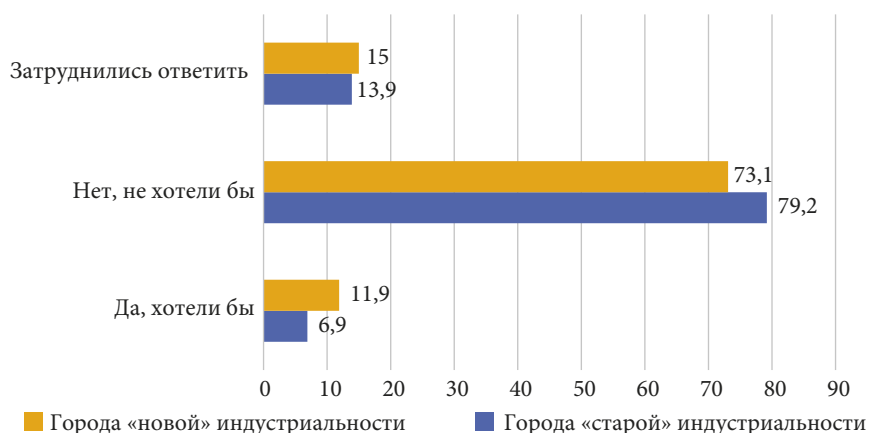

Рис. 3.2. Желание работать на том же предприятии, что и родители, % от числа опрошенных

индустриальности чуть более притягательны для выбора индустриальной карьеры, чем города «старой» индустриальности.

В профессиональном смысле ситуация практически не меняется: молодые люди не только не хотят работать на тех же предприятиях, но они не хотели бы получить и ту же профессию, что их родители. Таким образом, мы наблюдаем картину почти идеальной и свободной мобильности, не закрепленной отношениями с семьей или городскими традициями.

В отношении географической мобильности мы также фиксируем относительно слабые связи между молодыми людьми и городами, в которых они проживают. На вопрос о том, какие у них планы после окончания учебного заведения, большинство (53,4 %) заявили, что хотят уехать в другой российский город. Порядка 13 % сообщили, что хотели бы уехать в другую страну. То есть почти две трети опрошенных молодых людей не хотят оставаться в городе своего текущего проживания. Только около 15 % опрошенных ответили, что хотели бы остаться в городе (рис. 3.3).

Важно, что многие из родителей выросли и всю жизнь прожили в этом городе, т. е. мы имеем дело с поколенческим разрывом, обусловленным не только мобильным поворотом, но и изменением позиции небольшого индустриального города в масштабе всей страны. Этот разрыв не столько пространственно-географический, сколько символический. И это отражается в интересе молодых людей к наследию своих городов и к работе родителей. Эти поселения так и не стали привлекательными для молодых жителей, вероятно, нужно предпринять определенные усилия для того, чтобы рассеянные по карте Уральского региона индустриальные города получили новые импульсы развития.

Рис. 3.3. Планы молодежи после окончания учебного заведения, % от числа опрошенных

Мы спросили молодых людей о том, в каком городе они хотели бы жить. В результате получили развернутую карту предполагаемой мобильности, отражающей надежды и чаяния молодых людей. Рассмотрим более подробно эту карту (табл. 3.7).

Самым привлекательным с точки зрения проживания городом для респондентов стал Екатеринбург. Его выбрал каждый четвертый (200 выборов из 825; вопрос открытый, респондент мог вписать любое число городов). Вторым по популярности стал Санкт-Петербург. Ему отдали свои голоса 158 человек (19 %). Третье место в этом условном рейтинге заняла Москва, ее выбрал каждый десятый опрошенный (10 %).

Таблица 3.7

Города желаемого проживания

Город	Процент от числа опрошенных	Рейтинг
Екатеринбург	24,4	1
Санкт-Петербург	19,2	2
Москва	10,3	3

Практически каждый десятый респондент сообщил, что желает жить за пределами Российской Федерации. Самым популярным направлением стала Европа (47 выборов из 825), второе место — США (24 выбора из 825). Конкретные города называют реже, чаще других это Прага (14 выборов) и Лондон (13 выборов из 825). Заметным направлением желаемой мобильности традиционно является «южное» — ближе к морю и хорошему климату. Это направление выбрали 20 человек.

«Больше город, больше возможностей», — рефреном повторяли старшеклассники и студенты колледжей в ходе групповых дискуссий. Ричард Флорида предлагает при выборе места для жизни учитывать пять ключевых факторов. Во-первых, место жительства влияет на рабочие и карьерные перспективы. Во-вторых, так определяется степень близости родных и близких друзей. В-третьих, место жизни нужно соотнести с привычками: «одни любят шум и суету большого города, другие — простую жизнь в пригородах, третьи хотят быть частью природы и видеть вокруг ее красоту» [Флорида]. В-четвертых, место должно соответствовать свойствам личности. Наконец, в-пятых, место выбирается в зависимости от периода жизни. «Человек холостой захочет жить там, где удобно заводить друзей и ходить на свидания. Семье с детьми нужно безопасное сообщество с хорошими школами. Жильцы “пустого гнезда” хотят перебраться куда-нибудь не очень далеко от детей, где можно предаваться своим любимым хобби» [Флорида]. Поскольку речь идет о выпускниках школ и колледжей, основными для них являются первый

и третий факторы. «В нашем городе ничего не происходит», — жаловались они в ходе групповых дискуссий. Перспективы достижения материального благополучия, возможность окунуться в шумную, разнообразную и более яркую среду большого города — вот основные маяки для наших молодых людей. Подростки прекрасно понимают плюсы жизни в небольшом городе, это и безопасность, и близость к природе, но жить в таком городе скучно, и поэтому выбор они делают в пользу более крупных поселений (рис. 3.4).

Рис. 3.4. Приоритеты в выборе города для жизни

Создание ментальных карт в ходе групповой дискуссии позволило показать более широкий спектр отношений к собственному городу в отличие от вербальных высказываний.

3.3. Места памяти в индустриальном городе: ментальные карты

В настоящее время можно говорить о том, что метод ментальных карт уже прочно вошел в арсенал эмпирических социально-гуманитарных исследований. В отличие от ситуации 1960–1970-х, когда его развивали преимущественно зарубежные географы и психологи [Appleyard; Milgram 1970; Jodelet, Milgram 1976; Милграм; Gould, White, Pocock; Downs, Stea; и др.], вдохновленные интеллектуальным бестселлером Кевина Линча «Образ города» [Lynch; Линч], сегодня ментальными картами уверенно пользуются и российские исследователи [Тимофеева 2002а, 2002б, 2013; Замятина; Митин 2017а, 2017б, 2018], среди которых все больше социологов [Стрельникова 2008,

2013; Стрельникова, Ваньке; Романов, Ярская-Смирнова; Веселкова 2010б; Вандышев, Веселкова, Прямикова 2013; Глазков 2013, 2015].

Ментальную карту мы понимаем как рисунок местности, созданный информантом по запросу исследователя. Выбор наиболее показательных элементов пространства, степень локализации, наличие яркого эмоционального подтекста свидетельствуют о способах производства и присвоения пространства. Так можно выявить свойства пространств городов «новой» и «старой» индустриальности.

Ментальные карты, как часть наших исследовательских материалов, получены двумя путями. Во-первых, участники групповых дискуссий рисовали свой город, затем желающие могли показать и прокомментировать свой рисунок. Во-вторых, мы предлагали информантам нарисовать город во время интервью. Иногда это происходило в кабинетах, квартирах, а иногда — на лавочках или в кафешках. Участникам выдавались листы бумаги формата А4 и цветные фломастеры. Мы не расшифровывали и не комментировали задание (произносилось только следующее: «Нарисуйте свой город»), чтобы рисунки создавались на основании собственного опыта изучаемых людей, который, безусловно, вбирает в себя существующие трактовки и описания — от семейных и дружеских практик обсуждения городской тематики до позиций, излагаемых официальными источниками. Ментальные карты выступают инструментом, с помощью которого осуществляется «перекодировка смыслов» индустриального пространства [Стрельникова, Ваньке].

Обозначенные на картах места (объекты) вслед за И-Фу Туаном [Tuani 1977] мы рассматриваем как узлы смыслов, в которых запечатлена некоторая история [Massey; Куприянов, Садовникова]. Присутствие или отсутствие мест, их взаиморасположенность, таким образом, дают представление об образе города. Пространственное измерение памяти [Рожанский] в логике освоения пространства М. Серто [Серто] свидетельствует о практиках, активированных конкретными местами.

Запечатленные на ментальных картах элементы можно рассматривать как места памяти в смысле П. Нора, но с важной для нас поправкой на «территориальное заземление» социальной памяти; они предстают в качестве «квинтэссенции символического капитала территории, которая артикулирует ее идентичность в представлениях обитателей (аборигенов) и которая так или иначе транслируется вовне» [Вандышев, Веселкова, Прямикова 2013, 104]. Анализируя объекты, размещенные на картах, их функциональный и символический характер, мы получаем доступ к тому, каким образом конструируется образ города и как действует социальная память. В конце концов, действительно ли наши города воспринимаются как индустриальные и есть ли

разница между видением города у представителей разных поколений? Сложное, внутренне противоречивое содержание воспринимаемой и проживаемой горожанами индустриальности подробно обсуждалось в главе 2, в том числе с привлечением материалов ментальных карт, здесь мы хотим сосредоточиться на том, как именно работают ментальные карты.

То, что в массиве собранных карт очевидно и бросается в глаза практически сразу, это наличие заводов/градообразующих предприятий: создаваемый ментальными картами образ города действительно плотно обыгрывает индустриальность, это свойственно рисункам и «взрослых», и молодежи. Если размещать изучаемые города по шкале выраженности маркеров индустриальности, то чемпионом становится Верхняя Салда. Предприятие, на которое завязан город, изображается чаще, чем другие объекты, иногда это просто надпись «ВСМПО» или даже просто: «Завод» (ведь ни у кого не может быть сомнения, какой именно завод имеется в виду), но часто — просто трубы, заборы, цеха и т. п. как метонимии промышленного предприятия. Ментальные карты в Заречном пестрят изображением Белоярской атомной электростанции (БАЭС). На рисунках из других городов таких индустриальных объектов несколько меньше.

На приведенных рисунках отражены не просто объекты, но задан эмоциональный контекст. В Верхней Салде (рис. 3.5) это фраза написана черным цветом: «Безперспективный город»⁷, что дает ясное понимание отношения информанта к месту его жительства, в то время как в Заречном светит оптимистичное и жизнерадостное солнце (рис. 3.6).

На приведенной далее ментальной карте Серова (рис. 3.7) воспринимаемое пространство задается и структурируется двумя заводами,

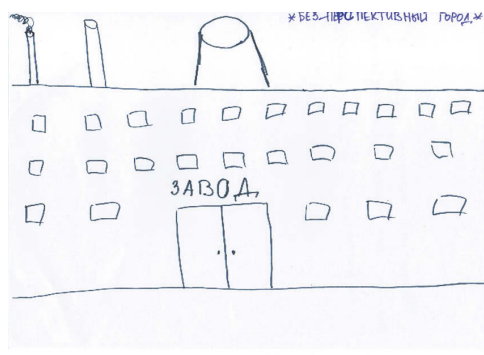

Рис. 3.5. Завод на ментальной карте Верхней Салды (ВСЖШ1/10)

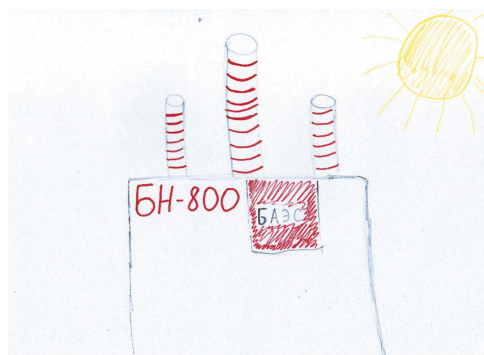

Рис. 3.6. БАЭС (четвертый энергоблок с реактором на быстрых нейтронах БН-800) на ментальной карте Заречного (ЗМШ2/10)

⁷ Сохранена орфография автора ментальной карты.

кроме них есть только дороги, условно разделяющие город на части, и узкая полоска реки. В городе нет места для людей и городской жизни, не то что для «третьих», но даже и для «вторых» мест [Ольденбург]. Дефицит мест на таких картах коррелирует с общими рассуждениями на групповых дискуссиях о том, что в городе ничего нет, некуда сходить и вообще тут нечего делать. Иногда радостная атмосфера рисунка идет вразрез с унылым ходом обсуждения из разряда «здесь ничего не происходит». В таком случае личное восприятие города может расходиться с общепринятыми высказываниями в ходе дискуссии. Сами рассказы, поясняющие сделанный рисунок, позволяют получить целостное понимание личного и поколенческого опыта города, зафиксировать не просто их особенности, но и пространственное устройство социальной памяти.

Символично выглядит другая карта из Серова, в которой жилая зона есть, но расположена она в тисках между природой и заводами (рис. 3.8).

Особенности Алапаевска и Златоуста заключаются в том, что говорить о градообразующих предприятиях все более приходится в прошедшем времени. Они уже закрыты или пребывают в полнейшем упадке. Сейчас это заброшенные территории, огороженные внушительными заборами, где появляются относительно небольшие производственные объекты, совсем не сравнимые по масштабам с прежними заводами. Тем не менее на ментальных картах для этих бывших предприятий все еще есть место, их изображают, давая понять их значимость для городской идентичности и аутентичности. Эти заводы могли бы превратиться в объекты наследия и стать новыми точками притяжения (см. об этом гл. 2), а могут сродниться с землей и превратиться в «пустое» место. Настоящая ситуация в большей степени указывает на последнее: информанты говорили в интервью, что станки сдали в металлолом, все что представляет собой хотя бы какую-то ценность, вынесли, а заводские корпуса постепенно разрушаются.

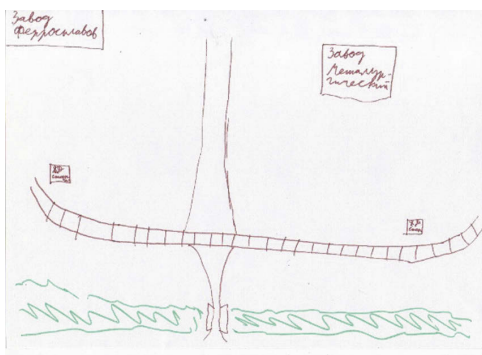

Рис. 3.7. Заводы и дороги на ментальной карте Серова (СрМ2)

Рис. 3.8. Жилая зона на ментальной карте Серова (СрМК2)

Ментальные карты выражают своего рода несогласие участников исследования с процессом вытеснения («старой») индустриальности; опустевшие, казалось бы, промзоны остаются наполненными знаками индустриальной идентичности, ибо доктрина устройства индустриального города не предполагает отсутствия предприятий как мест силы, это смыслообразующие места городского пространства. Выглядит несколько парадоксальным, что школьники, стремящиеся покинуть свой город и наотрез отказывающиеся работать на заводе, на своих рисунках воспроизводят элементы индустриальности как неотъемлемую черту городского пространства.

Срабатывает «естественность» установки, что их город просто не может быть другим, только крупное промышленное производство может приносить сюда деньги. (Наверное, лишь в Качканаре, который попал в выборку исследования 2013–2014 гг., мы сталкивались с не менее упорными надеждами, использованными тогда избирательными кампаниями, на создание в этом городе горнолыжного курорта и туристического центра [Веселкова, Прямикова, Вандышев 2016а; Веселкова 2016б].)

Итак, ментальные карты эффективно удерживают старую индустриальность, но говорят, конечно, не только о ней. Разнообразие смысловых акцентов хорошо показывает разработанная нами структурная типология по числу изображенных объектов. Если Кевин Линч предлагал различать в ментальных картах набор обязательных функциональных элементов, анализ которых дает представление о «читаемости» города [Линч], то для изучения смысловой наполненности и работы памяти эвристичным представляется деление по числу элементов, на сингулярные и множественные карты.

На *сингулярных картах* присутствует только один объект (отчасти этот тип напоминает карту-образ в терминологии А. Стрельниковой и А. Ваньке [Стрельникова, Ваньке, 65–67]). Как мы видели, в индустриальных городах это может быть завод (см. рис. 3.5, 3.6) или церковь (рис. 3.9–3.11), учебное заведение, что-то другое. Это тот случай, когда отдельное место буквально сливается с пространством, указывая на его смысловую опустошенность или, наоборот, гипертрофированную выраженность. Такие места буквально стягивают на себя и затмевают собой весь город, притом, что композиционно такие объекты совсем не обязательно расположены в центре листа. Важно, что на сингулярных картах пространство города не является поддерживающим смысловым контекстом (обычно он задается природой или определенными элементами городского пространства).

Характерный пример представляет собой уже упоминавшийся в связи с Царскими днями Алапаевск. На ряде рисунков это старопромышленное

поселение, некогда известное своими революционными событиями, сворачивается до храма (рис. 3.9).

Композиционное решение этой ментальной карты, где Храм сдвинут в верхний левый угол и оставляет много пустого, незаполненного места, как бы предполагает, что должно быть еще что-то, но никакой, даже предварительной, разметки нет. Напомним еще раз (см. 2.2.3, 3.2), что история Алапаевска включает последние дни жизни представителей императорской семьи. С 2018 г. в городе проводятся Царские дни, восстановлены или созданы объекты (чаще религиозного характера), связанные с этими трагическими событиями (Напольная школа) и персонажами, их олицетворяющими (например, памятник Елизавете Федоровне), город посетил Патриарх Московский и всея Руси. Царские дни стали едва ли не главным событием городской жизни; их статусом объясняют и изменения в городском благоустройстве, и появившиеся возможности по ремонту зданий, когда, например, было приведено в порядок здание индустриального техникума, которое находится рядом со Свято-Троицким собором и памятником Елизавете Романовой. Всего этого нет на сингулярной карте. Отсылает ли искусно прорисованный храм (во многих других случаях информанты изображают заведения культа сугубо схематически — крестом или прямоугольником с крестом) к вышеизложенной истории или какой-то другой, можно определить только из контекста обсуждения или уже абстрагируясь от конкретного автора и помещая рисунок в общей контекст всего массива данных.

Аналогичную карту нарисовал участник исследования из Соликамска (рис. 3.10): храм, смещенный вверх влево.

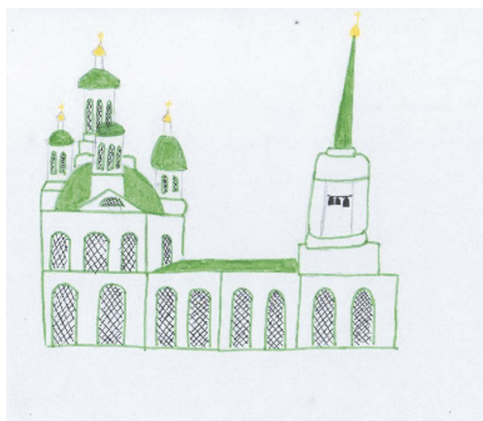

Рис. 3.9. Храм на сингулярной ментальной карте Алапаевска (АЖШ1/10)

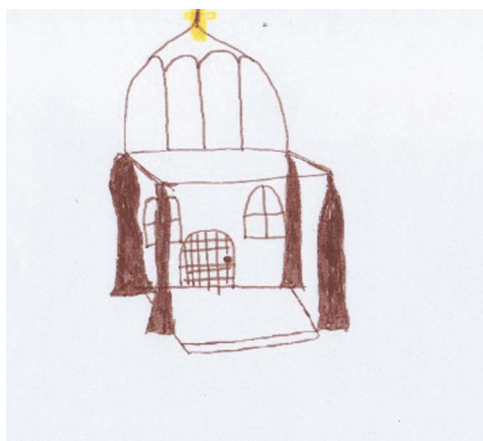

Рис. 3.10. Храм на сингулярной ментальной карте Соликамска (СлмШ1/11)

В небольших городах не так много красивых, точнее признанных в таком качестве, мест с притягательной архитектурой, — в основном типовые постройки советского периода да примелькавшиеся строения прежних времен. Культовые сооружения выгодно выделяются на общем фоне, принимая на себя миссию представлять город в целом и в таком качестве закрепляясь в памяти. Не стоит игнорировать и вероятное усиление религиозности в картине мира изучаемых людей.

Если для одних участников исследования город превращается в храм, то для других — в объект сетевой торговли (рис. 3.12). Во время интервью и групповых дискуссий обращает на себя внимание степень, в которой такие магазины повлияли на городскую жизнь. С одной стороны, они привносят новые, более современные стандарты торговли, с другой — вытесняют местных предпринимателей (ср.: [Веселкова, Прямикова, Вандышев 2016а, 316–333]). Конечно, местные торговые центры не такие манящие храмы потребления, как в больших городах, но их отсутствие или недостаток — одна из болевых точек для молодых людей. Такие ментальные карты демонстрируют смысловое изменение городского пространства и активируемых ими практик.

Следующая группа сингулярных карт завязана на объекты культуры; здесь мы видим Дворцы культуры, памятники и музеи (рис. 3.13–3.15).

Поскольку рисование происходило не в самом начале, а примерно в середине групповых дискуссий и интервью, то в представленности подобных

Рис. 3.11. Храм на сингулярной ментальной карте Добрянки (ДМШ1/9)

Рис. 3.12. Сетевой магазин «Пятерочка» на ментальной карте Алапаевска (АМШ2/10)

Рис. 3.13. Дворец культуры «Ровесник» на ментальной карте Заречного (ЗМК1)

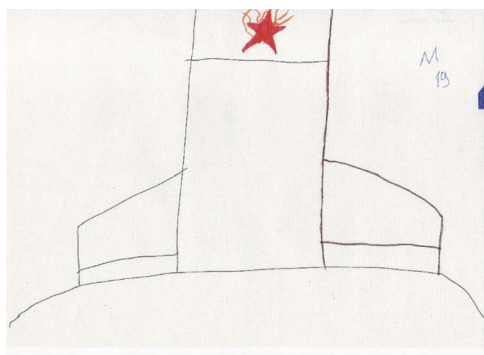

Рис. 3.14. Памятник на ментальной карте Заречного (ЗМК2)

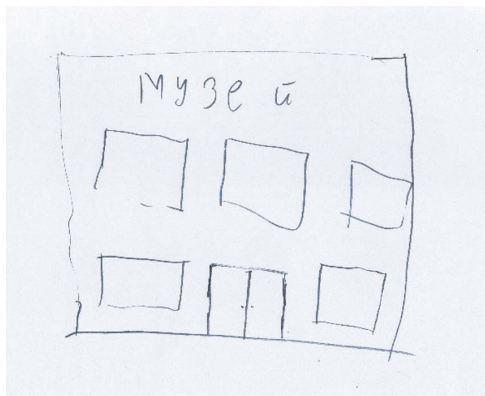

Рис. 3.15. Музей на ментальной карте Добрянки (ДМШ1/9)

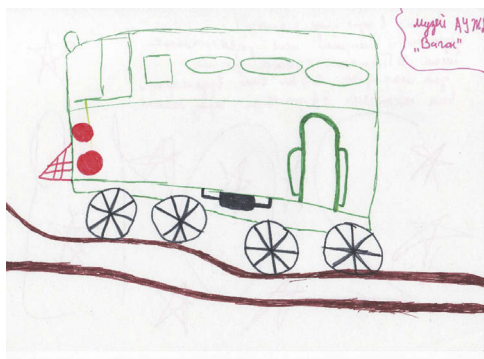

Рис. 3.16. Музей АУЖД «Вагон» (Алапаевской узкоколейной железной дороги) на ментальной карте Алапаевска (АЖК1)

объектов несомненно сыграло свою роль предшествовавшее обсуждение памятников и музеев. При всем влиянии тематики, однако, в нашем массиве имеются только две сингулярные карты с музеями.

В отличие от схематичного изображения на рис. 3.15, где можно понять, что нарисован именно музей только по надписи, рис. 3.16 показывает в довольно детальной прорисовке вагон как часть музея Алапаевской узкоколейной железной дороги. Эта дорога, имевшая ранее большое значение для обеспечения мобильности и освоения обширных территорий, сейчас воспринимается в качестве индустриального наследия, выполняя функции мемориального характера (на вагоне совершаются регулярные экскурсионные поездки по АУЖД) и в целом поддержания жизнедеятельности вымирающих поселков. Время от времени по узкоколейке ездит вагон-храм, в котором можно справить религиозные надобности.

Апофеозом метонимически редуцированного представления города в сингулярных картах становится просто точка, расположенная в центре листа, — есть такое место, но ни функциональной, ни символической нагрузки оно не несет и никак не связано с опытом проживания. Такая точка может значить все, что угодно, — от приближения/удаления, масштабирования и дистанцирования наблюдателя от объекта наблюдения до признания ничтожности и незначимости конкретного места. Это вариант города как «пустого места», олицетворения желания быть исключенным из этой пустоты или черной дыры, затягивающей навсегда и при этом совершенно непостижимой (ср. с вариантами редуцированных изображений на рис. 3.17–3.19). Заметим, что речь идет о воспринимаемой, оценочной «пустоте», которая сопрягается не столько с незастроенными или заброшенными участками (ср.: [Троицкая]), сколько с дефицитом значимости пространства.

Метафора пустого места, обозначенного, но не значимого, поддерживается в ментальной карте, созданной молодым человеком из Алапаевска (рис. 3.20), где видны дорога с рытвинами и парные таблички: начало и окончание города. самого города между ними нет. В силу того что здесь присутствует не единичный объект, это уже не сингулярная карта, это изображение тяготеет к противопо-

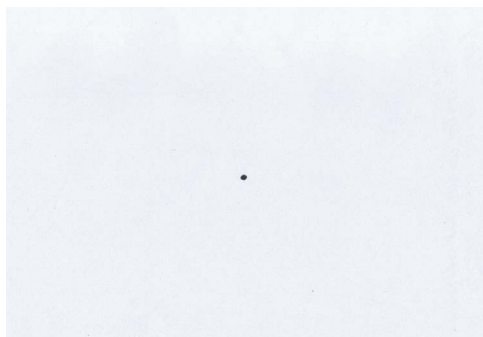

Рис. 3.17. Точка как изображение города на ментальной карте Алапаевска (АЖШ2/10)

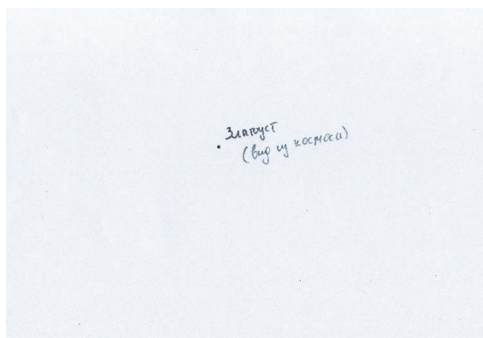

Рис. 3.18. Название города на ментальной карте Златоуста (ЗлЖШ2/10)

Рис. 3.19. «Алапа» как черная дыра на ментальной карте Алапаевска (АМК2)

ложному типу, который мы назвали множественными картами.

Множественные ментальные карты содержат более одного объекта и показывают город как гетерогенное и полифункциональное пространство, в котором примиряются самые разные элементы — и индустриальные, культовые и т. п. Такие карты составляют большую часть собранного нами массива.

Анализ объектов, расположенных на множественных ментальных картах, может быть произведен разными способами. Уже на ранних этапах развития метода исследователи не только отслеживали функциональные элементы по Линчу (путь, ориентир, граница, узел, район), но и довольно быстро пришли к необходимости дифференцировать рисунки по степени детальности и связности [Appleyard;

Ladd; Росоцк; Matthews]⁸. Современные социологи Анна Стрельникова и Александрина Ваньке в своей работе предлагают три взаимосвязанные стратегии анализа данных: 1) выделение и ранжирование значимых элементов в зависимости от того, как часто они встречаются в общем массиве; 2) классификация карт по манере изображения: карта-схема, карта-образ и карта без связей между объектами; 3) интерпретация изображения в контексте всего интервью с учетом комментариев информантов и последовательности рисования [Стрельникова, Ваньке, 63–70].

В развитие идеи связности применительно к своему материалу мы различаем связанные и не-связанные изображения. Любая карта, как сетевое единство [Веселкова 2010а, 2010б, 22–26], обладает определенной внутренней связностью, однако характер этой связности существенным образом различается. Если исходить из того, что взаиморасположение элементов

Рис. 3.20. Обозначение границ города без самого города на ментальной карте Алапаевска (АМШ2/10)

⁸ Еще одно важное деление, введенное Дональдом Эппллардом, на секвенциальные и пространственные карты (у Федора Шемякина — карта-путь и карта-обозрение) (см.: [Веселкова 2010а, 2010б, 21–22], здесь опущено ввиду нерелевантности нашим исследовательским задачам и самому материалу).

выражает семантическую иерархию отображенных мест, а значит и смыслов, принципиальным становится обращение к пространственной конфигурации и дистанциям, заложенным в рисунках информантов.

Связанные карты представляют собой целостный сюжет городской жизни, в то время как *не-связанные* содержат набор изолированных элементов.

Стандартный набор запечатленных объектов на рис. 3.21 — облака, сливающиеся с дымом из труб работающего предприятия, речка и зеленые насаждения, жилой дом — все это само по себе не позволяет идентифицировать город и выделить его среди подобных. А вот звезда (Вечный огонь), помещенная практически в центр изображения, по масштабам сопоставимая с трубами, делает пейзаж вполне узнаваемым, такая звезда есть только в Сатке. Кроме того, на подобных рисунках мы видим сюжет, запечатленную историю, в которой соединяются смысловые элементы: дым «*валит*» из труб, река «*течет*», огонь «*горит*», облака «*плывут*». На этой карте соединяются длительность, протяженность, процессуальность и статичность, постоянство.

Изображенные на рис. 3.22 объекты задают общий смысловой каркас опыта индустриального города и его отражения в памяти молодых людей. В центре карты — река Кама. Это самый большой элемент, занимающий добрую четверть рисунка или около того. Все остальные элементы выстроены в ряд и имеют примерно одинаковый символический «вес» — ГРЭС, церковь, школа, больница, жилые дома и объекты культуры (культурно-досуговый центр «Орфей» и недостроенный на тот момент ДК). Над городом плывут облака. Рисунок до некоторой степени похож на изображения планеты: есть ядро, оно отграничено от того, что расположено на поверхности. Эта карта

Рис. 3.21. Связанная ментальная карта Сатки
(СтМШ1/11)

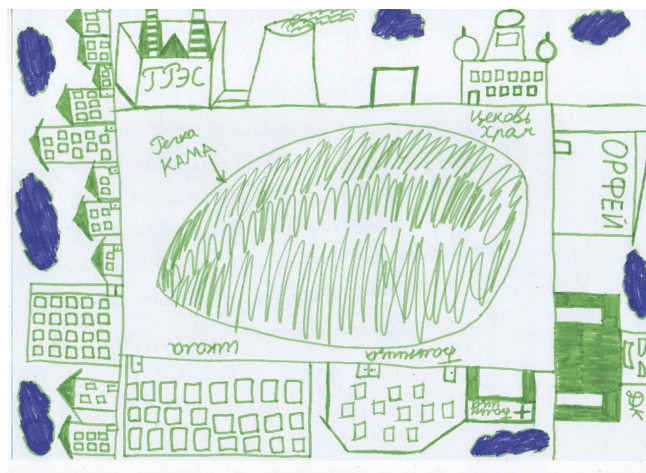

Рис. 3.22. Связанная ментальная карта Добрянки (ДМШ1/9)

целостна, она внутренне структурирована. Смысловая конструкция, заложенная в ее основание, самодостаточна и способна объяснить городскую жизнь.

Сравним этот рисунок с тем, что расположен далее. Тот же город Добрянка, почти тот же набор элементов, но в рис. 3.23 нет целостности, не хватает контекста. Один за другим графически перечислены несколько элементов, но оказывается не разъясненным внутреннее смысловое устройство восприятия города. В представленном пространстве отсутствуют связи, оно как бы распадается и теряет свойства города.

Рассмотренные под углом связанности карты фокусируют внимание на перечне и соотношении основных элементов города, но мало говорят о практиках (если не считать, что дымящий завод подразумевает, конечно, производственные процессы, музеи — возможность их посещения и т. п.). Вместе с тем среди собранных материалов есть значительный подмассив рисунков, целенаправленно изображающих характерные, по мнению информантов, местные

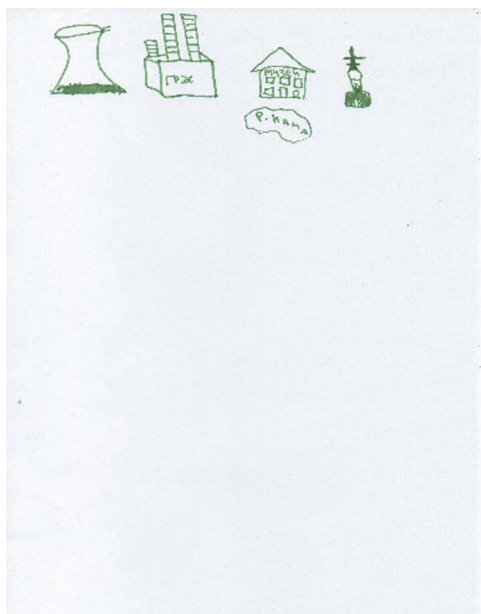

Рис. 3.23. Не-связанная ментальная карта Добрянки (ДМШ1/9)

практики, как в позитивном или нейтрально-повествовательном ключе, так и в негативном, острокритическом.

Обычно практики выражаются с помощью что-то делающих человечков. Так, позитивные желтые фигурки заполняют огромный по сравнению с рядом стоящими домами стадион на рисунке студента алапаевского колледжа, и такие же желтые выведены на передний план на «взрослой» карте Златоуста (рис. 3.25, 3.26; ср. с рис. 3.24).

Карты представителей старшего поколения практически не содержат негативных коннотаций, тогда как в рисунках школьников и студентов колледжей и техникумов они представлены весьма богато. На рис. 3.26 можно

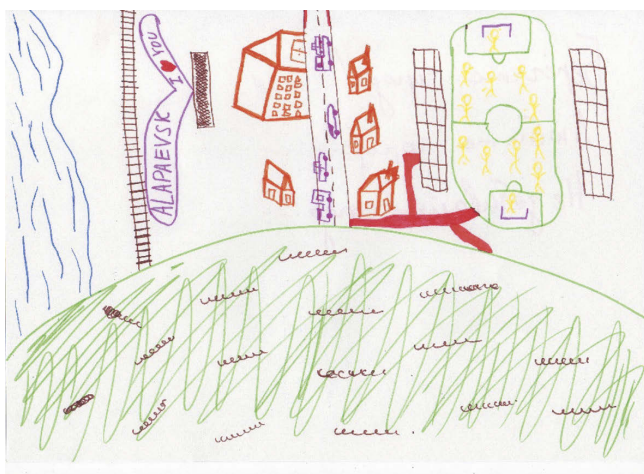

Рис. 3.24. Спорт на ментальной карте Алапаевска (AM K2)

Рис. 3.25. Спорт на ментальной карте Златоуста (ЗЛМ32)

видеть зарисовку практик местного населения в жанре социальной критики. Подробный сюжет с высокой степенью детализации включает стандартный смысловой набор — жилье, предприятие, природа, дети, катающиеся на горке. Расположена эта горка, однако, на фоне мусорных баков с торчащими из них характерными бутылками зеленого цвета, у дома спит человек с бутылкой в руках, детская площадка и газон испещрены подозрительными кучками. На заднем плане возле отмеченной рытвинами дороги стоят мужчины, один из которых прислонился то ли к дереву, то ли к забору.

Актуальный опыт города в ментальных картах получает выражение не только в указаниях на функциональные элементы и места памяти, но и в обозначении текущих проблем. Экология среди них — одна из сквозных, будь то урон от деятельности производства, как мы видели в гл. 2, или действия людей, оставляющих за собой горы мусора даже в природном парке Таганай, которым так гордятся в Златоусте. Перечеркнутый крест-накрест мусор, занимающий центральное место на рис. 3.27, как бы выражает протест против такого безответственного поведения и призыв к изменению ситуации.

На ментальных картах часто встречаются символические идентификаторы, отражающие, по мнению информантов, уникальность и своеобразие города, в том числе через природные достопримечательности: в Златоусте это горный массив Таганай, в Добрянке — река Кама (см. рис. 3.22, 3.23) и т. д.

Таким образом, ментальные карты, свидетельствуя о значимости для информантов потребительской, досуговой инфраструктуры, заметной роли заведений культа, в то же время демонстрируют сопротивление процессу вытеснения («старой») индустриальности. Различия между поколениями

Рис. 3.26. Ментальная карта Златоуста в жанре социальной критики (ЗлЖК1)

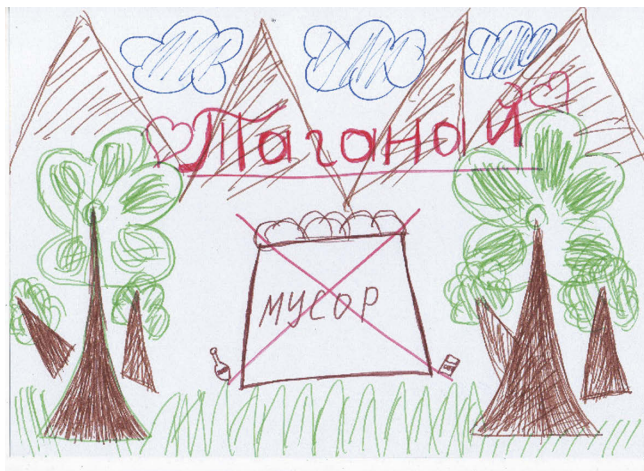

Рис. 3.27. Ментальная карта Златоуста с протестом против мусора (ЗлЖК1)

несущественны, насколько можно судить по трудносравнимым массивам («взрослые» карты получены в ходе интервью, их намного меньше, тогда как «молодежные» карты создавались в ходе групповых дискуссий, их значительно больше). Мы только в первом приближении обозначили аналитические возможности выделения сингулярных и множественных карт, их рассмотрения на предмет связанности и не-связанности, а также репертуара практик и их оценок со стороны авторов рисунков, оставив за пределами обсуждения семантику цвета и другие важные параметры.

3.4. Работа социальной памяти: капсулы времени

Методика капсул времени (КВ) разработана специально для этого исследования, цель ее — выяснить, что из прошлого и настоящего школьники и студенты колледжей, техникумов проецируют в будущее. Послание потомкам, которые будут здесь жить через сто лет, составляли только участники групповых дискуссий, поэтому в данном случае выводы относятся лишь к молодому поколению. У методики есть очевидный прообраз в виде реальных капсул времени, поэтому 3.4.1 мы посвятили обзору этих практик, степени их изученности и, как выяснилось, богатому опыту изучаемых и близких к ним городов на ниве использования капсул времени. В 3.4.2 обсуждаются результаты применения нашей методики.

3.4.1. Культурная практика капсул времени: от мировой традиции к опыту небольших уральских городов

В 1937 г. в Нью-Йорке на выставке заложили послание тем, кто будет жить через 5000 лет. Это послание получило название *time bomb*, но позже было заменено на более нейтральное — «капсула времени».

В нашей стране практика КВ широко распространилась в связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции. В 1967 г. в стране прокатилась волна торжественных закладок посланий длительностью в 50 лет, обращенных в XXI век. В 2017 г. соответственно они были вскрыты и прочитаны, часто в торжественной обстановке. Иногда за этим следовали перезакладки, символизирующие связь времен и преемственность поколений. В артикуляции межпоколенческого взаимодействия, когда люди разных поколений в едином порыве создают послание потомкам и передают его дальше, и заключается суть этой коммеморативной практики.

В своей работе «*Remembrance of things present: the invention of the time capsule*» Ник Яблон пишет, что капсулы времени стали в некотором смысле способом, с помощью которого социальные группы конструируют воспоминания о себе, как они формируют будущие воспоминания о настоящем [Yablon]. Это широко распространенная, но малоизученная практика. В определенном смысле она отражает сомнения в том, что с помощью традиционных способов трансляции социальной памяти будет передана «нужная» информация, сформирована необходимая память о настоящем. По мнению Вадима Дементьева, запаянные в капсулы послания пользуются большей притягательностью, чем, скажем, старые газеты, по той причине, что газеты создавали не для потомков, «не имели специальной цели передать им отобранную и тщательно обработанную информацию о себе, как авторы КВ» [Дементьев]. В труде Уильяма Джарвиса «Капсулы времени: Культурная история» исследуются различные аспекты информации, которая предназначена для передачи потомкам. Автор начинает историю КВ со времен Месопотамии и Древнего Египта [Jarvis].

В отечественной науке КВ не так давно стали объектом научного анализа. Есть лишь несколько статей, в которых обсуждаются социолингвистические особенности посланий [Дементьев], представлен анализ КВ как элементов дискурса советскости [Малая] и как элементов коммуникативной культуры, связывающей прошлое с настоящим и будущим [Шоломова]. Одновременно в медийном пространстве можно видеть регулярные сообщения о вскрытии или закладке очередных капсул.

Традиционно капсулы времени отправляются в торжественной обстановке: специально организованные люди в парадной одежде, в сопровождении

парадных речей закладывают послание потомкам. Очень часто КВ размещают в общественно значимом месте, доступном для обозрения и включения в городскую жизнь. В указанный срок происходит и вскрытие капсулы, обнаруживается содержимое послания, интрига завершается. Само место закладки капсулы становится «особенным местом», эдаким порталом между прошлым, настоящим и будущим. Иногда, однако, о капсулах забывают и они совсем в неторжественной обстановке обнаруживаются в ситуациях, не связанных с прошлым, историей или памятью. В Челябинской области под городом Троицком при проведении строительно-дорожных работ была найдена «капсула времени», заложенная в пролетное строение моста через речку Увелька на автотрассе Челябинск — Троицк.

При проведении ремонтных работ рабочим попала странная металлическая вещь, забетонированная в мостовой опоре. Убедившись, что вещь не опасна, рабочие сняли с нее крышку. Внутри вместе с бутылочными осколками лежали бумажные листочки. Два из них были с напечатанным текстом, на другом надпись была рукописной. Листочки содержали информацию о тех, кто проводил работу по строительству переправы через Увельку в 1964–1965 годах⁹.

Похоже, обнаружившие капсулу не очень-то понимали, что с ней делать дальше. Показательно, что в конце концов решили передать в местный краеведческий музей, если только сама капсула и ее содержание будут кому-нибудь интересны.

Школьники пионерского лагеря «Артек» в 1960 г. заложили КВ, адресованную артековцам 2000 г. В этом послании говорится о том, что установился мир во всем мире, а на территории лагеря построили космодром. Почему космодром? Может быть, потому, что 60-е гг. XX в. были наполнены романтикой космоса, страна «жила космосом»; неимоверный оптимизм, связанный с запуском спутника, подготовкой к запуску первого человека в космос, задавали коллективным эмоциям модус гордости и радости. Проектирование будущего, характерное для этого послания, оказалось не слишком точным. Многие из того, что было в этом послании, сегодня выглядит наивным и чрезвычайно перегруженным идеологическими штампами, но тем ценнее такой документ. В подобных посланиях выстроены и почти канонизированы отношения с прошлым, настоящим и будущим. Все это было запаяно в капсулу,

---

⁹ Под Троицком найдена капсула времени // U74.ru Новости Челябинской области. URL: <https://u74.ru/news/obshhestvo/pod-troickom-najdena-kapsula-vremeni-31350.html> (дата обращения: 05.03.2021).

скрыто от влияний внешней среды. Таким образом, по задумке, был передан ценный отпечаток своего времени.

Практика КВ масштабировалась не только городами и событиями. Известны случаи, когда потенциал этого способа распространения информации использовался для того, чтобы сохранить и передать неудобную и непарадную правду потомкам, ту, что нельзя афишировать в момент написания. Так, заключенные, занимавшиеся строительством дома в закрытом городе Северске, замуровали металлический контейнер, в котором содержалось послание к будущим поколениям. Оно было обнаружено случайно, при замене окон. В анонимном послании содержались призывы к сопротивлению советской власти и обвинения в адрес Л. Берии и других деятелей того времени. Уже в конце XX в., на митинге, посвященном урегулированию приднестровского конфликта в Бендерах, жители сформулировали послание в XXI век в память о конфликте. Это послание должно было стать предостережением тем, кто будет жить позже.

В 2017 г. началось массовое вскрытие официальных КВ, заложенных в честь 50-летия революции, в них обнаруживались схожие по своему содержанию тексты. Приведем несколько текстов из городов нашего исследования.

В Серове была вскрыта капсула времени с посланием, написанным в 1967 г. старшекласниками школы № 19 и адресованным тем, кто будет жить в городе через 50 лет:

Дорогие товарищи потомки, люди 2017 года! К вам, людям грядущего поколения, наше слово! Мы живем в бурное, волнующее, интересное и захватывающее время. Часы истории неумолимо отбили 50 лет советской власти. В 1917 году Великий Октябрь открыл новую эру в развитии человечества. Над миром загорелась звезда социализма. Гигантскими, семимильными шагами шла наша Родина от дремучей вековой отсталости к прогрессу, свету, мощи. 50 лет назад царская Россия выплавляла 4,2 миллиона тонн стали. Сегодня мы вышли на рубеж в 100 миллионов тонн. 10 лет назад мы первыми вышли в космос, запустив искусственный спутник земли, а сегодня наша автоматическая станция «Венера-4», пройдя расстояние около 350 миллионов километров, первой совершила мягкую посадку на далекую и загадочную планету Венера. Сейчас существует мировая система социализма, куда входят 14 стран. Социализм стал величайшей притягательной силой, надеждой и светочем для миллионов людей нашей планеты.

На наших глазах усилиями живущего поколения рушится и гибнет мировой империализм — старый мир частной собственности, эксплуатации, насилия и обмана, мир волчьих законов, национальной розни, расовых предрассудков. Новый мир в странах империализма куется в горниле классовых битв международного

пролетариата. Сбросили цепи колониального рабства большинство народов веками терзаемой Азии и многострадальной Африки.

Однако старый мир — мир капитала — не уходит без боя. Еще льется кровь в далеком Вьетнаме, народ которого ведет священную войну за свободу и независимость с вооруженной до зубов армией насильников — империалистов США. Еще во многих местах планеты вспыхивают опасные очаги войны.

Но мы глубоко верим — силы социализма и мира неодолимы. Нельзя повернуть вспять колесо истории, нельзя заглушить прогресс человечества. Рано или поздно история вынесет свой окончательный приговор одряхлевшему старому миру.

Обратим внимание на то, каким в 1967 г. хотели видеть Серов 2017 г.:

Дорогие товарищи потомки! Мы видим наш город через 50 лет с населением в 500 тысяч человек, 10–20-ю этажными домами, тремя институтами, десятью техникумами, 2 театрами, прекрасным краеведческим музеем, картинной галереей советских художников, Дворцом спорта, десятью домами отдыха, разветвленным троллейбусным движением, цветным телевидением и видеотелефоном, стартовой площадкой для сверхзвуковых пассажирских самолетов-ракет. Город-сад в зелени и цветах, с умными и образованными, душевными, физически развитыми и морально чистыми людьми. Мы немножко завидуем вам!

Молодое поколение коммунистического завтра! Цените то, что добыто кровью, добыто страданиями, добыто потом ваших предшественников. Всегда помните, в каких муках родился новый мир.

Помните и цените завоеванное! Крепко держите в своих руках славное Красное знамя — знамя Маркса, Энгельса, Ленина. Помните! Под сенью Красного знамени в мире совершалось все светлое, все доброе, все человеческое.

Будьте счастливы, дорогие товарищи потомки. Город Серов. Средняя школа № 19. 28 октября 1967 года.

Письмо нынешним серовчанам из 1967 года: Дорогие товарищи потомки, люди 2017 года! К вам, людям грядущего поколения, наше слово! // Глобус. Серов: события и комментарии. 12.11.2017. URL: <http://old.serovglobus.ru/pismo-nyneshnim-serovchanam-iz-1967-goda-dorogie-tovarishhi-potomki-lyudi-2017-goda-k-vam-lyudyam-gryadushhego-pokoleniya-nashe-slovo/> (дата обращения: 05.03.2021).

Отметим, что эта новость не вызвала значительного интереса, ее не стали комментировать или обсуждать на сайте издания.

В этом послании обращают на себя внимание композиция и смена тем. Начинается оно с индустриальной мощи и технологических достижений, обильно приправленных идеологическим противостоянием двух систем, развернутом

в мировом масштабе, и только после этого идут рассуждения о характеристиках собственного города. Заканчивается сочинение описанием идеального облика жителя Серова. Послание исполнено высокого эмоционального накала, в нем много пафоса и гордости. Конечно, картины будущего, прошедшие сквозь пертурбации социальной истории национального и глобального масштабов, оказались не слишком точными, многое из того, к чему призывали из 1967 г., в лучшем случае кажется наивным, но как они могли знать, что в 2016 г. в городе Серове действительно начнет действовать ледовая арена?

Серовчане 1967 г. не подвергают сомнению индустриальную сущность города, не сомневаются в том, что в конечном итоге он станет комфортным для жизни и даже обзаведется собственной площадкой для реактивных самолетов. Началом нового мира провозглашается революция, а вот для Великой Отечественной войны в этом тексте места не нашлось, тем самым послание показывает складывающуюся матрицу понимания прошлого и акцентирования в ней важнейших событий.

7 ноября 2017 г. в одной из школ Заречного торжественно вскрыли КВ, заложенную школьниками и учителями в честь 50-летия Октябрьской революции в 1967 г., вот текст этого послания:

Мы, пионеры и школьники, комсомольцы и коммунисты, учителя школы № 26 1967 года, обращаемся к вам в день 50-летия нашей Родины, в этот день, когда вы уже отмечаете 100-летие Великого Октября. Мы уверены, что эти 50 лет сделают нашу Родину еще более прекрасной. Мы пишем в тот момент, когда нашему поселку всего лишь 12 лет. Он строится. Мы оставляем вам фотографии строящихся зданий, историю образования нашего поселка и атомной станции. Мы верим, что атом служит прогрессу, процветанию человечества. В честь 50-летия мы открыли в школе музей, посвященный истории Белоярского района и нашего поселка. Первые группы рабочих прибыли в 1955 году. На месте поселка шумели уральские сосны, а леса славилась стойбищами лосей да грибными местами. Окончательное решение о строительстве Белоярской атомной станции было принято в 1954 году. В мае 1964 года состоялся энергопуск 1 блока. В честь 50-летия Великого Октября был пущен 2 блок нашей станции, а 3 ноября 1966 года был заложен бетон третьей очереди станции. Первые дома появились на улице Мира, Лермонтова, Я. Свердлова. Наша школа была построена первой. Затем было построено здание школы № 27 и № 2. В поселке был один дом культуры «Ровесник», 4 гастронома, Универмаг, Детский мир, почта, кафе, книжный магазин. Главной улицей нашего поселка была улица Ленина. Историю поселка собирали ребята 17 экспедиционных отрядов, чьи фотографии хранятся в музее. Директором музея был Журавлев Толя, секретарем комсомольской организации — Останина Люда, командиром

дружины — Скартина Люда. Своими стихами она передает вам пламенный привет и наказ от всех нас:

Сегодня октябрю полвека,
А в ваши дни исполнится
Сто лет.
Мы строим коммунизм
Своей планеты,
А вы его несите до других планет.

Директор школы: Г. Г. Чичканова

Секретарь парторганизации: О. А. Гунбина

Секретарь комсомольской организации: Л. Останина

Директор музея: А. Журавлев

Командир дружины: Л. Скартина

Архипова А. В Заречном вскрыта капсула времени // Зареченская ярмарка. № 45. 09.11.2017. URL: http://zar-yarmarka.ru/2017/45/V_Zarechnom_vskrita_kapsula_vremeni (дата обращения: 05.03.2021).

Впечатлившись моментом вскрытия капсулы, пишет журналист, ученики из единственного 11 класса этой школы (за истекший период она поменяла номер) тоже решили оставить послание в капсуле времени, заложив текст в ту же оболочку и замурав в том же месте на выпускном вечере следующего года: «Вскрыть новое послание предполагается через 20 лет, в 2037 году, на 80-летнем юбилее школы № 4»¹⁰.

Октябрьская революция утратила прежнее значение, время новой закладки теперь приурочено не к ноябрьским праздникам, а к весеннему дню выпускного, но в остальном параметры закладки строго воспроизводятся: тот же контейнер и то же место в стене школы. Тем самым реализуется символическая миссия КВ по связыванию в единую нить событий разного времени [Малая]. Даже если сегодня в подобных мероприятиях ценят действительно больше оболочку, антураж, стремясь влить новое вино в старые мехи, модерна суть института КВ в любом случае актуализирует преемственность и прогрессный характер темпорального порядка. Для наших небольших городов это выливается в воспроизводство индустриальной памяти со всеми ее свойствами, включая рекультивацию советского (см. гл. 2).

1 сентября 2017 г. в Бакале (малый город в Саткинском районе) была вскрыта КВ, заложенная в 1967 г. Для того чтобы сделать более торжественной

¹⁰ *Архипова А. В Заречном вскрыта капсула времени // Зареченская ярмарка. № 45. 09.11.2017. URL: http://zar-yarmarka.ru/2017/45/V_Zarechnom_vskrita_kapsula_vremeni (дата обращения: 05.03.2021).*

атмосферу мероприятия, детей одели в советскую пионерскую и комсомольскую форму, они «лихо промаршировали» перед зрителями. Затем выступили «представители поколения шестидесятников». Описывая саму процедуру, авторы статьи, которую мы здесь цитируем, не скупятся на высокопарные выражения, отражающие общий пафос: «Когда капсула оказалась у них в руках [у директора Дворца культуры горняков и руководителя музыкального коллектива], зал замер в трепетном восторге». Содержание послания приводится с сохранением орфографии источника.

Дорогие товарищи! Сегодня, в день проведения конференции-плenums «Дорогой отцов», посвященного 50-летия Советской власти, мы комсомольцы и молодежь города Бакал обращаемся к Вам, нашим землякам и потомкам, людям XXI века, со словами сердечного привета и горячими пожеланиями счастья и процветания. Полвека прошло с того дня, как написано это послание. Время неумолимо. Но это письмо донесет до вас наш коллективный голос из 1967 года. Мы жили в необычайно историческое время. Наше старшее поколение совершило Великую социалистическую революцию, и сейчас мы готовимся к торжественной встрече ее славного 50-летия. За это время мы пережили немало горя, бед и страданий, вызванных войнами. Многие отдали свои жизни за родную Советскую власть. Наш земляк Григорий Михайлович Лаптев первый на Южном Урале заслужил звание Героя Советского Союза. Мы никогда не падали духом, не склоняли своих голов перед трудностями и недостатками. Своим трудом, своими руками мы создали предприятие, на котором сейчас трудимся. Вместе со всем советским народом, преодолев все преграды на своем пути, мы построили социалистическое общество и сейчас создаем материально-техническую базу коммунизма. В городе Бакал в настоящее время проживает 38,5 тысячи жителей, имеется Дворец культуры горняков, 4 клуба, 2 кинотеатра, 7 общеобразовательных школ, музыкальная школа, 3 профессионально-технических училища, вечерний горный техникум, филиал Магнитогорского горно-металлургического института. Бакальское рудоуправление — самое крупное предприятие города. В 1966 году мы выдали руды 501 880 т, агломерата 1 907 288 т, кварцита 453 805 т, отгрузили готовой продукции 5 146 111 т. Государственный десятимесячный план по выпуску валовой продукции мы выполнили 22 октября. Дополнительно к 10-месячному плану горняки Бакала выдадут 40 000 т агломерата и 1 17 000 т железной руды. Мы заложили шахту имени XV съезда ВЛКСМ. Наши успехи обеспечены героическими усилиями всех трудящихся. Но мы особо хотим отметить имена Героев Социалистического труда Ивана Васильевича Преснякова — старшего агломератчика, Клавдии Прокопьевны Федченко и Николая Даниловича Пешляева — машинистов экскаватора.

Имена комсомольских активистов —

1. Акбаева Светлана Михайловна — руководитель комсомольско-молодежной смены химлаборатории.

2. Баранов Сергей Иванович — генерал-майор танковых войск.

3. Борсяков Николай Дмитриевич — электрослесарь рудоподготовительного комбината, ударник коммунистического труда.

4. Борщев Вячеслав Васильевич — секретарь комитета ВЛКСМ Бакальского рудоуправления в 1962–1964 году, помощник начальника Ново-Бакальского рудника, награжден значком ЦК ВЛКСМ «За активную работу в комсомоле».

5. Бочаров Леонид Порфирьевич — секретарь Бакальской комсомольской организации в 1928 году, генерал-майор авиации.

6. Ванчуров Александр Федорович — первый секретарь Бакальской комсомольской организации в 1919–1921 гг.

7. Воронова Изольда Михайловна — второй секретарь Саткинского ГК ВЛКСМ, награждена значком ЦК ВЛКСМ «За активную работу в комсомоле».

8. Гринштейн Нина Викторовна — комсомолка 30-х годов, главный геолог рудоуправления, награжденная орденом Ленина.

9. Доронин Валентин Семенович — секретарь комсомольской организации ГПТУ-31.

10. Жулыбин Анатолий Федорович — токарь рудоподготовительного комбината, награжденный значком ЦК ВЛКСМ «За активную работу с пионерами».

11. Золотова Зинаида Николаевна — бухгалтер ЖКО.

12. Зюзин Владимир Васильевич — машинист паровоза железнодорожного цеха, награжденный значком ЦК ВЛКСМ «За активную работу в комсомоле».

13. Коркин Иван Константинович — секретарь Бакальской комсомольской организации 30-х годов.

14. Корнев Юрий Павлович — машинист экскаватора рудника Кварцитного, секретарь комсомольской организации.

15. Молчанов Виктор Михайлович — токарь электроремонтного цеха, начальник штаба «Комсомольский прожектор».

16. Михайлов Владимир Иванович — мастер шахты «Бакальчик».

17. Октябрьский Николай Иванович — один из первых комсомольцев Бакальских рудников, председатель совета ветеранов.

18. Подлескин Александр Петрович — электрослесарь рудника ОГПУ.

19. Реваев Яков Матвеевич — помощник начальника цеха пароводоснабжения, награжден грамотой ЦК ВЛКСМ.

20. Сесюнин Георгий Александрович — секретарь Бакальской комсомольской организации в 30-е годы, погиб под Ленинградом в 1942 году.

21. Толстых Юрий Саввич — секретарь комсомольской организации ВЛКСМ Бакальского рудоуправления, начальник участка ЦРММ, награжден значком ЦК ВЛКСМ «За активную работу в комсомоле».

22. Уколова Альбина Митрофанова — старшая пионервожатая школы № 8, награждена значком ЦК ВЛКСМ «Лучшему водителю».

23. Фрицлер Эдуард Викторович — фрезеровщик ЦРММ.

24. Чертов Николай Иванович — секретарь Бакальской комсомольской организации в 1936–1937 году, погиб под Москвой в 1941 году.

25. Шашков Александр Иванович — секретарь Бакальской комсомольской организации в 1948–1949 г., заместитель управляющего.

26. Ширяев Павел Васильевич — машинист экскаватора рудника Иркускан, делегат XV съезда ВЛКСМ, награжден значком ЦК ВЛКСМ «За активную работу в комсомоле».

Это — люди труда, подлинные герои нашего времени.

Дорогие потомки!

Мы получили эстафету жизни от наших славных предков, совершивших чудесные дела. Их ратные, революционные и трудовые подвиги в ваше время стали уже историей. Наше старшее поколение с честью и достоинством пронесло эту эстафету сквозь годы строительства социализма. Мы твердо уверены, что вы, люди XXI века, высоко пронесете знамя борьбы за лучшее будущее человечества и приумножите славные традиции советского народа.

Нас с вами объединяет многое. Мы — единомышленники в борьбе за преобразование жизни, в стремлении сделать мир красивее, богаче и счастливее.

Вы, наши внуки и правнуки, унаследовали от нас такие непреходящие духовные ценности, как любовь к жизни и людям, чувства справедливости, преданность своей Родине. Мы уверены, что вы будете свято хранить эти ценности, приумножите наши достижения и передадите их как эстафету, своим потомкам, которым суждено увидеть такие вершины человеческой мысли, о которых мы только мечтаем.

Да будет вечна эстафета жизни, эстафета беспокойного человеческого духа!

Через десятилетия, разделяющие нас, мы протягиваем вам руку дружбы, товарищества!

Здравствуйте, дорогие потомки!

Здравствуйте, Люди нового века!

Будьте всегда счастливы!

По поручению конференции-плenums послание подписали:

секретарь комитета ВЛКСМ Бакальского рудоуправления /В. Квашнев/

заместитель секретаря комитета ВЛКСМ /Т. Гуськова/

члены бюро: Глушков Ю., Крымов В., Молчанов В., Реваев Я., Сальников Б.,

Сидоров Ю., Толстых Ю., Ширяев Ю., Локтионов Н.

Голенко А. В Бакале вскрыли капсулу времени: Что в послании из 1967 года? // Саткинский рабочий. 04.09.2017. URL: <http://satrab74.ru/news/territoriya/3887-v-bakale-vskryli-kapsulu-vremeni-chto-v-poslanii-iz-1967-goda> (дата обращения: 05.03.2021).

Бакальская капсула также была перезаложена, на этот раз именно в ноябре, в День народного единства. Среди прочих она несет на 50 лет в будущее пожелания местных школьников и студентов техникума¹¹.

В подобных текстах¹² определенным образом упорядочены ценностно-нормативные смысловые константы. В приведенном выше бакальском послании присутствует логика масштабирования, в ней пересекаются пафос идеологической борьбы всей страны и перечень учреждений культуры и образования конкретного города. Ключевым событием, структурирующим прошлое, служит революция 1917 г. Про войны говорится обобщенно, без выделения Великой Отечественной войны, а уж о таких событиях, как советско-финская война, во время которой Г. М. Лаптев и совершил свой подвиг, вовсе не было упомянуто.

Большое значение придается изложению статистических показателей производственных достижений, что делает эти послания похожими на отчеты о социально-экономическом состоянии городов; увлеченность цифрами подчеркивает рубежность прошлого: что *было* и что *стало*. Эта стрела времени должна неумолимо двигаться дальше, она даже не предполагает возможности вариативности. Прошрое, инкапсулированное и перенесенное в будущее, должно задавать связанность и неразрывность времени, преемственность того самого ценностно-нормативного порядка. Послания в КВ — один из практикуемых способов управления памятью, ее структурирование, способ показать, что обладает «истинной ценностью». Использованные метафоры «эстафеты жизни», «этапности» снимают вопрос об уникальности и самодостаточности тех, кто составляет послания и фигурирует в них; перечисленные поименно, они выступают в роли передаточных звеньев исторического времени.

Во второй половине XX в. мы наблюдаем событийное переформатирование памяти, что находит свое отражение и в содержании «официальных» посланий для капсул времени. Революция 1917 г. постепенно вытесняется

¹¹ См.: Голенко А. В Бакале заложили новую капсулу времени // Саткинский рабочий. 09.11.2017. URL: <https://satrab74.ru/news/territoriya/4176-v-bakale-zalozhili-novuyu-kapsulu-vremeni> (дата обращения: 05.03.2021).

¹² Капсулы времени, как правило, включают не только вербальные тексты отправителей, но и газетные, фото-, аудио- и видеоматериалы, предметы, представляющие собой гипертекст, но в данном случае мы анализируем только словесные послания.

Победой в Великой Отечественной войне; в социальной памяти именно Победа становится самым важным и значимым событием, задающим этапность деления прошлого. Развитие практики закладки КВ на уровне городов, предприятий и учреждений очень хорошо показывает прохождение этого рубежа в конце 1960-х — начале 1970-х.

Фактически теперь многие знаковые события в масштабе города сопровождаются такой формой коммуникации с будущим [Шоломова] и коммеморации прошлого, в их число непременно входят даты, связанные с Великой Отечественной войной. На сайте одной из алапаевских школ узнаем, что в мае 1969 г. были заложены обелиск и капсула времени, родилась традиция митинга у обелиска в День Победы¹³.

В XXI в. капсулами времени продолжают отмечать военные даты. 22 июня 2015 г. в Сатке, в сквере Славы, была торжественно заложена КВ.

В торжественной обстановке ветераны Великой Отечественной войны Прыгунов Михаил Иванович и Тутынин Михаил Константинович предали земле послание потомкам, которое будет прочитано через тридцать лет. Перед тем как предать капсулу земле, привезенной с полей сражений, ведущая зачитала пламенную речь, адресованную жителями Саткинского района в 2015 году потомкам, которые в 2045 году будут праздновать столетний Юбилей Победы в Великой Отечественной войне. Церемония проходила в сопровождении почетного караула, который по традиции ввели на площадь знаменосцы — курсанты Центра военно-патриотической подготовки имени Леонида Журавель. В окончании церемонии воспитанники детских садов и дети, отдыхающие в летних пришкольных лагерях, выпустили в небо 70 белых шаров и возложили к обелиску цветы.

В Сатке была заложена капсула времени // В Сатке.ру. Информационный портал города Сатка. 24.06.2015. URL: <https://www.vsatke.ru/kapsula-vremeni> (дата обращения: 05.03.2021).

В Верхней Салде в 2019 г., как особо отмечается, в день рождения комсомола, в авиаметаллургическом колледже была заложена капсула времени с посланием для тех, кто будет жить в 2069-м. В новостном сюжете, предоставленном пресс-службой градообразующего предприятия, подчеркивается, что это возрождение «комсомольской традиции», которое связывает поколения¹⁴.

¹³ См.: Повторение пройденного... История школы // Школа № 18 : официальный сайт. URL: <http://z18shkolaalapaevsk.edusite.ru/p28aa1.html> (дата обращения: 05.03.2021).

¹⁴ См.: Привет через 50 лет: В колледже Верхней Салды заложили капсулу времени // В салде. 31.10.2019. URL: <https://vsalde.ru/salda-news/study/16622-privet-cherez-50-let-v-kolledzhe-verhney-saldy-zalozhili-kapsulu-vremeni.html> (дата обращения: 05.03.2021).

На крыльце колледжа поставлены микрофоны, приглашены дети и ветераны. Выступающие говорят торжественные речи и закладывают капсулу, в которой содержится послание. На мероприятие *«пригласили и бывших лидеров ВЛКСМ, тех, кто выросел во время больших строек и субботников, и тех, кто остался молод душой»*. Люди, бывшие молодыми в 1960–1970-х гг., выдают напутствие сегодняшней молодежи. Закладка капсулы представляет собой переключку и попытку трансляции социальной памяти. Участница закладки в 1969 г. публично вспоминает, что капсула тогда казалась тяжелой, но сама она была молодой и активной. Ей казалось, что через 50 лет она станет *«дряхлой старушкой»*. С высоты прожитых лет она делает вывод о необходимости сохранять здоровье и заниматься спортом. Капсула времени, по ее словам, дала ощущение *«сопричастности к великому... какому-то событию»* (из репортажа).

Студенты колледжа продекларировали свои послания перед закладкой в капсулу, например: *«Надеемся, что “Титановая долина” получила много новых резидентов и стала специализированной площадкой перспективных в наше время отраслей промышленности: производство изделий из титана, компонентов и оборудования для металлургии, машиностроения, авиастроения, а наши дети и внуки уже не ездят в соседний город на маршрутных такси, а добираются туда на метро»* (из репортажа, студентка колледжа). Всего было подготовлено три послания, капсулу замуровали в стене колледжа. *«Там прописаны основные ценности молодежи, т. е. ценности они не меняются, они как есть испокон веков, так есть, — добро, любовь. Все это как-то по стандарту, мне кажется. Изменится молодежь или нет? Я думаю, конечно, изменится, по сравнению с тем поколением, что было до нас, с нашим поколением и поколением, которое растет после нас, — это совершенно разные люди, совершенно разные мнения и мышление у людей»* (из репортажа, молодежный лидер цеха 38 ВСМПО). Ценности вечные, а люди разные. Есть стандарт, который должен воспроизводиться во времени, из поколения в поколение.

Как видим, содержание и посыл утратили былую идеологизированность, несколько менее пафосным стал слог изложения, послания приобрели «проблемность». В современных версиях в Верхней Салде в будущее стремятся передать некоторую неустроенность и проблемное настоящее. Вместо торжественного описания успехов в памяти предлагают закрепить проблемы и сложности — скандалы, связанные с «Титановой долиной» и транспортными проблемами города.

В комментариях пафос события совсем не разделен, оно названо «показушной показухой», а дальше комментаторы вспомнили, что в городе была

капсула, заложенная на сто лет, ее срок пришел, но о ее судьбе ничего не известно:

3: и... (Гости) 3 ноября 2019 20:35

В парке им. Гагарина была капсула в обелиске который у забора — послание от комсомольцев революционного времени. Было написано что вскрыть потомкам через 100 лет. Время уже прошло помоему в 2017 или 2018 году.

Кто знает где эта ка[с]пула и каков текст написанного?

4: Димастый (Гости) 5 ноября 2019 18:59

и... Сперли ее

17 мая 2017 г. в Соликамске, на территории завода «Урал» открылся мемориальный комплекс «На страже мира», одним из элементов которого стала реактивная система залпового огня «Град». На открытии присутствовали представители предприятия, городской и региональной власти. В этот значимый для предприятия день заложили КВ, которую вскроют через 25 лет во время празднования столетия завода «Урал»¹⁵.

В 2016 г. в Сатке КВ была заложена на площадке, где строится новое производство. «Этой символической закладкой мы открываем новую страницу в славной истории группы компании “Магнезит”, — говорит Борис Дубровский. — На месте, где лежит послание будущему поколению, в 2018 году построят завод по производству плавленого периклаза. Сегодня значительную долю сырья для изготовления этого огнеупорного материала металлургам приходится закупать в Китае. Новое предприятие избавит промышленных гигантов от иностранной зависимости. Планируется, что здесь будут выпускать около 50 тысяч тонн продукции в год». «Наши основные потребители — это черная металлургия. Конверторный, электросталеплавильный способы сейчас развиваются. Внепечная обработка металла, установки вакуумирования стали, непрерывная разливка стали — все это требует новых высокотехнологичных материалов, в том числе на основе плавленных переклазов. Соответственно спрос на этот материал растет», — отмечает Максим Турчин, директор департамента развития группы «Магнезит»¹⁶.

---

¹⁵ См.: АО «Соликамский завод “Урал”»: стабильность, развитие и социальная ответственность // Бизнес России: Главный промышленный портал. 18.12.2020. URL: <https://glavportal.com/materials/ao-solikamskij-zavod-ural-stabilnost-razvitie-i-socialnaya-otvetstvennost> (дата обращения: 05.03.2021).

¹⁶ В Сатке на месте нового производства заложили капсулу времени // Капсула времени 31.10.2016. URL: <http://kapsula-vremen.ru/news/1/> (дата обращения: 05.03.2021)

В Златоусте за последние годы появилось сразу три сюжета с КВ. Как сообщает местное телевидение, по инициативе главы округа в конце 2017 г. капсулу с набором пожеланий от представителей местной власти, сфер образования, культуры и спорта, общественников и ветеранов заложили в городском краеведческом музее. Изготовленная на Златоустовской оружейной фабрике КВ отправлена в 2067 г. Представитель совета ветеранов рассказала о том, какими вдохновляющими раньше были подобные акции, а в музее уверены, что через 50 лет капсула пополнит число экспонатов: «Ведь рассказы жителей той или иной эпохи бесценны для потомков». В музее уже хранится одно послание времен Великой Отечественной войны¹⁷.

14 сентября 2020 г. в Златоустовском индустриальном колледже им. П. П. Аносова проходили велопробег и акция «Пожелание будущим студентам», посвященные 80-летию профтехобразования. «Каждый смог написать свое послание будущему поколению. Капсула времени будет находиться в музее образовательного учреждения. Ее откроют только в 2040-м году». Капсула времени в репортаже обозначена как «ценный груз», подробно описан маршрут движения по городу:

Колонна стартовала от художественно-технологической площадки техникума. Далее участники спустились на 9-ю линию проспекта Гагарина, сделали круг почета возле городской администрации и финишировали возле альма-матер. Первый велосипедист вез в руках капсулу времени для потомков из 2040 года. В металлический тубус запечатали послания нынешних учащихся для будущих студентов¹⁸.

В феврале 2021 г. еще одна златоустовская КВ передана на хранение в музей областного центра — Челябинска. Она тематическая, поскольку адресована 2045 году, когда будет отмечаться столетие победы в Великой Отечественной войне. Комментируя это событие, председатель собрания депутатов Златоуста сказал: *«Те, кто прошел эту великую войну, те кто принесли нашей стране победу, спасли нашу страну и дали нам возможность жить в мирной стране. За это им огромное спасибо, но у нашего будущего поколения уже такой возможности не будет, поэтому мы должны сегодня сделать все возможное, чтобы передать им их слова, их эмоции, их правду о той страшной и великой*

¹⁷ См.: Самойлова А., Самойлов Я. ДЗД [День за днем]: В Златоусте заложили послание для потомков в «капсулу времени» // Златоустовское телевидение. [11.01.2018]. URL: <http://zlattv.ru/2018/01/11/48466> (дата обращения: 05.03.2021).

¹⁸ Шукурова У., Черданцев Н. Студенты Златоустовского индустриального колледжа имени Павла Петровича Аносова оставили послание для потомков из 2040-го года // Златоустовское телевидение. [01.10.2020]. URL: <http://zlattv.ru/2020/10/01/69501> (дата обращения: 05.03.2021)

войне». На символическом запечатывании этой камеры присутствовали Герой России, ветераны и школьники¹⁹.

О капсуле времени в Заречном уже сказано выше: в 2017 г. вскрыли послание из 1967 г., где сюжет завязан на 50-летие Октябрьской революции, описана жизнь молодого тогда еще поселка, а не города, без упоминания о Великой Отечественной войне. Смена координат в работе социальной памяти очень хорошо прослеживается по последующим КВ в этом городе. А именно, заложенная 9 мая 1985 г. по инициативе Совета ветеранов капсула была посвящена 40-летию Победы:

Ее закладывали люди, ветераны Великой Отечественной войны, чьи боевые и общественные заслуги были отмечены многими правительственными наградами. Это были старший сержант Агриппина Даниловна Заруба и подполковник Павел Петрович Иванчиков. Участвовала в закладке капсулы и школьница-старшеклассница, отличница учебы Ирина Голубцова. Основным содержанием послания было обращение к молодым потомкам, передача эстафеты всего ценного, что было накоплено страной в области техники, научных знаний и работы с молодежью²⁰.

Еще одну капсулу, заложенную при возведении обелиска Победы в конце 1970-х гг., обнаружить не удалось.

На «церемонии извлечения и закладки капсул времени» 9 мая 2020 г., совпадающей с 65-летним Днем города, прозвучало: «День Победы был, есть и будет главным праздником нашей Родины»²¹. К подготовке привлекали школьников и их родителей. 11 марта 2020 г. на сайте школы № 1 города Заречного Свердловской области появилось объявление:

Уважаемые учащиеся и родители! **9 мая 2020 года** состоится торжественное открытие капсулы времени, заложенной в монумент Победы 40 лет назад. На ее место будет заложена новая капсула, которую вскроют уже наши потомки в 2045 г. — год столетия Победы в Великой Отечественной войне. Внести свой вклад в создание послания может каждый. Для этого нужно записать то, что вы хотите сказать потомкам в любой форме (в прозе или стихах), и направить по адресу электронной почты zarpress@mail.ru (информационно-аналитический отдел

---

¹⁹ См.: ДЧ [Депутатский час]: Златоустовцы отправили послание потомкам в 2045 год // Златоустовское телевидение. 02.12.2021. URL: <http://zlattv.ru/2021/02/12/71821> (дата обращения: 05.03.2021).

²⁰ Архипова А. Две капсулы времени // Зареченская ярмарка. 13.02.2020. URL: http://zar-yarmarka.ru/2020/7/Dve_kapsuli_vremeni (дата обращения: 05.03.2021).

²¹ Урай В. Извлечение и закладка «Капсулы времени» (Заречный 2020). URL: <https://smartik.ru/zarechnyj/post/118101920> (дата обращения: 05.03.2021).

Администрации ГО Заречный). Информацию принимают **до 1 апреля 2020 года**. Автор самого оригинального и интересного текста будет включен в состав группы по торжественной закладке капсулы времени.

Капсула времени // Первая школа: МАОУ ГО Заречный «СОШ № 1». 11.03.2020.
 URL: <http://zar-school.ru/75-let-pobedy/1093-kapsula-vremeni.html> (дата обращения: 05.03.2021).

Символический характер КВ, их способность сохранять и передавать память используются в современных городских арт-практиках. В одном из индустриальных городов Пермского края, Губахе, в 2014 г. даже установлен такой арт-объект.

В его описании на сайте городского округа сообщается, что он

расположен напротив центральной библиотеки как символ памяти об уходящем времени. По настоянию трудящихся создатель объекта Луис Вальверде из Мексики посвятил его эпохе, связанной с существованием Верхней Губахи. В советские времена население Губахи доходило до 100 и более тысяч человек, в это время в городе работало более 30 предприятий, среди которых были как крупные промышленные (шахты, коксохим, химзавод, ГРЭС, ЦЭММ), так и мелкие, бытового обслуживания — пищекомбинат, несколько ателье и так далее. Символично, что арт-объект расположен у городской библиотеки, хранительнице знаний и истории.

Арт-объекты // Губахинский городской округ. [Б. д.] URL: <https://gubakhaokrug.ru/okrug/art-obekty> (дата обращения: 05.03.2021).

Арт-объект настолько насыщен пафосом индустриальности, что, пожалуй, мог бы служить эмблемой индустриальной памяти в целом, со всем ее драматизмом, — эта интонация выходит на передний план в описании произведения Л. Вальверде на других сайтах:

После экскурсии в Верхнюю Губаху художник был настолько расстроен видом исчезающего Города-призрака, что решил увековечить память о нем. Он заключил в деревянную оболочку кирпичи домов Старой Губахи, и получилась символичная «Капсула времени».

Арт-объект «Капсула времени» // Пермь великая. [Б. д.] URL: <http://visitperm.ru/sightseeing/monuments/art-obekt-kapsula-vremeni/> (дата обращения: 05.03.2021).

3.4.2. Методика капсул времени: опыт использования

Задача методики КВ состоит в том, чтобы выяснить, что из прошлого и настоящего информанты считают достойным того, чтобы запечатлеть в памяти и «передать дальше». Как было показано в 3.4.1, она восходит к меморативным практикам, получившим большое развитие в XX в. и активно используемым в XXI в. как в воспитательных, так и в политических и коммерческих целях. В завершение групповых дискуссий в школах, колледжах и техникумах, где много говорили о городе и рисовали его на ментальных картах, участникам предлагалось на листе А4 составить обращение к тем, кто будет здесь жить через сто лет, — капсулу времени. Одни писали ручкой, другие использовали фломастеры, так что многие послания выполнены в разных цветах, могут включать графические элементы и целые рисунки.

Отголоски советского стиля и пафоса, свойственные «настоящим» КВ, встречаются довольно редко, тем интереснее послание из Заречного (с его атомной электростанцией, напомним, в качестве градообразующего предприятия), как кажется, стилизованное «под старину»:

Если вы еще живы, потомки, помните, вы дети мирного атома и должны им оставаться, великими тружениками своего времени. Мы верим в вас и ваши возможности, мы упустили ту самую цель покорить величественные просторы космоса и потеряли ее в веках, просим тебя, ребенок этого мира, сохраняй его, смотри вперед, имей цели — и будут впереди перспективы. Покорите космос, вселенную, вечность и помните, мы всегда впереди! Не повторяйте наших ошибок, простите нас за все то, что вы переживаете после нас, я верю, вы будете лучше, чем мы (ЗМК2).

Мы обнаруживаем в КВ информантов пафос совсем иного рода, он опирается не на идеологические конструкции или какие-либо теоретические обоснования, а скорее на нарратив угасания малых индустриальных городов. Вкупе с точкой ветвления жизненного пути, в которой находятся старшеклассники и студенты колледжей и техникумов, этот нарратив обуславливает неопределенность социальной и биографической позиции, из которой создается обращение к потомкам.

Послания похожи на письма, в них есть некоторое эмоциональное напряжение, но ему далеко до пафоса «настоящих» капсул 60-х гг. XX в. Экспрессия присутствует, но она выражается совсем другими инструментами, скажем, использованием красного цвета, которым выведено одно только слово «работа», испещрившее всю страницу. Итоговый вывод «Переезжай!» выглядит абсолютно неизбежным под давлением таких обстоятельств (рис. 3.28).

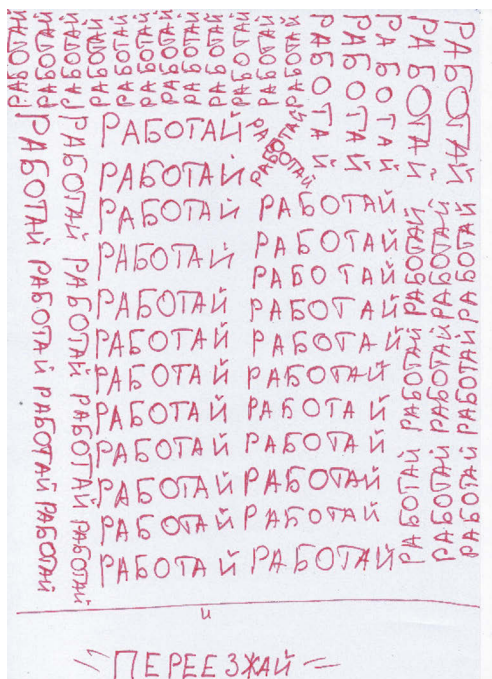

Рис. 3.28. Экспрессия средствами графического дизайна в послании алапаевского школьника (АМШ1/10)

По предмету описания полученные тексты различаются на сфокусированные на индивиде (людях) и на городе (стране, мире). Фокус на индивиде, фактически на самом себе, формулируется как жизненное кредо, обычно ориентированное на индивидуализм и саморазвитие:

Будь собой, решай сам, кем быть. Найди свое дело или нишу, вдохновляй единомышленников, определись, в какой сфере хочешь принести пользу миру (АМ16 2шк 10).

Ни о чем не жалею. Что бы ни случилось в твоей жизни, все к лучшему. Не ставь людей на 1 место в своей жизни. Люди приходят и уходят, оставляя пустоту в сердце. Вместо этих сомнений лучше займись собой, своим саморазвитием, своим внутренним миром. Будь собой, не бойся этого. Не бойся быть безумцем. Лишь безумцы всех умней. Храни в своем сердце свет и доброту (ЗЖК2).

Дорогие потомки, делайте то, что нравится, слушайте только себя, полагайтесь только на себя, делайте все сами (ЗМК2).

Другие, я тебе пишу из далекого прошлого — 2019 года. На данный момент мне 18 лет. Живи, радуйся жизни, своей молодости, надеюсь, город не остался такой, какой был у меня. Давайте, родные, живите красиво (ЗлМК1).

Ни о какой семейной или родовой памяти, межпоколенческой трансмиссии речи в таких посланиях не идет.

Примером смешанного фокуса и на индивиде, и на городе может служить обращение десятиклассника из Сатки:

Привет! Я Александр, мне 16 лет, сейчас 2019. Желаю вам отучиться и сдать экзамены, выполнить свои цели и действовать так, как сами хотите, никого не слушать. Развивайте город, если вы тут остаетесь, пытайтесь достигнуть вершин и благодородить город (СтМШ2/10).

Как и в «настоящих» КВ, в текстах наших молодых информантов содержится сильный перформативный посыл — указание мировоззренческого плана о том, что надлежит делать людям будущего. В сфокусированных на городе посланиях этот посыл варьирует между полюсами «Бегите» и «Берегите», в зависимости от взятого за основу отрицательного или положительного образа будущего. Конкретное воплощение, как показывает анализ полученных материалов, укладывается в четыре сценария, среди которых два полярных: 1) «Все плохо» и 2) «Все хорошо»; два промежуточных: 3) «Решение проблем» и 4) «Отдаленное будущее», а также разнообразные их комбинации.

Сценарий **«Все плохо»** аккумулирует проблемы маленького города, где негде работать и некуда пойти, неважная экология и дальше будет только хуже.

Этот сценарий может быть выражен лаконичными фразами:

«Бегите!» (АЖШ2/10)

«ПОЗДРАВЛЯЮ! Вы В ДЕРЬМЕ!» (ЗлМШ2/10)

«Уезжайте в другие города» (СМК1)

или развернутыми увещеваниями:

Уважаемые потомки, если вы выжили и проживаете в Верхней Салде, пожалуйста, уезжайте отсюда, пока не поздно. Здесь нет будущего (ВСЖШ1/10).

Негативный настрой встречается во всех обследованных городах, и если в Алапаевске и Верхней Салде он представлен более плотно, а, скажем, в Сатке несколько меньше, все же и там подобные пожелания звучат довольно зловеще:

Приветствую вас в этом городе! Понятия не имею, как вы тут оказались, но я вам сочувствую. Если у вас есть возможность, то уезжайте отсюда скорее.

Большая вероятность того, что если вы тут останетесь, вы будете очень жалеть. Тут нет никаких возможностей (СтЖШ1/11).

Сценарий **«Все хорошо»** акцентирует достоинства города, обычно это природа и история, которые следует беречь и развивать:

Советую провести свою жизнь интересно, посетите все места этого города, изучите всю прошлую историю Добрянки, и вы увидите, как по-настоящему прекрасен и своеобразен этот город (ДМШ1/9).

Уважаемые потомки, сохраните Заречный таким же чистым, зеленым, светлым городом с умными и воспитанными жителями. И передайте эту просьбу следующим, что придет после вас (ЗМК2).

Студентка педколледжа присовокупила к своему посланию, написанному зеленым фломастером, три больших красных сердца:

Алапаевск — это великолепный город, который наделен особыми, важными историями, богат своими достопримечательностями! Вы можете посетить различные музеи, так, например, музей, посвященный П. И. Чайковскому, который основала В. Б. Городилина. Она собрала в нем все важные ценности... А также вы можете посетить аллею Алапаевска, у которой есть своя легенда. Таким образом, я желаю вам интересоваться историями своего города!!! (АЖК1).

Обращает на себя внимание вариация масштабов значимости, которые приписываются городу в перспективе благоприятного сценария — от сохранения в прежнем качестве, как в пожелании студентки златоустовского колледжа (*«Берегите богатую природу этого города, развивайте его и развивайтесь сами!»* (ЗлЖК1)), и до масштабов страны и мира:

Может, вы сможете прославить наш город на всю Россию (ДЖШ2/11).

Прошло 100 лет... Я надеюсь, что Соликамск развивается промышленно и индустриально. Город стал в разы больше и все так же посещаем туристами. Он стал известен не только в Пермском крае, но и в других городах и областях нашей страны (СлЖШ1/10),

Старайтесь как можно дольше сохранять архитектуру города, так как это история. И пытайтесь рассказать всему миру о Соляной столице России (СлМШ1/10).

Большой редкостью в анализируемых посланиях является воспроизведение сложившегося канона социальной памяти, когда главным событием стала победа в Великой Отечественной войне. Но такие послания есть:

Будьте патриотами своей страны. Не забывайте про Великую Отечественную войну. Помните подвиг ваших предков. Достигайте большего в своей жизни (ЗМК1).

Сценарий «**Решение проблем**» относится к промежуточным, поскольку является продолжением одного из основных, негативного (Бегите) или позитивного (Берегите), но с акцентом на возможные решения. Так, верхнесалдинскому школьнику настоящее видится в мрачных тонах, но в будущем он видит триумф постиндустриализма:

Привет, люди из 2118. Я вам пишу из 2018 г. На данный момент обстановка в городе ужасная! Образование = 0, места для развития общества = 0. Никакого перспективного и карьерного роста! Я надеюсь, что к 2118 г. у вас будет постиндустриальное общество, больше будет для детей и людей в принципе, экологичность на высоте. А если всего этого не будет, то бегите отсюда (ВСМШ1/11).

Студентка колледжа из Златоуста тоже видит много проблем и минусов, но начинает с позитивного утверждения и предлагает стратегию маленьких шагов:

Дорогой Златоустовец! Ты находишься в городе с уникальной историей. Да, он не самый чистый, возможно, не совсем мобильный по сравнению с другими городами (более или менее крупными). Но если взглянуть чуть глубже, то можно увидеть больше и найти проблемы или какие-то минусы, которые тормозят развитие города. Да, если чуть применить сил, то можно сделать больше. Постараться сделать какие-то маленькие шаги по организации условий для благоустройства (ЗлЖК2).

Капсулы времени показывают, что для молодежи небольших индустриальных городов образ будущего нередко выстраивается в зависимости от судьбы промышленных предприятий. В посланиях проговариваются оба известных на сегодняшний день пути преобразования имеющейся индустриальности — и в сторону реиндустриализации, и в сторону деиндустриализации (см. гл. 2). Радикально выраженная миссия реиндустриализации присутствует в тех текстах, где «возобновление заводов» представлено в качестве единственно возможного позитивного пути развития:

Попытайтесь возобновить металлургические заводы; уезжайте отсюда, если ничего не будет меняться (P.S. С переездом!!! 😊) (ЗлШК2).

Я надеюсь, что спустя 100 лет Алапаевск процветает. Появились рабочие места, построено много заводов. Для молодого поколения открыты ТЦ. Также построено много больницы. Я верю в это! (АЖШ2/10).

Часть таких КВ присоединяет к индустриальности поправку на экологию, тут же следуют инфраструктура, развитие культуры и образования:

Перестройте (переоборудуйте) завод по новым стандартам в особенности экологии, восстановите старые предприятия, переоборудуйте тепловые эл. стан. на экол. чист. типы энергии, ремонт инфраструктуры, построить новые вышш. Институты, новые культурные центры и в общем не стоять на месте (СрМК2).

Открывайте больше спортивных школ, музыкальных, школы искусства. Не загрязняйте городской пруд, лучше чистите его, берегите природу национального парка, открывайте больше парков с ат[т]ракционами, сделайте отдельную площадку для прогулки с собаками, развивайте заводы (ЗлЖК2).

Проблема экологии может выходить за пределы города, приобретать региональный и общенациональный масштаб: «Надеюсь, заводы не убили природу Урала. ...Надеюсь, экологических проблем не будет и Байкал очистят и восстановят леса Сибири и Дальнего Востока» (ЗлЖШ1/9).

Капсулы времени, ориентированные на неиндустриальный путь преобразований, описывают создание общественных пространств и благоустройство, досуговую инфраструктуру безотносительно заводов:

Мне бы хотелось, чтобы в нем [Алапаевске] появился пляж (очищенный от загрязнений), парки с различными играми (аттракционами), дома были отреставрированы, были улицы очищены (АЖШ2/10).

1. Очисть пруд, 2. Сделать дома, здания более яркими, чтобы они привлекали людей, 3. Самое главное — очистить город от мусора, убрать свалку со въезда в город, 4. Оборудовать больше мест для развлечения народа, 5. Отремонтировать старые здания, 6. Не забрасывать парк «Таганай», 7. Сделать больше мест для туристов (ЗлЖК2).

Сценарий решения проблем обнаруживает две закономерности: элемент нереалистичности и вариацию субъектного участия. Нереалистичность дает себя знать в парадоксальных формулах, присоединяющих надежду-наказ к констатации безнадёжности (не утратить то, что и так утрачено):

Удачи! Не утратьте тот потенциал, который и так утрачен. Постарайтесь развить и пропихать город, сделать из него научно-технологический мегаполис (СрМШ1/11).

Удачи. Постарайтесь не разрушить то, что и так уже исчезает (ЗлЖШ2/10).

В то же время желаемые преобразования, особенно когда они конкретизируются, выглядят как программа действий не через сто лет, а для сегодняшнего дня и в принципе могут быть обращены к современникам и даже ровесникам пишущих, но напрямую такой адресации нет. Например, школьница пишет: *«Постройте, пожалуйста, ТЦ! Отремонтируйте дороги! Постройте многоэтажки! Измените Алапаевск, превратите его в мегаполис, мэра нормального» (АЖШ1/10).*

В виде косвенных обращений к своему поколению (возможно, к конкретным знакомым) прослеживается скорее критика индивидуального поведения: не пить — не курить, «не деградировать», не сидеть постоянно в социальных сетях и т. п. И хотя все КВ, и «настоящие», и наши, исследовательские, старательно описывают текущее время (информанты сообщают, что лично им нравится или не нравится в городе, чем они занимаются, где любят гулять), субъектной роли в искомых преобразованиях городской жизни себе, своему поколению молодые люди не отводят. Причастность к происходящему проявляется в признании неких обобщенных ошибок (эта тема уже встречалась нам в самой первой цитате в начале раздела: *«Не повторяйте наших ошибок, простите нас за все то, что вы переживаете после нас» (ЗМК2)*) и бессилия: *«наше поколение не способно предотвратить все проблемы» (ЗлЖШ2/10).*

Молодые люди не связывают себя с будущим города, у многих в ближайших планах — уехать (для начала на учебу), это проговаривается на ГД и иногда напрямую заявлено в КВ: *«Скорее всего (я надеюсь), что я уже не буду жить в своем родном городе» (ЗлЖШ2/10).* Девушка не отрешивается от родства с городом (зачеркнула отстраняющее «этом», заменив на «своем родном»), но беречь и вести к процветанию — этому посвящено ее послание — предлагается другим «людям г. Златоуст». Наши молодые информанты как бы снимают с себя ответственность за развитие города, не слишком-то хотят стать тем самым прошлым, которое должно быть запечатлено в будущем. Момент написания послания для школьников и студентов вовсе не похож на передачу эстафетной палочки от прошлого и настоящего к будущему, предлагаемая модель устройства времени в этом случае предполагает разрывность. Такие послания похожи скорее на политические указы в период выборов, в них слабо масштабируется время. Исходная позиция заключается в том, что и через 100 лет эти проблемы также будут волновать жителей города. О бу-

душем города рассуждают в терминологии веры, в отсутствие субъектности и персонифицированности тех, кто должен этим заниматься. Несвязанность биографической и городской перспективы — вот что мы наблюдаем в таких посланиях.

Противоположная позиция заключается в ставке на субъектность, деятельное участие в жизни города (формально — будущих горожан, но фактически и себя тоже):

Если вы любите свой город, то не относитесь к нему равнодушно! Идите вместе с администрацией города в ногу и делайте новые проекты для реализации нашего чудного города. Также средства можно получить, написав грант на какой-либо проект, и можно вернуть большое количество парков в работу (ЗлК2),

Город зависит от самих нас. Если мы начнем что-то делать, то и начнут другие. Нужно ценить то, что у нас/вас есть. Нужно просто начать делать что-то самим. Мы сделали основу, вы сделаете большое развитие (ЗлШ2/10).

Эти высказывания демонстрируют личностную субъектную вовлеченность и деятельную причастность пишущих.

Сценарий «**Отдаленное будущее**» описывает кардинальные перемены, когда будущее разительно отличается от настоящего. При негативном стечении обстоятельств город вообще перестает существовать, при позитивном — решены все насущные проблемы, появляется фантастическое измерение. Мы выделили такие послания в отдельный тип, поскольку они не продлевают механически сегодняшние реалии на сто лет вперед, а пытаются представить грядущую эпоху как действительно что-то иное. Такого рода коммуникативные мотивы в отношениях с будущим хорошо просматриваются в одном из посланий из г. Заречного. Молодой человек разворачивает воображаемый диалог с будущим, делится информацией о настоящем моменте и самым важным из прошлого. Рассказ построен в терминологии технологического детерминизма с опорой на фантастику:

Привет, надеюсь у вас машины уже летают и вы колонизировали другие планеты. У нас президент Путин. Меня зовут Сережа, мне 20 лет (мем). А если серьезно, то у нас в г. Заречный есть БАЭС. Первая АЭС на быстрых нейтронах. Старайтесь познавать что-то новое, самореализоваться в физическом и духовном плане. Держи цветочек [изображение цветка]. Что бы я хотел увидеть у вас, это как вы обосновались, так скажем, в космосе, как далеко вы смогли зайти, что узнали о черных дырах и установили ли контакт с неземной цивилизацией. Какое у вас оружие, тоже очень интересно (ЗМК2).

Вневременной смысл капсул времени показывает работу памяти: настоящее оценивается через прошлое и транслируется в будущее в «чистом виде», защищенное от загрязнений в промежутке между этими двумя точками. Это одно из оснований, почему мы не наблюдаем рассуждений о тех людях, которые произведут необходимые изменения. Мы получаем в будущем идеализированное «настоящее», которое хотелось бы видеть.

Совместное использование обсуждавшихся в этой главе методов изучения социальной памяти помогает выстроить целостное видение из прошлого (событийные ряды), которое переходит в настоящее (ментальные карты) и будущее (капсулы времени). Для нас важно, что все это нарративы памяти, которые создаются здесь и сейчас, то есть в настоящем, по сути являются результатом работы социальной памяти. Отбор наиболее значимых событий из прошлого, который в результате оказался наиболее сложным заданием, напрямую отсылает нас в прошлое. Когда участники рисуют ментальные карты, они рисуют настоящее, но, поскольку нужно опять же сделать выбор, что и как рисовать, они опять же руководствуются своими воспоминаниями. И наконец, послания для капсул времени, устремленные в будущее, напрямую связаны и с настоящим, в них отражается отношение к собственному городу (выбор между «Бегите» и «Берегите»), и с прошлым как основой того, что происходит сегодня.

Считается, что «золотой век» наших индустриальных городов остался где-то в СССР, поскольку сами города развивались, отстраивались под задачи советской экономики в соответствии с требованиями культуры социалистического города. Оказавшись в ситуации современной России, наши города, как большие, плохо управляемые корабли, привычные плыть по воле ветра, пытаются уже более или менее самостоятельно развернуться в сторону оптимизации городской среды, успешности в условиях жесткой конкуренции рыночной экономики. Одним это удастся лучше, другим хуже, в том числе и потому, что наиболее креативные слои населения покидают ряды городского населения и уезжают в более крупные поселения, равно как и наиболее способная молодежь. Свое будущее наши молодые респонденты не связывают с городом своего детства, даже при том, что в этом пространстве существовало и работало по меньшей мере в среднем два поколения их семьи. Иными словами, находясь на пороге выпуска из образовательного учреждения, родной город для них уже стал прошлым, сопряженным либо с приятными, либо, наоборот, неприятными воспоминаниями.

Счастлирое индустриальное прошлое небольших городов, политика формирования памяти о Великой Отечественной войне на рубеже 1960–1970-х — это эпоха относительного процветания наших городов. «Они

отсылают к воображаемой эпохе единой и устойчивой коллективной идентификации, стабильному образу макросоциального целого, общего «мы». Причем уровень значимости и единое понимание этого «мы» обеспечены и подкреплены тем — предельным по смысловой нагрузке — представлением о «великой войне», которое было сформировано в брежневский период» [Дубин, 2004]. «Мы» в социалистическом понимании этого слова уже давно не существует, «мы как народ, который победил», безусловно, поддерживается, но сдается под нажимом существующих социальных, культурных и других проблем.

Можно было заметить огромную разницу в констатации событий, перечисляемых разными поколениями. Так, в одной из школ педагог с огромным энтузиазмом рассказывала про бал памяти А. С. Пушкина, в котором участвовали почти все школьники. Они шили себе вечерние бальные платья, танцевали, педагог показывала очень красивые фотографии. В ходе групповой дискуссии в этой же самой школе ни один из участников даже не вспомнил про этот бал. Как можно объяснить подобное расхождение? Конечно, для учителя школьные мероприятия очень важны, а подростки могут считать их обременительной дополнительной нагрузкой к образовательному процессу. На наш взгляд, более важна значимость данного события для подростка, который уже настроился уехать и учиться дальше, и именно там, где дальше, его ожидают новые события в формате большого города. И конечно, мы не знаем, как готовится и как проходит этот бал, насколько школьники действительно вовлечены в подготовку такого события и насколько их собственные идеи легли в основу данного мероприятия.

Нет общего «мы», но есть определенные точки пересечения, смысловые зоны, которые считаются значимыми. В свое время символы и значение Октябрьской революции отошли в прошлое под воздействием новой политики памяти, памяти о страшном и тяжелом времени середины XX в. — Второй мировой войне, для нас — Великой Отечественной. А воспоминания о счастливом индустриальном прошлом небольших городов сформировались на фоне «несправедливых» и скудных 90-х. Безусловно, политика памяти в брежневскую эпоху не стала бы успешной, если бы не опиралась на живую историю, воспоминания людей, переживших это время.

Работает и семейная память: *«Самое... тяжелое было по папиной линии, его отец, он репрессирован, вот этот период он всегда очень тяжело воспринимал... Он с детства работал на заводе металлургическом <...> и про это он всегда говорил: мороз не мороз, руки примерзают — но ты иди и делай, а то пойдешь за братом и за отцом. Вот это было, вот это он всегда говорил»*. Старшего брата отца («я его нашла в архивах») в начале 1941 г. осудили

на шесть лет *«за то, что он где-то, как-то сказал, что война будет — вот это отец тоже рассказывал»* (но дальнейшей судьбы проследить не смогла — *«навверняка штрафбат»*) (ДЖ61).

Об этом в семье говорили всегда — *«сколько себя помню»*, говорит Ирина Петровна. На мемориале жертвам политических репрессий под Екатеринбургом она нашла имя своего деда, потом съездила туда специально с фотоаппаратом. А недавно, на 9 Мая, ее взрослый сын, побывал там со своей девушкой, и по фотографиям женщина поняла, что комплекс обновился, появились *«лица скорби»*²². Ирина Петровна, по ее признанию, *«помешана на истории»*: *«Для меня фотографии — это всегда было очень интересно. Я у родителей все фотографии всегда это в альбом, все это — все это, пока они живы были, все подписывала, чего не подписано, даты ставила примерные, повспоминать хотя бы по людям это»*. А вот 30-летнему сыну *«это совсем неинтересно. Поэтому куда эти фотографии уйдут — скорее всего в мусорный. А куда?»*. Это приводит ее к мысли отдать свои фотографии в музей (ДЖ61).

Конечно, мы имеем дело с обыденной памятью, которая формируется на индивидуальном уровне как отражение личных воспоминаний, встроенных в представления о прошлом, конструируемые системой образования, медийной средой, топографическими местами памяти [Мазур 2018, 13]. В ходе дискуссий и интервью нам рассказывали, и что ценно, не только работники образования, но и подростки, о различных программах краеведческой направленности, таких как *«Я — златоустовец»*. О подобных программах мы слышали и в других городах — в Алапаевске, Соликамске.

Сама по себе групповая дискуссия, на которой, к удивлению участников, все вращалось вокруг городской тематики, вызывала у некоторых даже определенное беспокойство и сожаление о том, что они недостаточно знают историю своего города. Мы это изучали, но давно, говорили подростки, где-то в младших классах. Наверное, нужно это делать позже, мы ведь были еще совсем маленькие тогда.

В то же время уезжают далеко не все, во многих городах мы сталкивались с креативными и успешными решениями. В Сатке День металлурга празднуют под классическую музыку, устраивают международные стрит-арт-фестивали, в Добрянке весь город усеян *«добрячками»*, в Златоусте возникают островки гостиничного комфорта для туристов, приезжающих в природный парк Таганай, в Алапаевске город благоустраивается к Царским дням.

---

²² Имеются в виду *«Маски скорби. Европа — Азия»* Эрнста Неизвестного, установленные в 2017 г. на мемориале памяти жертвам политических репрессий на месте массовых расстрелов на 12-м километре Московского тракта под Екатеринбургом.

Глава 4

ИНДУСТРИЯ ПАМЯТИ: МАТРИЦА МУЗЕЕВ НЕБОЛЬШИХ ГОРОДОВ

В 2018–2019 гг. в ходе полевых экспедиций по изучаемым восьми городам нам удалось познакомиться с 42 музеями: муниципальными (чаще всего краеведческими), корпоративными, музеями истории школы или колледжа. Если краеведческий, он же исторический, музей в небольшом городе чаще всего один, корпоративных — по числу градообразующих предприятий, обычно один-два, то «в образовании» музеев гораздо больше. Музеи нас интересовали как системообразующие центры коммеморации, остающиеся одним из ключевых каналов трансмиссии социальной памяти.

Знакомство происходило посредством экскурсий-интервью с записью на диктофон и фотомэппингом, интервью с сотрудниками с использованием ментальных карт. Для осмысления и типологизации деятельности музеев, как и во всем исследовании, используется теория мультискалярного масштабирования, фокусирующая внимание на взаимодействии пространственных и временных масштабов различной размерности (см. 1.1). В небольших городах музеи формально местного масштаба, однако все они могут выходить за пределы поселения: краеведческие, как правило, представляют более широкую историю края (и могут быть филиалами областного музея), корпоративные музеи рассказывают не только о предприятии этого города, но и о головном субъекте (холдинге, группе предприятий и т. п.), а музеи учебных заведений говорят не только о своей истории, биографиях выдающихся и не очень выпускников, но и об истории самого заведения (в нашем случае это преимущественно советский период).

Музей рассматривается в контексте меморативного ландшафта: через параметры дискурсивного позиционирования сверху или снизу, сочетания физических и нефизических элементов, открытости и закрытости. (Ком)

меморативный ландшафт, как уже отмечалось [Веселкова 2020б], относительно новый термин, довольно активно используемый в англоязычной литературе — первоначально в связи с проработкой памяти о рабстве и других аспектов истории США [Gundaker; Alderman, Dwyer], но не только [Kaiser, Nikiforova]. Российский историк Екатерина Красильникова в аналогичном смысле употребляет термин «ландшафт коллективной памяти» [Красильникова 2011, 2015]. Стефен Ханна и Фаррис Ходдер различают физические и нефизические элементы коммеморативного ландшафта, относя к физическим памятники, мемориальные таблички, музеи, а к нефизическим — практики экскурсоводов, коммеморативные маршруты посетителей и местных жителей, интернет-материалы [Hanna, Hodder]. Для российской ситуации к нефизическим элементам следует отнести деятельность исследовательских и поисковых групп и отрядов, участие в крупномасштабных акциях и проектах. Для нашего предмета мы вводим также характеристику по критерию открытости/скрытости (видимости/невидимости).

Шэрон Зукин в своих работах отмечает, что в больших городах вследствие джентрификации резко возрастает интерес к разного рода наследию, и в этой связи музеи превращаются из «кладовок» в драйверы экономического роста, основанного на производстве новых смыслов и генерировании потоков посетителей. Поскольку в небольших городах основными потребителями музейной продукции в основном служат учащиеся школ и техникумов, задача таких музеев в том, чтобы создавать и передавать каноны памяти, обеспечивать идентичность городскую, заводскую, региональную и даже национальную.

Может ли музей небольшого города создавать нарратив аутентичности места, привлекая тем самым различные аудитории, превращаясь во флагмана «новой» индустрии? По мере погружения в поле этот исследовательский вопрос получил развитие: насколько музеи небольшого города вовлечены в проблематику расширения своей аудитории, к каким моделям и концепциям они тяготеют? Могут ли музеи небольших городов создавать множество нарративов для представителей (или же вместе с ними) самых различных аудиторий?

4.1. Музей: модели и функции

Музей относят к ключевым современным институциям социальной памяти [Дубин 2011; Максимова 2019]. В литературе, посвященной музею, изменению его функций в современном обществе, можно увидеть четко очерченную линию, водораздел между «музеем-храмом», как он понимался на заре своего возникновения, и «музеем-форумом» — моделью, которая последние полвека

считается необходимой для сохранения его социализирующей функции. «Понятие “музей есть храм” складывалось на протяжении XIX в. и закрепилось за музеем как определенный статус или скорее как маркер, по которому можно определять, как тот или иной музей позиционирует себя» [Баранникова, 58]. Художественный музей — как храм искусств, естественно-научный музей — как храм наук, а музей литературный или комплексный — как храм просвещения и т. д. Архитектор и теоретик постмодернизма Ч. Дженкс определяет «музей-храм» как «музей, хранящий высокое искусство, [который] способен выполнять храмозаместительные функции, а его пространство заключает в себе ауру сакральности» (цит. по: [Там же]).

Вход в здание музея, а очень часто это колонны, постоянные напоминания о том, что экспонаты трогать нельзя, следует вести себя тихо и внимательно слушать экскурсовода, — такая картинка известна почти всем, поскольку посещение музея, экскурсии давно стали обязательной частью воспитания детей и подростков. Краеведческий музей Верхней Салды внешне больше напоминает храм, поскольку находится в старом здании заводоуправления, уже прекратившего свою деятельность, и разрушенного завода. Колонны и портики, правда, весьма потрепанные, но в целом здание производит впечатление, создает ощущение какой-то значительности.

Музей как квинтэссенция памяти обладает огромным потенциалом и способен выполнять самые различные функции. Оскар Наварро подчеркивает, что специфика страны очень сильно влияет на деятельность музея. Так, в Латинской Америке национальные музеи появились вместе с развитием молодых государств в XIX в. и «были призваны создать идею идентичности и истории этих государств» [Наварро, 6]. Экспозиции обосновывали значимость молодых государств, отказываясь от преемственности с древними индейскими культурами.

История часто ассоциируется с процессами памяти, и музеи являются лучшим примером подобной мнемонической машины, они представляют собой подлинный парадокс: место, где мы можем увидеть присутствие чего-то, чего больше не существует. В этом смысле музеи — материальное воплощение коллективной памяти, основанной на множестве индивидуальных памятей. Воплощение, старающееся создать у нас ощущение «Я там был». Музеи принимают в себя историю и память множества людей и создают последовательный дискурс происхождения и развития нации. В их залах выстраивается идея «Родины-матери», «Земли предков», т. е. такого места, где живут и умирают герои и мученики, места, за которое они готовы отдать собственные жизни. Следствием этого становится создание музеем серии событий, дающих иллюзию общего, разделяемого неким сообществом опыта» [Наварро, 7–8].

Если говорить о музеях СССР, то рассказ об истории молодого государства, которое создавалось в начале XX в., красной нитью пронизывает тема героизма и мученичества. В этом смысле советские музеи в полной мере воплощают аспект всемогущества и преодоления, свойственные индустриальной памяти (см. гл. 2). В целом же для многих российских музеев сохраняется традиционный канон презентации культурного и исторического наследия. Типичные темы уральских музеев — создание города-завода, быт разных слоев населения и известные личности. Особенное место в музеях занимает тема Великой Отечественной войны и участие города и населения в этих событиях. Наибольшие изменения в каноне претерпело, пожалуй, представление о XVIII–XIX вв.: деятельность заводчиков теперь прославляется, делается упор на их вкладе в развитие края и благотворительность. Стены музеев украшают портреты Демидовых, Походяшиных, Строгановых. То, что остается из революционного и последующего времени, подается с теми же акцентами, что и в советское время. К аналогичному заключению приходит Софья Гаврилова, по итогам исследования 22 современных краеведческих музеев в разных регионах России обнаружившая, что в большинстве своем они

продолжают воспроизводить советские принципы построения экспозиций, которые зачастую идут вразрез с преобладающими сегодня теоретическими концепциями в дисциплинах (география, история и этнография) и архитектурой знания [Гаврилова, 194].

Впрочем, советский период нередко подается в усеченном виде (ср.: [Морозов, Слепцова]). Например, в Серовском историческом музее все завершается Великой Отечественной войной. Нам объяснили, что с удовольствием бы рассказали и о последующем времени (*«В принципе, это и нужно, так и должно быть. Тем более тут вторая половина двадцатого века, она для нашего-то города с точки зрения развития очень интересна. У нас здесь нет, считайте, ни культуры, ни спорта, ничего — чем, собственно, город-то... славится»* (СЖ33)), но не имеют возможности из-за недостатка площадей (один из залов пришлось отдать под временные выставки).

Материальность, символичность и функциональность мест памяти по П. Нора наиболее полно воплощаются в музее, что позволяет рассматривать его в качестве историко-культурного кода места, где отобраны, сохранены, ранжированы все наиболее значимые образы и символы, традиции и события. Другой важнейшей функцией музея являются трансляция и распространение этих образов, включение их в общественные практики — образовательные, научные, развлекательные, познавательные и др.

Информационная культура современного общества меняет (заставляет меняться) деятельность всех организаций, связанных с передачей знаний, историко-культурного наследия. По мнению А. Гюйссена, музей — это единственная институция, способная дать посетителю подлинное переживание исторической реальности в эпоху электронных СМИ и виртуальных пространств и тем спасти его от потери памяти [Гюйссен].

Елена Мастеница выделяет «доминантные функции музеев вне зависимости от их масштаба, профиля, актуализированные процессом глобализации: социальной памяти, социальной рефлексии, социальной коммуникации, социальной адаптации и социального проектирования» [Мастеница 2015, 231]. В том числе функция социального проектирования работает на осмысление будущего, что тоже заявляется как необходимая часть деятельности музея.

Проект «идеального музея», обращенного к любому человеку, был предложен философом, одним из основоположников русского космизма Николаем Федоровичем Федоровым на рубеже XIX–XX вв. Основой его концепции выступают антропологическая направленность, полное переориентирование музея с хранения и использования наследия на развитие личности:

Цель музея не может быть иной, чем цель хоровода и храма предков, в который и превратился хоровод, т.е. солнцевод, возвращавший солнце на лето, возбуждавший жизнь во всем, что замерло зимою. Разница здесь будет лишь в способе действия, который в хороводе и храме не имел действительной силы; действие же музея должно иметь силу, действительно возвращающую жизнь, дающую ее. Это и будет, когда музей возвратится к самому праху и создаст орудия, регулирующие разрушительные, умерщвляющие силы природы, управляющие ими [Федоров].

Николай Федоров считал, что отрешение от прошлого является болезнью и лишает жизнь человека смысла и цели, однако «мертвый» музей, музей, который является просто хранилищем древности, своего рода гробницей, не способен исправить положение дел. Музей должен быть живым, он должен объединять в своей деятельности несколько функций — «исследования, учительства и деятельности» [Федоров]. Подчеркивается важнейшая гносеологическая особенность музейного образа, связанная с возможностью синтеза рационального знания и эмоционального (творческого, чувственного) восприятия. В таком музее возможно создание целостного образа мира совместными усилиями разных наук, т.е. в неявной форме озвучена мысль о системном образе мира, реализуемом на междисциплинарной основе [Там же].

Стоит отметить, что идеи философа привлекают не только специалистов-музеологов [Решетникова; Мастеница 2011]; в 2019 г. космизм Н. Федорова

послужил источником вдохновения сразу нескольких работ на 5-й Уральской индустриальной биеннале современного искусства¹ [Гуськов].

Возможно, самой популярной сегодня является модель музея-форума. Дункан Камерон, разрабатывая эту концепцию на рубеже 1960–1970-х, рассматривал музей как специфическую коммуникативную систему, в которой выделяются следующие структурные единицы: экспонат, посетитель и сотрудник музея:

Центральным звеном в этой схеме является посетитель, взаимодействующий и с предметами, совокупность которых составляет музейную экспозицию, и с сотрудниками музея, посредством экспозиции интерпретирующих отдельные вещи. Необходимыми условиями музейного коммуникативного процесса являются две составляющие: способность посетителей понимать «язык предметов» и способность музейных работников составлять из экспонируемых вещей особые высказывания [Решетникова].

Роль музеев в этом информационном процессе совершенно особая: с одной стороны, они аккумулируют различную информацию о прошлом, проводят экспертизу артефактов. Музеи представляют собой своеобразный трансформатор по преобразованию исторических знаний в убедительный и внешне достоверный миф. С другой стороны, музеи создают контактное, эмоционально заряженное пространство прошлого и настоящего, транслируя новым поколениям их образы. В концепции музея-форума посетитель рассматривается как полноправный субъект музейной деятельности, в отличие от структурно-функциональных теорий музея, где посетитель или не входит в круг рассмотрения, или воспринимается в основном как объект музейного воздействия [Решетникова]. Д. Камерон акцентирует внимание на пространственном и визуальном характере коммуникации [Камерон]. Одна из функций музея, которая сегодня становится еще более возможной при использовании различных технологий, — это создание особой атмосферы, к усиленному визуальному ряду (старые фото- и киноплёнки) добавляется и звуковой.

Проблема переосмысления своих отношений с аудиторией, по мнению Кристин Бартон и Кэрола Скотта, должна занимать центральное место в дискуссии о современном музее. Опираясь на результаты исследований ав-

---

¹ См.: Антон Видокль «Бессмертие для всех: трилогия фильмов о русском космизме», Арсений Жилияев «Чернорабочий солнца» // 5 Уральская биеннале. URL: https://fifth.uralbiennale.ru/painter/anton_vidokle/ https://fifth.uralbiennale.ru/painter/arseny_zhilyaev/ (дата обращения: 05.03.2021).

стралийской аудитории, авторы отмечают рост индивидуального досуга, проходящего в рамках дома и семьи, чему способствует наличие Интернета и расширенного набора телепрограмм. Они выделяют ряд факторов, повлиявших на пересмотр музеями своих отношений с аудиторией. Во-первых, появление очень проницательной и высокообразованной аудитории повлекло за собой общее снижение безусловного уважения к государственным учреждениям и профессиональной экспертизе. Во-вторых, развитие потребительского и клиентоориентированного общества сопровождается интеграцией рыночных принципов обслуживания в ранее сугубо социальный сектор. В-третьих, формирование концепции новой музеологии, согласно которой посетителя уже не считают чистым листом, как это было принято в конце XIX — начале XX в., напротив, он приносит дыхание жизни в музейный опыт. Другие факторы: установление принципов институциональной подотчетности на государственные расходы и общий упадок доверия к институтам авторства, госучреждений и профессиональной экспертизы [Burton, Scott, 60] (ср.: [Кудрявцева]).

Стремительно расширяющееся и всепоглощающее медиапространство второй половины XX в. с опорой на массовую культуру еще больше подрывает «храмовую» составляющую музея. Сегодня самые различные типы музеев переживают кризис, что проявляется в сложностях привлечения посетителей. «Одиночество музея и одиночество в музее — актуальная проблема настоящего времени. <...> В паре Посетитель — Музей инициатором решения этой проблемы сегодня становится музей, предлагающий разнообразные пути для разрушения стены молчания» [Бурганова 2018, 28]. С одной стороны, музей продолжает оставаться хранилищем артефактов, с другой — создается новое пространство, в котором творческая самореализация мотивирована свободным выбором форм и видов деятельности [Мурзина].

К. Бартон и К. Скотт указывают на то, что музей, желая быть актуальным и современным, будет стремиться наращивать свою аудиторию, и тогда ему скорее всего придется позиционировать себя как многопрофильную достопримечательность, претендующую на предоставление «идеальной» формы досуга. Являясь когда-то хранителем шедевров и раритетов, по поводу которых были возможны уникальные и единичные нарративы, сегодня музей представляется в новом ракурсе производителя самых разных нарративов и продавца самых разных впечатлений.

Фактически музей должен в равной мере позиционировать себя, с одной стороны, как «музей-храм», хранящий память о прошлом в виде экспонатов, несущих уникальные черты своего времени, с другой — выступать в роли «музея-форума», чтобы не потерять современного потребителя, искушенного существующими медиапрактиками.

В нашем исследовании мы познакомились с деятельностью не известных, знаменитых музеев страны и мира, а учреждений культуры небольших городов Уральского региона. Музей большого города, особенно находящийся в зоне притяжения туристических интересов, имеет свою публику и, как следствие, обладает ресурсами собственного развития. Музей небольшого города далеко не всегда располагает даже ограниченными ресурсами, публика его невелика и не особо к нему привязана. Такой музей может показаться квинтэссенцией ограниченной, «ущемленной» локальности: он не обладает огромными фондами, не способен привлечь большие потоки как посетителей, так и инвестиций. Тем не менее и тот и другой являются системообразующими центрами коммеморации. Магнетизм музея, его способность притягивать публику зависят от различных агентов, расширяющих пространство памяти своей национальной, социокультурной общности.

В интервью мы задавали сотрудникам вопрос о том, что они изменили бы в своем музее, если бы для этого имелись все необходимые ресурсы? Как оказалось, работникам музеев трудно даже в мечтах выйти за пределы существующих возможностей. Говорят, например, о том, что можно было бы показать больше экспонатов из запасников. Или добавить интерактивные возможности, но, по мнению работников, музей должен оставаться музеем, главное — экспонаты. Видимо, само предположение о появлении таких возможностей настолько удивительно, что специалистам очень сложно ответить на этот вопрос.

Исследовательский интерес к месту, локальности, которые насыщаются смыслами и определяются в различных контекстах, в настоящее время ощутимо растет. По мнению Кэрола Скотта,

ценность музея как социального феномена отражается в процессе конструирования коллективной идентичности через ощущение места и разделение коллективного опыта. Другими словами, с помощью социальных мифов и символов в музее маркируется воображаемое сообщество, в котором объединены различные группы общества. Именно через музейные объекты происходит символическое конструирование общей истории, которая, в свою очередь, создает чувство национальной или локальной идентичности. Восприятие места формирует своего рода иерархическую сеть социальных, культурных, исторических, экономических и личных воспоминаний или переживаний, которые придают месту особенный смысл (цит. по: [Кудрявцева]).

Таким образом, специфика музея, его выставочной деятельности опирается на а) особенности города и запрос на конструирование городской

идентичности (культуры); б) региональные особенности с опорой на краеведение (энтузиасты — исследователи малой родины); в) исторический период со знаковым событийным рядом; г) интересы потребителей музейной памяти разных поколений и пр.

4.2. Музеи (историческое прошлое) в городах «старой» и «новой» индустриальности

Для понимания музея как потенциального узла памяти в (ком)меморативном ландшафте небольшого города необходимо обратиться к множественности культур памяти, которая обусловлена особенностями уникального жизненного опыта жителей, спецификой восприятия событий различными поколениями, существующими видами занятости на локальном рынке труда и т. д. Соотношение понятий «память», «локальность», «место» обосновано в различных теориях, однако проблема заключается в том, что существующие концептуализации оказываются недостаточно продуктивными для анализа истории и актуальной культуры памяти, особенно в тех случаях, когда фокус внимания смещается с великих исторических событий к повседневности небольших поселений с их музеями.

Существующие трактовки множественности памяти сосредоточены прежде всего на разрывах и столкновениях различных видов памяти; о «культурах памяти» говорят в основном применительно к «неудобному прошлому» в национальном или глобальном масштабах. Небольшое поселение предполагает иные конфигурации культур памяти; созданные на «верхних этажах» концептуализации оказываются неудовлетворительными (несомасштабными) для описания специфики культур памяти небольших поселений. Новая музеология с ее акцентом на вернакулярной памяти ближе к масштабу малого города, однако она не ориентирована на проблематику множественности. Подобные несоответствия возвращают нас к необходимости пересмотра понимания локального как слабого отражения общенационального и глобального. Изучение музея как потенциального средоточия множественных культур памяти небольшого города вносит вклад как в концептуализацию локального, так и в современную музеологию.

Сегодня в пространстве небольшого города все музеи тематически пересекаются, но единой музейной политики в рамках города, как правило, не наблюдается. В одном из городов «старой» индустриальности сотрудники Управления культуры заранее предупредили, что у них есть музеи федерального уровня, которые им «не подчиняются». Одним из таких учреждений был

назван дом-музей П. И. Чайковского в городе Алапаевске². Это уникальный музей, прежде всего за счет усилий его создательницы Веры Борисовны Городилиной: «Человек творческий: художник и музыкант. Именно она первой занялась изучением алапаевского периода жизни Петра Ильича. Кроме этого, ей удалось собрать удивительную коллекцию музыкальных инструментов и их миниатюрных копий. Здесь представлены виолончель, скрипка, рояль, флейта, цитра, пианохорд, окарина, фисгармония, музыкальные шкатулки и даже музыкальный графин»³.

Как объясняет специалист музея, к ним приезжают из самых разных городов, но местных жителей в музее не видно: нужно потратить немалое количество денег на билет, да и не будешь ходить в один и тот же музей каждый день. Тем не менее здание музея хорошо известно жителям города, вокруг музея разбит сад, стоит памятник Петру Ильичу. Это место, где фотографируются новобрачные. Сам музей находится рядом со Свято-Троицким собором и памятником Елизавете Федоровне Романовой, погибшей вместе с другими представителями императорской семьи в 1918 г. Музей Чайковского, памятник Елизавете Федоровне, Свято-Троицкий собор — все это часто встречающиеся фрагменты рисунков участников исследования.

На ментальных картах Алапаевска представлены элементы как советского, так и дореволюционного исторического прошлого. Узкоколейная железная дорога и металлургический завод, созданные до 1917 г. и получившие развитие в советский период, олицетворяют собой оба этих периода, хотя в восприятии современных горожан, особенно молодых, история России уже не делится на до- и после Октябрьской революции, да и сама революция уже не рассматривается как актуальное и значимое событие для наших сегодняшних информантов (см. гл. 3). Это просто места, которые отличают Алапаевск от других городов, делают его в чем-то уникальным (рис. 4.1).

В Соликамске краеведческий музей располагается в семи зданиях — памятниках архитектуры XVII–XIX вв.⁴, включая церкви. Этот город сохранил свой архитектурный храмовый комплекс после революции 1917 г., в него входят Свято-Троицкий собор, Воскресенская церковь, соборная колокольня и Крестовоздвиженский собор. Примыкающая к храмам центральная

---

² В настоящее время музей имени П. И. Чайковского является филиалом Свердловского областного краеведческого музея имени О. Е. Клера. Таким же филиалом является еще один из музеев Алапаевска — Напольная школа.

³ Дом-музей Чайковского в Алапаевске // Наш Урал. URL: <https://nashural.ru/mesta/sverdlovskaya-oblast/dom-muzej-p-i-chajkovskogo-v-alapaevske/> (дата обращения: 05.03.2021).

⁴ См.: Соликамский краеведческий музей. URL: <http://skm.solkam.ru/> (дата обращения: 05.03.2021).

площадь — любимое место прогулок. То, что храмовый комплекс является гордостью города, хорошо заметно на ментальных картах (рис. 4.2).

На одной из карт (рис. 4.3) рядом с храмом и другими символами города одиннадцатиклассница изобразила пенитенциарное учреждение «Белый лебедь» (с которым часто ассоциируют Соликамск за его пределами, а сами горожане называют очень редко). В целом ментальные карты Соликамска, при том, что на них бывают отмечены и серьезные проблемы: наличие провалов, загазованности и проч., демонстрируют по большей части позитивное отношение их авторов к своему городу. В Верхней Салде, в старой части города, тоже есть красивая церковь, восстановленная на прежнем месте, но нарисовали ее единицы (среди школьников только три человека). На большинстве рисунков доминирует завод. Возможно, это связано с тем, как подается история города. Так, например, в Серове, где работают два крупных предприятия, мы наблюдали иную ситуацию: довольно часто рисуют новую церковь на Преображенской площади, а к останкам старого храма нас приводил практически каждый участник мобильного интервью.

Рис. 4.1. Музей Чайковского, музеи АУЖД, Напольная школа на ментальных картах Алапаевска

Рис. 4.2. Храмы на ментальных картах Соликамска

В 1970 г. Соликамск был включен в список исторических городов, в котором насчитывается 67 памятников истории культуры, 26 архитектурных памятников (из них 23 — федерального значения). В 1994 г. в Соликамске основан Мемориальный ботанический сад Григория Демидова. Ежегодно сад посещают до 8 тыс. гостей. Соликамский краеведческий музей с богатыми коллекциями монет, икон и других экспонатов, по экспертной оценке информанта, становится все более интересен местным жителям, в настоящее время именно они преобладают в структуре аудитории:

Рис. 4.3. «Белый лебедь»
в центре ментальной карты Соликамска

Было время, когда иногородних посетителей было ну до семидесяти процентов. Потом у народа что-то щелкнуло, как я говорю, «эта корова нужна самому», и сегодня меня радует тенденция... [которая] диаметрально поменялась. Примерно процентов семьдесят — это посетитель наш (СлЖ, краеведческий музей).

По возрастному признаку особо выделяется детская аудитория. В этом музее ярко выражена ориентация на детей, она реализуется через проекты «Музей детям», в силу особенностей конфигурации городского пространства в нем выделен подпроект «Музей на колесах»:

Город большой, растянутый, поэтому мы садимся и прям с натуральной, с настоящей экспонатурой выезжаем в детские садики, группы, школы. И вот этот проект «Музей на колесах» тоже очень хорошо срабатывает. Мы поддерживаем интерес вот этой, самой юной аудитории, к нашим экспонатуре и истории края (СлЖ, краеведческий музей).

Для семьи разработан подпроект «Музей выходного дня»:

Каждый отдел музея готовит по графику, который мы составляем в начале года, некое занятие для детей, для семейной аудитории, по воскресеньям. Мы делаем, объявляем, два занятия в воскресенье... все знают семьи, что в это воскресенье, предположим, встречает художественный отдел или там музей природы, или отдел научно-туристический устраивает свое мероприятие, свой праздник. Причем это вот в системе ходят к нам семьи... город небольшой, поэтому како-

го-то воскресного развлечения для детей нет... уже появилась потребность... не просто пошляться по улицам, а вот куда-то зайти, какой-то мастер-класс провести, да еще вместе с папой или с мамой» (СлЖ, краеведческий музей).

Если подробнее остановиться на помещениях Соликамского краеведческого музея, то это богатое, но очень хлопотное хозяйство: хорошо известный в городе Дом воеводы, недавно переданное музею здание казначейства вместо Троицкого собора, отданного церкви, но все требует ремонта.

Музей древнерусского искусства, Богоявленская церковь... это памятник федерального значения, объект культурного наследия Пермского края. Это очень серьезный объект... семнадцатый век. Состояние здания вызывает большие опасения. Реставрация была проведена в 2002–2006 гг. Серьезная, крупная реставрация на деньги частного инвестора, тогда было такое предприятие «Сильвинит». Вот Сильвинит вложил огромными деньгами в реставрацию.

Но прошло уже вот более пятнадцати лет, здание снова в ну сложном состоянии, и очень тяжелое состояние иконостаса. Иконостас нуждается в грандиозном... просто вот реставрации, в том числе там и настенная живопись, и купольная живопись, — много проблем в этом здании. Тем более мы храним иконостас с собранием икон. Очень древних, очень ценных. Древнее, чем само здание, то есть они были принесены в этот иконостас из старых деревянных храмов (СлЖ, краеведческий музей).

В Соликамске краеведческий музей, занимая ряд исторических зданий, фактически представляет собой лицо города. От краеведческого музея отделился Музей истории соли. С 2005 г. на его территории проходит фестиваль кузнечного мастерства «Огни Гефеста». С 2010 г. город позиционирует себя как «Соликамск — соляная столица России».

Музей истории соли в 2008 г. пережил пожар и долгое время не работал. Работники музея отмечают желание людей помочь, поделиться экспонатами:

Вот наше осталось... от бывшего сгоревшего музея, а это то, что нам сейчас люди приносят, то есть мы просто кинули клич. Мы понимаем, что мы сами не осилим поездки, нам просто люди присылают вот все, что могут. Нам даже мужчина прислал... получается, он просто увидел у нас в соцсетях и прислал нам английскую соль начала XIX, конец XIX века, из Рязани, по-моему... Женщина из Уфы написала, что я, говорит, хочу вам передать коллекцию солонок, безвозмездно, то бишь даром. Мы и поехали за ней (СлЖ, музей истории соли).

В Соликамске музей истории соли ведет очень активную работу с представителями самого разного возраста, реконструированы почти все помещения, в которых осуществлялось производство соли (бывший Усть-Боровский солеваренный завод).

Это объект, который действительно в свое время когда-то работал, и здесь кипела жизнь, здесь кипела работа, здесь кипели страсти, эмоции. Это объект, пропитанный историей и солью, потому что, несмотря на то, что, например, у нас рассолоподъемная башня была отреставрирована, но бревнышкам раскатана, собрана вновь и где-то на 70 процентов это новые бревна, когда туда заходишь, пахнет солью, рассолом (СлЖ, музей истории соли).

Для детей организованы специальные игры-квесты, взрослым представлен ряд уникальных экспонатов, например, виды самой дорогой соли или солонки в самых разных вариантах (рис. 4.4).

Сотрудники увлеченно рассказывают о направлениях развития, многообразных активностях:

Мы пытаемся разнообразить различными элементами, в том числе и играми... <...> Костюмированные какие-то вещи... у нас сохранились огромные вот эти вот масштабы, да здания, завод (СлЖ, музей истории соли).

Попробуйте ухватом там горшок поднять, вот пытаются, стараются... (СлЖ, музей истории соли).

И сейчас мы вот это оборудование заказали, т. е. эти вот скребки можно попробовать, с каким грохотом, с каким же это все скрежетом делалось, какой это вес. Лопаты, т. е. соль, когда вываливалась, подгребалась гребками и лопата-

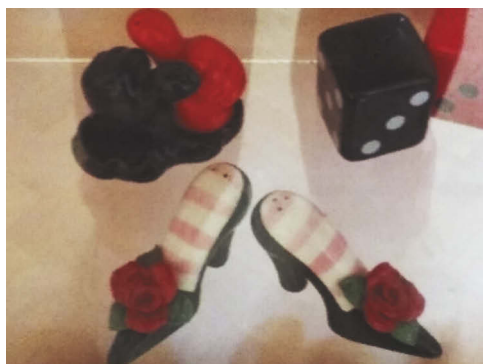

Рис. 4.4. Экспонаты музея соли, г. Соликамск

ми забрасывалась на полати вот и затем здесь, на полатях, она засушивалась, разбивалась; то есть это определенный сленг, потому что, например, грабли, да, там лопаты, «Варя» называлась, например, выварка соли, мешкодеры, солёнысы, унимальщики, водоливы... тьма этих профессий (СлЖ, музей истории соли).

Основные посетители соликамского музея соли — туристы и школьные группы. В то же время праздники и фестивали привлекают как раз местных жителей:

30 % — это организованные туристы группами, 30 % — это ну вот как раз школьные детские группы, которые ну программные, ну вот, может, 10 % — это вот как раз какие-то местные жители (СлЖ, музей истории соли).

Фестиваль «Огни Гефеста» тоже не случаен, как объясняют работники музея: «на каждом Солязаводе была кузница». Фестиваль имеет свою историю и свои традиции, как подчеркивают работники, он совсем не похож на другие аналогичные фестивали:

У нас Александр Иванович Малышев, который корифей такой, он как раз работал на Бумкомбинате, именно там была создана артель кузнецов и вот пошла идея создания фестиваля. Это было вот 15 лет назад условно (СлЖ, музей истории соли).

Если, например, в той же Перми и других городах это такие небольшие фестивали только кузнецов, мы каждый год наполняем определенной тематикой, концепцией. И люди ходят по фестивальным картам, выполняют задания, смотрят кузнецов и программы на сцене, и у нас каждый год другая тема, то есть у нас в свое время было, даже вот площадки называются «Театр книга». «Театр в книге», «Театральный лабиринт», ну то есть все тематика театра. И кузнецы участвуют в двух конкурсах. Первый конкурс — это привозят свою домашнюю работу, на их взгляд, самый лучший; а второе, они куют сразу на фестивале по нами заданной тематике, то есть в этом году это вешалка. Театр начинается с вешалки, обычная фраза, а мы, как учреждение культуры, тоже говорим о приеме посетителей, о входе, о улыбке и так далее. То есть вот они нынче будут ковать у нас вешалку.

Некоторые [посетители], мы начинаем спрашивать, в час пришли и до девяти и ходят, потому что торговые, ну как обычно, торговые ряды, где и точки питания есть, и тут туалеты есть, ну все (СлЖ, музей истории соли).

Работники музея соли полны энтузиазма в восстановлении старых заводских традиций. Сам формат музея, то, что он размещается на территории

со старыми постройками, сохраняет атмосферу своего времени, подталкивает к разработке особых форм занятий, и не только для детей:

Раньше, в тридцатые годы, на Сользаводе был Клуб солеваров. Сохранилось его здание, вот они ставили, получается, спектакли ну там был бильярд, клуб, ну вот можно было прийти там поиграть либо вот спектакль посмотреть. И мы решили, проект написали, воссоздать как бы эту традицию, т. е. у нас три направления, у нас выступают местные наши певцы, была презентация книги «Туристские легенды» в рамках тоже этого направления, называется «Сольник», то есть название тоже связано с солью.

Потом, получается, одно направление — «Разносолы», то есть это декоративно-прикладное искусство, мы в основном народную куклу, вот уже три куклы получается было... и пояс будем ткать до двадцать седьмого. И третье-то, это «Солянка», это театральное направление, то есть вот именно возродить это, то есть возродить «Клуб солеваров» (СлЖ, музей истории соли).

На примере деятельности краеведческого музея и музея истории соли города Соликамска мы хотели показать возможности музейной деятельности в рамках города.

Как писал в 1920-е гг. Федор Иванович Шмит, краеведческий музей — это один из самых трудных и сложных типов музеев, который находится в центре музееведческого и общественного внимания. Сложен он потому, что является комплексным, соединяет в себе признаки двух или более профилей. Кроме того, по мнению Ф. И. Шмита, «краеведческие музеи не могут быть признаны ни типичными научными музеями, ни учебными, ни публичными... они должны быть и центрами активного всестороннего изучения “местного края”, и служить учебным целям, и втягивать широкие круги не-специалистов в общую работу одновременно» (цит. по: [Белихова]). Благодаря музейной деятельности происходит интеграция памяти разных масштабов; прошлое города, страны и мира объединяется в единое целое (рис. 4.5).

Уральские города обладают разным историческим наследием. Для многих из них все начинается со строительства завода, только время разное — от петровских времен и до середины XX в. История уральского города традиционно предстает в виде истории завода (заводов), цепочки индустриальных событий: когда начал работать завод, какое предприятие было сюда эвакуировано в годы Великой Отечественной войны. Это факты истории города и региона.

История семьи, история города и история завода — они достаточно тесно сплетены. Современный человек, в каких бы современных условиях он ни жил, он

Рис. 4.5. Музей как узел памяти

остается уральским человеком, производной маленького города, а не крупного мегаполиса, да. И поэтому вот он такая данность, какая есть. Я не думаю, что вам кто-то сказал, что можно сейчас отделить город от завода, на улице. Это в нашем понимании на сегодня невозможно. И на уровне понимания, и на уровне сознания, ну и на уровне экономики тоже (музей ВСМПО-АВИСМА, Верхняя Салда).

Мы зафиксировали разное отношение в городах к собственному историческому наследию. С одной стороны, это основа локальной идентичности и огромный потенциал для развития туризма, с другой — большие расходы на содержание исторической части. В городе Соликамске это значительная часть города, храмовый комплекс, краеведческий музей, расположенный в тех же самых церквях и старинных домах. Все это дополняется музеем истории соли и Ботаническим садом, а также целым рядом корпоративных и школьных музеев. Представитель администрации города рисует на ментальной карте местные церкви, при этом подчеркивая их ценность в историческом ключе (рис. 4.6)

Описывая преимущества города, сотрудник начинает именно с данного наследия, которое рассматривает как потенциал для туристического развития территории:

Преимущество первое, конечно, наш возраст. Потому что у нас, то, что у нас сохранилось, и то, что мы стараемся выбить деньги, чтобы привести, конечно, в нормальное состояние, есть, что посмотреть (СлЖ46).

Рис. 4.6. Церкви на ментальной карте Соликамска (СлЖ46)

Тематика городской истории хорошо работает и в ситуации Алапаевска, где, как и в Соликамске, вместо одного городского музея существует целая сеть, и каждый узелок охватывает тот или иной аспект жизни города. В одной из школ города каждая вторая участница нарисовала либо памятник Елизавете Федоровне, либо Напольную школу, либо Свято-Троицкий храм. Есть, конечно, и проблемы. Так, в Алапаевске не работает краеведческий музей, который размещался в доме Софонова⁵. Старый дом нуждается в реконструкции, музей закрыли еще в 2009 г.

Историческая часть поселения не всегда рассматривается как приоритетная, значимая. Иной тип отношения к историческому наследию представляет Верхняя Салда. Один из участников нашего исследования, мужчина-водитель средних лет, во время поездки с сожалением отметил, что старой частью города в Верхней Салде никто не занимается. Яркие пятна ландшафта этой части города — гостиница «Заводская» и красивый храм. Все остальные здания, почти весь первый каменный квартал, находятся в очень запущенном состоянии. Корпорация ВСМПО-АВИСМА заботится о территории, которая ближе к заводу. Так, отремонтирован и хорошо зонирован парк имени Гагарина. Старая часть, на территории которой до сих пор находятся остатки Верхне-Салдинского металлургического завода, пока остается в запущенном состоянии, хотя в 2021 г. ее обещают выставить на продажу. Салдинцы гордятся горнолыжным комплексом на горе Мельничная, они хотели бы, чтобы

⁵ См.: Ощепкова А. Что стало с краеведческим музеем Алапаевска // Алапаевская искра. 2017. № 40. 5 октября. Источник : сайт «Край родной, земля Урала. Осколки истории». URL: https://oskolki.moy.su/blog/chto_stalo_s_kraevedcheskim_muzeem_alapaevska/2017-11-23-813 (дата обращения: 27.09.2021).

территория городского пруда (где находятся останки старого завода) тоже была благоустроена и стала зоной отдыха.

Отношение к собственному прошлому, к истории своего города формируется разными способами. Историческая часть города, хорошее состояние старинных зданий или забота об их сохранении составляют важную часть локальной идентичности, развивают позитивное отношение к городу в целом. Одной музейной деятельности может быть недостаточно, хотя в краеведческом музее Верхней Салды возлагают большие надежды на молодых родителей:

Мы приходим прямо в школу, прямо в детский сад с нашими экспонатами, если, например, холодно, морозы. ... И мы очень рады, что молодые родители сейчас уже считают, что ребенка нужно не только развлекать, но и образовывать. И они к нам приходят, и на пешеходные экскурсии. Кстати, вот одна из самых любимых, вот эта — по храмам. Очень любят они эту экскурсию.

Они приходят к нам на экскурсии по городу. Обзорная у нас есть автобусная, прекрасная экскурсия. Они очень это любят мероприятие. С Мельничной горы только их трудно загнать, там хорошо очень. Вот. Очень красиво там сфотографироваться.

И конечно же, это, как говорится, даже не вопрос, они у нас всегда посещают все, что связано с нашими новыми экспозициями, потому что они у нас довольно часто меняются. Тем очень много планируется интересных. Многие из ребят участвуют в Грумовских чтениях, в научно-практических конференциях, мы им помогаем по краеведению. Сейчас это, скажем, очень востребованная тема даже во многих университетах, а особенно по родословным, очень многие любят выяснять (ВСЖ, краеведческий музей).

Сам музей размещен в красивом, с колоннами, здании бывшего заводоуправления, был закрыт на ремонт, когда мы приехали в Верхнюю Салду. Здание находится близ территории, где когда-то располагался Верхнесалдинский металлургический завод Никиты Демидова.

Пока же работники краеведческого музея в основном ориентируются на школьников, с 1 сентября начинается горячая пора:

Ну в основном это все, конечно, начинается с началом учебного года, когда и дети, и взрослые — все активизируются, возвращаются из отпусков. И практически вот сначала нам расписывают все наши музейные уроки, с выходами в школы. И к нам тоже очень много желающих.

И.: А как люди узнают, что проводится такая-то, например пешеходная, экскурсия?

Р.: А у нас есть такая абонементная система. Вот работа с детьми, со школами. <...> Где-то в конце августа мы начинаем активно выходить на совещания школьные... у нас есть музейный календарь учителя, даже воспитателя детского сада, где подробно расписаны, у нас очень хорошо работает дизайнер. Там подробно все расписано, очень грамотно, чтобы наглядно это было видно, какие мы предлагаем мероприятия (ВСЖ, краеведческий музей).

А осенью к школьникам добавляются пенсионеры:

День пожилого человека, мы весь сентябрь бесплатно их обслуживаем, и они у нас очень любят и автобусные экскурсии, и наши, и по храмам они любят очень мероприятия. И очень любят наши мероприятия с мастер-классами.

Сотрудники рассказывают о музейном сайте, сотрудничестве с местными СМИ:

Накануне открытия выставки мы кого-то приглашаем, снимаем телерепортаж, и не один, бывает. И по телевидению сразу. Кроме того, все наши музейные опять же вот эти афиши отдельно мы во все организации сразу же, накануне открытия, распространяем. Какие-то, например, вот постоянные наши, обзорные например, экскурсии автобусные, мы регулярно обновляем анонсы (ВСЖ, краеведческий музей).

Самыми активными потребителями краеведческих музеев являются школьники, посещения таких музеев встроены в образовательную программу. На групповых дискуссиях и в интервью мы задавали молодым людям вопрос об их опыте взаимодействия с музеями. Наша гипотеза изначально состояла в том, что в городах так называемой «старой» индустриальности больше музеефицированного наследия, больше самих музеев как таковых. И эта гипотеза имеет свои основания. Так, в Заречном решение об открытии городского краеведческого музея было подписано всего лишь 29 декабря 2000 г. А на градообразующем предприятии, Белоярской атомной станции, музея нет вообще. Таким образом, сам музейный стаж города относительно небольшой, и, вероятно, вопрос о посещении музеев трансформируется по факту в вопрос о мобильности, связанной с культурным потреблением, в том числе посещением музеев. В нашем случае это развитие музейной и, шире, меморативной культуры и поддерживающих ее коммеморативных практик, которые носят не только общий характер, но и привязаны к конкретному месту.

В индивидуальном интервью одиннадцатиклассница из Златоуста упомянула краеведческий музей без побуждения со стороны исследователя, в контексте рассказа о потенциале города для туристов, и рассмеялась в ответ на вопрос о том, бывала ли она сама в этом музее. Конечно, да. Ольга поясняет, что в краеведческом музее «*организуются экскурсии для школьников, для дошкольников. ...Поэтому мы там бывали и не раз*». На провокационное замечание интервьюера, не для галочки ли это, девушка уверенно отвечает:

Нет, это интересно, там выставки, посвященные нашему городу, его истории, природе. Ну и вообще там много разных тематических выставок организуется вот для привлечения как раз-таки школьников, для изучения своего города, чтобы они что-то знали о нем (ЗлЖ17).

Высказывание Ольги нужно воспринимать с учетом ее активной жизненной позиции (о чем свидетельствует и тот факт, что она откликнулась на опен-калл в социальных сетях — на призыв принять участие в исследовании), тем не менее описанная ею практика организованного посещения музеев вполне типична, о ней рассказывают во всех территориях исследования.

По результатам анкетирования в городах «старой» индустриальности молодые люди несколько чаще посещают музеи и подхватывают в них интересные истории, чем в городах индустриальности «новой» (рис. 4.7).

При этом почти половина опрошенных школьников считает, что музеи интересны для представителей всех поколений, что, с одной стороны, звучит отголоском существующего штампа (коллективного представления из категории долженствования) о демократичности и разносторонности

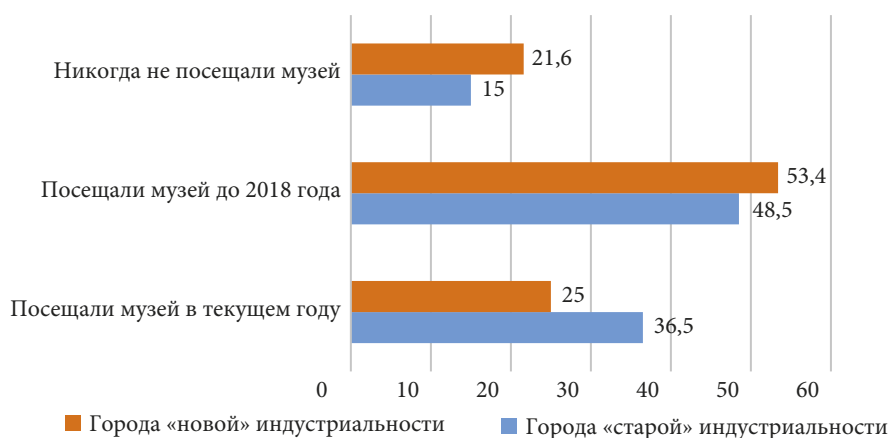

Рис. 4.7. Опыт посещения музеев, % от числа опрошенных школьников

музеев и пресловутой обязанности «читать и помнить». С другой стороны, популярность этого варианта ответа свидетельствует о том, что молодые люди «не считают» какой-либо специальной ориентации музейного продукта в зависимости от возраста, хотя, возможно, ответ «для представителей всех поколений» означает, что в музее, как в супермаркете, есть свое предложение для всех сегментов аудитории.

Оценки взрослых информантов свидетельствуют в целом об относительно низкой востребованности музеев в городах и «новой», и «старой» индустриальности:

Единственное, что пока у нас такой провал, это старшие школьники и студенты... у нас краеведением активно занимаются начальная школа и максимум это вот пятый, может быть, шестой класс. Остальные все либо вот они такой дружный класс, что они приедут, например, на соленый тимбилдинг, то есть они попутно что-то узнают и попутно как бы ну вот в игры на сплочение поиграют, либо они приедут, например, студентами на практику, но редко (СлЖ, музей истории соли).

Треть опрошенных считают, что современные музеи (само по себе звучит как оксюморон, по мнению школьников и студентов колледжей из городов исследования) представляют интерес для людей старших поколений, и только примерно каждый десятый считает, что музеи интересны для детей и молодежи (рис. 4.8).

Таким образом, относительно низкая популярность музеев среди молодых людей не выглядит чем-то удивительным.

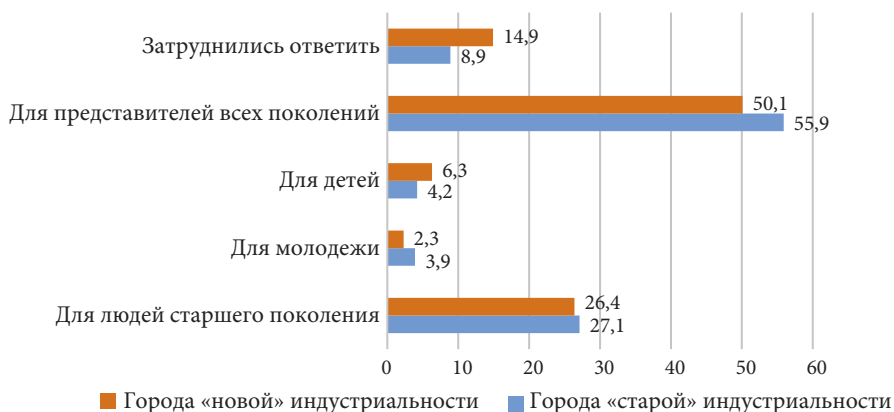

Рис. 4.8. Для кого интересны музеи в первую очередь, % от числа опрошенных школьников и студентов колледжей и техникумов

В целом распределение ответов на вопросы, связанные с музейными аспектами коммеморативных практик, показывает относительно невысокий интерес молодых людей к институализированному (т. е. целенаправленно созданному и «упакованному» для учащейся молодежи) городскому наследию. Город с его историей, рассказанной и показанной в музеях, судя по всему, не образует уникального субстрата социальной памяти для представителей молодого поколения. Как мы уже писали выше, красивая церковь Верхней Салды почти отсутствует на ментальных картах школьников, ее нарисовали только единицы (рис. 4.9).

Рис. 4.9. Храм во имя святого апостола и евангелиста
Иоанна Богослова на ментальной карте
ученицы 11 класса Верхней Салды

Завод ВСМПО присутствует почти на всех картах, но этот образ скорее негативного плана. Сюжет висельника на рис. 4.10 явно показывает, что, по мнению автора, перспектив для жизни в этом городе нет.

Наполнение нарратива городской истории рассказами, сюжетными линиями, событийными рядами осуществляется различными мнемоническими акторами; музеи тут соседствуют с семьей, учебными заведениями, библиотекой, кругом друзей и проч. По мнению наших респондентов, самый популярный источник «интересных историй о городе» — семья (рис. 4.11).

Семья, школа, колледж являются для молодых людей самым важным источником рассказов о городе. Вес музеев и библиотек колеблется в пределах 10–20 %, но в городах «старой» индустриальности он заметно выше, чем в городах «новой» индустриальности. Обращают на себя внимание невысокие показатели традиционных СМИ — телевидения, радио и газет для городов того и другого типа. У интернет-СМИ они вдвое выше, но тоже невелики.

Таким образом, вес медийных источников наполнения нарратива городской истории в оценках молодого поколения не особенно велик. Все это в определенной степени переворачивает наши представления о том, что медиа стали играть сокрушительную роль в процессе конструирования социальной памяти. Судя по всему, речь идет о том, что в масштабах небольших индустриальных городов такая схема анализа социальных систем не слишком-то работает. Можно предположить, что небольшие города выступают анклавами семейной и отчасти канонической «официальной» социальной памяти

Рис. 4.10. Завод на ментальной карте ученика 11 класса Верхней Салды

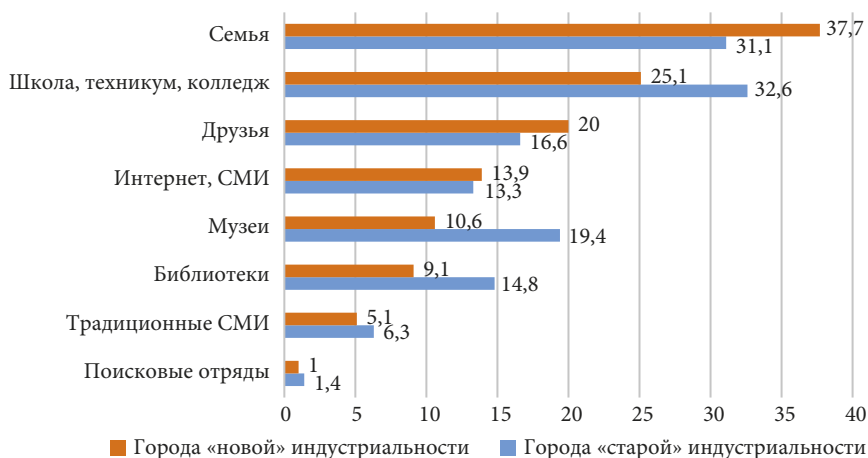

Рис. 4.11. Источники интересных историй о городе в представлении школьников и студентов колледжей и техникумов, % от числа опрошенных

молодого поколения, но для проверки этой гипотезы необходимо сравнение с данными по поселениям других типов — неиндустриальными, большими.

Музеи часто рассматривают как хранилища традиций и различного рода наследия, отвечающего за своеобразие города, идентичность горожан и городского сообщества. Имеет значение их включенность в городской ландшафт; размещение в старых (исторических) зданиях придает колорит, но увеличивает объем средств, необходимых для сохранения таких объектов. По отношению к молодому поколению музеи далеко не всегда выполняют свою функцию, причин несколько. Во-первых, музеи не всегда могут предложить приемлемые виды активности для подростков и молодежи; получается, что в краеведческую деятельность вовлекаются гораздо чаще малыши детсадовского и младшего школьного возраста. Во-вторых, следование принятым канонам (уже во многом устаревшим) приводит к процессу мемориального «пережевывания» одного и того же, что молодые люди встречают в своих музеях.

4.3. Музеи образовательных организаций: между экспонированием и интерактивностью⁶

Распространение музеев образовательных организаций (М. Юхневич называет их образовательными музеями [Юхневич 2007]) связано с начавшейся в XIX в. общей демократизацией музеев, с одной стороны, и образования — с другой. Помимо возникавших тогда народных музеев еще один близкий тип, с которым иногда соотносят музеи образовательных организаций (далее — ОО) [Макеева], это детские музеи. В 1920-е их активно продвигал в теории и на практике архитектор и педагог Александр Устинович Зеленко. Попытка воплотить его идеи предпринята в Самаре, где открыт музей для детей «Зелёнка» [Зеленко 1925, 1927; Музей для детей...].

О школьных музеях в нашей стране активно заговорили в начале XX в. [Царицынский школьный музей...; Хитков] (см. обзор: [Юхневич 2001, 99–100]). В советские 1920-е они участвовали в экспериментах школьной системы, в 1930-е, когда в одном только 1932/33 учебном году Наркомпрос РСФСР предписывал единовременную организацию 500 школьно-политехнических музеев [Молодчикова, 10], пережили эпоху политехнизации образования. Характерная для рубежа XIX–XX вв. ориентация таких музеев на непривилеги-

---

⁶ В начальной части данного параграфа использованы материалы, ранее представленные в сб.: [Веселкова 20206].

рованные аудитории — рабочих, детей, со ставкой на их активную творческую роль, не только на рациональное, но и на аффективное восприятие — все это делает ранний опыт весьма актуальным сегодня в связи с тенденциями деколонизации и аффективного поворота в деятельности музеев и ее изучении.

В 1950-е музеи ОО (в первую очередь школьные) приобретают массовый характер. Новый толчок и одновременно унифицирующее воздействие оказывают Положения о школьном музее 1974 и 1985 гг. [Юхневич 2001; Леонов]. В итоге по состоянию на 1980-е гг. специалисты говорят о сформированной в нашей стране обширной сети школьных музеев, «которые в количественном отношении стали преобладать над всеми другими группами музеев» [Пугач, 180]. И хотя часть из созданных тогда музеев ОО закрылась, в изучаемых городах мы сталкивались только с упоминаниями экспертов о них, все же немало таких музеев сохранилось, а где-то создаются заново.

Музей ОО находится в довольно выигрышном положении, поскольку его основные посетители и работники постоянно находятся поблизости, в том же здании, в то же время его возможности сильно ограничены как спецификой экспонатов, так и самого пространства для организации каких-либо видов деятельности. Школьная форма, пионерский галстук, чернильница-непроливайка, письмо с фронта, солдатская пилотка и модели танков военного времени — типичный набор музея ОО (рис. 4.12). Все эти экспонаты или большинство из них являются частью советского прошлого выступающего основой не только возникновения, но и существования таких музеев.

В музее Алапаевского профессионально-педагогического колледжа можно видеть чертежи здания, построенного в конце XIX в. специально для учебного заведения, тогда низшего ремесленного училища, фото первых выпускников 1911 г. В некоторых школьных музеях представлены окаменелости и кости мамонта, демонстрирующие внушительную временную глубину истории края, но большая часть экспозиций, особенно в части истории поселения и/или предприятия, повсеместно посвящена советскому периоду со всеми вытекающими особенностями музеефикации [Тимофеев 2014; Абрамов 2012, 2014, 2019, 2020; Abramov].

Музеи ОО за редким исключением выглядят анклавами советскости, во-первых, в силу того, что создавались по инициативе педагогов советского времени и до сих пор могут существовать благодаря поддержке этих специалистов; во-вторых, значительная часть истории образовательного учреждения приходится на тот период; в-третьих, и направления работы таких музеев тоже в основном сложились в советскую эпоху.

Насколько информация, экспонаты таких музеев могут быть интересны современным школьникам и студентам колледжей и техникумов? Как

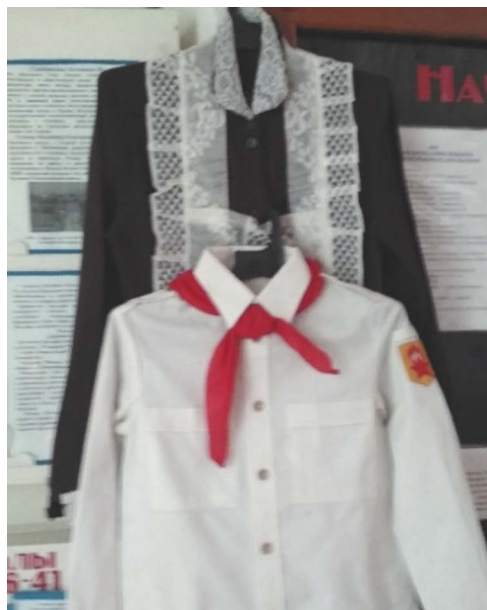

Рис. 4.12. Экспонаты одного из школьных музеев Серова

сегодня выстраивать работу с молодыми людьми, повседневность которых очень сильно отличается от того образа жизни, который вели их сверстники в советское время?

В задачи музеев ОО входит патриотическое воспитание, знакомство с историей образовательного учреждения, участие в других сторонах образовательного процесса, формирование позитивной идентификации. Сопоставление наших данных с текущей литературой показывает, что музеи ОО оперируют стандартным набором тем, красной нитью среди которых проходит Великая Отечественная война (ср.: [Павлова, 451–452]); во многих случаях эта тематика продолжается экспозициями об Афганистане и других военных конфликтах. Другие распространенные сюжеты — история школы, история края и конкретного населенного пункта, а также история предприятия. Так, музей одной из златоустовских школ создавался в 1989 г. как музей истории школы, но также как музей *«Южно-Уральской железной дороги, потому что школа 60 лет была в системе МПС»*.

Мы обнаружили, что для образовательной организации музей до сих пор является гордостью и преимуществом. При этом он может быть закрыт в силу резкого увеличения количества обучающихся, а экспонаты будут храниться в далеко не всегда приспособленных помещениях. Основная проблема музея ОО сегодня — отсутствие специалистов:

Музейным делом у нас человек занимался. Она уже уволилась. ...То есть музей был давно создан. И он у нас практически не обновляется. ...То есть остался на том уровне, когда его создали. Потому что, во-первых, нет в штате у нас архивариуса. ...То есть занимается кто? То преподаватель истории, то, допустим, мне что-то поручат, то еще как-то. То есть конкретного человека нет. И музей, можно сказать, ну, не развивается. А хотелось бы, конечно. Потому что за эти годы много что интересного у нас появилось (В. Салда, преподаватель колледжа).

Музей ОО не только начала XX в., но и наших дней видится специалистам «по преимуществу музеем детского творчества и детского труда» [Леонов, 47], однако реальность далека от подобного визионерства. Описанные ярославскими авторами типичные «болезни»: превращение музея ОО в кладбище артефактов, затухание с уходом руководителя-энтузиаста или использование лишь в представительских целях, для особых гостей и в дни школьных праздников [Страхова, Харитоновна], прослеживается и на уральских реалиях.

Результаты исследования позволяют сформировать следующую типологию музеев ОО, сгруппированных в зависимости от того, какая предметно-тематическая специализация оказывается доминирующей: а) музей ОО краеведческой направленности; б) музей ОО по типу музеев военной доблести; в) музей истории ОО; г) музей — пространство исследовательской деятельности. Рассмотрим выделенные четыре типа подробнее (см. также: [Прямикова]).

Музей ОО краеведческой направленности ориентируется на краеведческий формат, как правило, в масштабах поселения или района. Его экспозиция чаще всего гораздо меньше, чем в городском музее, но потенциально он предоставляет обучающимся хорошие возможности в части самостоятельного сбора материалов о родном крае, их обработки и классификации.

Работники школьных музеев с гордостью рассказывают о редких экспонатах, которые вызывают интерес у школьников:

Патефон, кстати, очень интересный, он год выпуска 1941. И он в рабочем состоянии, у нас есть запасные иголки, мы детям включаем, они слушают патефон (Алапаевск, директор школьного музея).

Руководитель школьного музея в Верхней Салде рассказала целую историю о том, как вместе с детьми 27 лет назад доказывала директору школы, что они могут его создать:

Я как руководитель истории и краеведения... попросила директора школы нам... выделить комнату для музея. Она говорит: «Нет, не могу, потому что стены все перековеркает, а потом бросите, а у нас кабинетов не хватает». ...У меня была лаборантская, мы в кабинет туда складывали, что мне ребята приносили... называли «кунсткамера», делали выставку небольшую и приглашали на экскурсию. Вот проведем, уберем и снова. Потом, когда уже увидели, что это серьезно у нас и всего много, нам тогда наконец разрешили кабинет занять (В. Салда, руководитель школьного музея).

Многие экспонаты из раздела «Урал — край дерева и металла» принесены детьми, в музее есть даже пороховница времен Северной войны Петра Первого.

Музей ОО как музей военной доблести в чем-то похож на краеведческий, но акценты здесь расставлены иначе. Такой музей работает на формирование прежде всего военной формы патриотизма.

Массовое возникновение музеев ОО в позднесоветский период часто связывают с системой патриотического воспитания. В качестве основы таких музеев была и частично остается до сих пор деятельность поисковых отрядов: «В середине 1960-х школьные музеи боевой славы становятся повсеместными витринами локального знания и формами местной коммеморации военного прошлого. Идея не только увидеть и узнать, но и сохранить, показать и рассказать местную военную историю выходит в это время на первый план, определяя формы работы и их главную ценность» [Мельникова 2018, 41].

И на сегодняшний день результаты поисковой деятельности становятся экспонатами школьных музеев, что имеет особое значение для регионов, где не было боевых действий:

У нас выставка посвящена — это то, что мы привозили... с раскопок. Вот, в частности, из Белоруссии, ездили на раскопки, село Копти там есть такое. <...> Занимались перезахоронением останков. Это то, что, вот, мы нашли, то, что можно было с собой взять, чтобы детям показать и рассказать (Алапаевск, директор школьного музея).

Для подростков, участвующих в работе поисковых отрядов, этот опыт дает иммерсивный эффект, рождает ощущение причастности:

Когда они в лагере, областном лагере, узнают про своих земляков, с той территории, откуда бы они, с какого уголка области бы ни приехали. Это ведь тоже великое дело, и они, возвращаясь к этому, сами уже становятся причастными

к этой истории. Кто-то пишет проекты, кто-то пытается... в школьных музеях собрать необходимый материал об этих участниках. И вот так постепенно... малая родина расширяется в пределах вот уже и области (Серов, директор школьного музея).

Традиционно противопоставление (или сопоставление) поисковой деятельности и изучения истории по учебникам:

Чтоб они столкнулись с этим, чтоб они увидели. Когда преподают уроки истории, они, получается, не видят этого. Ну что они просто слышат, но не воспринимают эту информацию. Когда они сами побывали на тех местах, где шли бои, когда они сами доставали останки, подымали или что-то, связанное с войной, там какие-то, ну, всякое-разное встречается, там какие-то гильзы или еще что-то. Ну, вот все это связано с вооружением. Кто чем зацепляется, кто-то начинает интересоваться вооружением Великой Отечественной войны, кто-то начинает интересоваться генералами, кто-то начинает формой. Ну, кто-то начинает общие, как вообще происходило. Ну, у каждого свой интерес появляется к этому (Сатка, руководитель поискового отряда).

В некоторых школах нам жаловались на то, что сегодня становится все сложнее куда-либо вывозить детей. Тем не менее отряды, которые существуют независимо от конкретной школы, при наличии спонсоров имеют больше возможностей для существования и развития.

У нас есть такая программа «Юный поисковик», с которой мы ходим. Мы ходим с уроками мужества по всем школам, учебным заведениям, рассказываем о поиске, вообще о нашей деятельности, и приглашаем всех желающих вступить в наш отряд. Ну вот оттуда как бы у нас и идет пополнение ежегодное. Сейчас уже с этой программой ходит уже наше молодое пополнение, ребята там 16–17 лет (Сатка, руководитель поискового отряда).

Музеи различаются по подходу к размещению экспонатов военного времени. В одном из музеев ОО мы увидели, что на уровне глаз посетителей находятся не традиционные предметы, а фотографии ветеранов. Работник музея объяснила, что, когда приходят подростки, они с удовольствием узнают своих родственников, знакомых. Дети гордятся тем, что знают этих людей. Еще одно из направлений демонстрации заслуг граждан в военное время, особенно актуальных для Уральского региона, это освещение работы госпиталей, которые в военное время часто находились в зданиях старых школ.

Вот тут та часть у нас, это посвящена школе-госпиталю. Директор нашей школы Колтунов Евгений Борисович, который, вот, дольше всех в нашей школе проработал директором, он после. Во время войны был направлен в Салду на лечение в госпиталь. И в Салде остался. И в сорок девятом году он возглавил нашу школу и 28 лет проработал директором школы (Салда, работник школьного музея).

Это у нас люди, которые во время войны проходили лечение в нашем госпитале, и погибшие (Алапаевск, директор школьного музея).

Внимание к трудовой доблести — шаг в направлении к пониманию гражданского (невоенного) патриотизма. Военный патриотизм — это то, о чем постоянно рассказывают в школе, а ведь люди, живущие рядом с нашими школьниками, например, врачи и учителя, которые посвящают свою жизнь заботе о других людях, тоже являются патриотами.

Музей истории ОО — такая формулировка часто присутствует в названии, но далеко не всегда эта тематика является главенствующей. Мы были в таких музеях, где очень четко выделены периоды жизни школы и все действующие лица; их поступки, предметы распределены в зависимости от времени. В одной из верхнесалдинских школ проводится целый Колтуновский фестиваль, посвященный бывшему директору.

Во многих ОО хранятся альбомы с фотографиями выпускников и педагогов, которые их учили. Обычно только самые известные люди заслуживают отдельного, особого упоминания. Есть и другие формы работы памяти, свидетельствующие об успешной деятельности колледжа, техникума или школы, например, Книга почета:

Ввели свою Книгу почета... каждый выпуск я стараюсь к педсовету попросить классных руководителей, опрос провели, чтобы у ребят, кто лучший кадет был за год. Потом педсовет утверждает эту, значит, личность, а я уже потом их данные, вот что они сделали за годы учебы... когда идет посвящение в кадеты... мы сейчас с ребятами готовимся, значит, пятиклассникам, которые вступают в кадеты, мы им рассказываем про Книгу почета, за что можно туда попасть, и рассказываем уже о судьбе, то есть кто кем стал (В. Салда, руководитель школьного музея).

Школьный музей, как хранилище знаний о людях, живших и живущих в городе, может внести серьезный вклад в развитие локальной идентичности. Помимо этого он популяризирует педагогическую деятельность, подчеркивая ее значимость. Наша собеседница рассказывает про то, как их выпускница, сейчас учитель английского в другой школе, с классом приходила к ним на экскурсию:

Естественно ей хочется, она здесь была экскурсоводом у нас в музее, занималась тоже, на НПК участвовала. Пришла с классом, о себе ничего не говорила, а они же все любопытные, шестиклассники, везде. Открыли, когда ее увидели, а потом написали отзывы. И летописи еще посмотрели. <...> И девочка одна пишет: «Больше всего мне понравилось, что в музее школы... есть много про нашу учительницу... (В. Салда, руководитель школьного музея).

Музей как пространство исследовательской деятельности школьников/студентов. Музеи ОО предполагают разнообразные виды активности учащихся, начиная со сбора информации и заканчивая проведением экскурсий, однако участвуют в них немногие, при этом виды деятельности могут быть разделены. Например, в соликамской гимназии десятиклассники входят в Совет музея, они со знанием дела, красиво и эмоционально рассказывают о военном времени, подчеркивая: *«Этот текст мы собирали из архивных материалов нашего города Соликамска»*. В ответ на уточняющие вопросы, однако, начинают путаться, и выясняется, по словам директора, что *«они это [работу в архиве] не знают, конечно, потому что они тогда вообще были в шестом, по-моему, классе»*.

Большинство учащихся оказываются в лучшем случае посетителями музеев ОО.

В ходе анкетирования мы спросили молодых людей о том, есть ли в их школе или колледже, техникуме музей. Примерно половина опрошенных ответили утвердительно на этот вопрос (52,4 %), около трети (37,5 %) сообщили, что музея нет, а оставшиеся не смогли дать точного ответа на этот вопрос (10,1 %). При этом существенных различий между представителями городов «старой» и «новой» индустриальности обнаружено не было.

Само по себе наличие музея ОО является безусловно важной частью меморативного ландшафта городов. Музеи могут выступать актором и генератором коммеморативных практик (центром генерации социальной памяти и формирования памятного канона города, наряду с другими институциональными мнемоническими акторами — библиотеками, архивами и проч.), однако не менее важным является и само участие молодых людей в их деятельности.

Идеи начала XX в. о детском/образовательном музее как месте соединения познания, творчества и развлечения переоткрываются под названием «edutainment» (от англ. *education* (образование) и *entertainment* (развлечение, зрелище, гостеприимство)). Как отмечает И. Я. Мурзина, музей продолжает оставаться хранилищем артефактов, но в то же время создает новое пространство, в котором творческая самореализация мотивирована свободным

выбором форм и видов деятельности. «Современные музеи обеспечивают возможность синтеза образования (как получения новых знаний и овладения новыми видами деятельности) и творчески организованного досуга» [Мурзина, 28].

На сайте музея школы № 17 г. Верхняя Салда можно найти следующую информацию от 10.10.2018:

В начале сентября в школьный музей поступила коллекция значков (79 штук), которую передал музею на временное пользование житель города В. Салда Самсонов Алексей Сергеевич. Юные музейщики (Климцева К. (9А), Долговых Ш. (8А), Власова С. (8А), Мозжегоров А. (7А)) изучили значки, классифицировали их, оформили выставку «Значки как символ эпохи», подготовили презентацию «История значка» (рис. 4.13). На открытие выставки 3 октября 2018 г. были приглашены отдыхающие из Реабилитационного центра для пожилых людей, который находится в нашем городе⁷.

Руководитель музея считает, что тема значков оказалась очень удачной, она заинтересовала детей своей необычностью, значки о различных городах СССР, об Олимпийских играх 1980 г. дают отличную возможность приобщиться к культурному наследию страны, лучше узнать ее географию. К сожалению, мало значков, посвященных городу Салде и заводу ВСМПО, в связи с чем Совет музея обращается к посетителям школьного сайта с просьбой поделиться такими экспонатами для специализированной выставки.

Являясь подразделением ОО, музей закономерным образом нацелен на образовательную деятельность. В нем проводятся уроки по учебному плану и классные часы, различные мероприятия, — порой мы не сразу могли попасть в музей, потому что там

Рис. 4.13. Коллекция значков музея школы в Верхней Салде

⁷ Вести из школьного музея... : сайт школы № 17, г. Верхняя Салда. URL: <https://kadet17.uralschool.ru/site/pub?id=153> (дата обращения: 03.03.2011).

шли занятия. В то же время музеи ОО ощущают себя «частью музейной сети страны», как характеризует себя одно из заведений Алапаевска [Проект «Школьный музей...», 2]. «Сеть» и «страна» указывают на важность причастности к профессиональному музейному делу, включенности в сообщество в общенациональном масштабе, хотя обычно такие музеи действуют в масштабе поселения, максимум — области. Так, в Златоусте и Добрянке нам рассказывали о триумфальном участии в областных конкурсах.

Специалисты отмечают, что выражение «музейная сеть» утвердилось в советский период как категория, подразумевающая централизованную организацию и управление сверху. Альтернативу такому видению несет более позднее понятие — «музейный ландшафт» [Черкаева], на волне постколониального подхода новой музеологии оно переключает внимание на сами музеи, их формирование снизу; более общей категорией служит (местный) культурно-исторический ландшафт. Институциональные «этажи» нас в данном случае не интересуют, но различие логик «сверху вниз» и «снизу вверх» существенно для понимания того, как выстраиваются экспозиции и экскурсии, какие масштабы задействуются и как они соотносятся.

«Музей проживания исторического события», практикуемый школой города Алапаевска, способствует решению нескольких задач: экономии площадей («мобильный, разборный» — по существу, временная экспозиция) и вовлеченности детей. Как рассказала завуч, сначала приуроченная к памятной дате тема (Уральский добровольческий танковый корпус, блокада Ленинграда) изучается с детьми, потом между классами распределяют тематические блоки. Искали вещи того времени, но главное *«старались как можно больше экспонатов сделать своими руками»*. Именно это, по мнению педагогов, обеспечивает особый эффект: школьники *«не просто знакомятся... с событиями, фактами, предметами, они стараются прожить это все, прожить. ...Например, экспозиция у нас была "Питание жителей Ленинграда". Они выпекали по рецепту блокадный хлеб, находили этот рецепт, выпекали... столовая им помогала наша»*. Музыка и видео, сопереживание со стороны приглашенных ветеранов помогли создать эмоциональный фон. Впечатляющая когнитивная и аффективная вовлеченность в подобных мероприятиях обеспечивает скорее облегченную, нежели углубленную и критическую работу памяти с воспроизводством гранд-нарратива.

Среди нефизических элементов меморативного ландшафта (в терминологии Стефана Ханна и Фэрис Ходдер [Hanna, Hodder]) особую роль играют исследовательские и поисковые группы и отряды, крупномасштабные акции и проекты. Мы уже останавливались на них в гл. 2, теперь обратимся к проявлениям в жизни музеев образовательных организаций. В школе № 8 алапа-

евского пос. Западный гордятся тем, что «Бессмертный полк» в Алапаевске зарождался при содействии музея их школы. Портреты земляков, у которых *«родственников нет, держим память здесь... Остальные разбирают домой... И мы даже просим, советуем, что это ваша память, пожалуйста, храните»*.

Характеристика меморативного ландшафта по критерию открытости/скрытости (видимости/невидимости) дает еще одну необходимую настройку исследовательской оптики. Дело в том, что музеи ОО обладают довольно высокой степенью скрытости, невидимости, они «спрятаны» внутри учебных заведений, и ничто не возвещает о их наличии при входе, где к тому же действует пропускной режим. Внутри школы или колледжа, техникума музей тоже зачастую никак не анонсируется, и, если не знать, где именно он находится, то можно его и не найти. Обычно это классная комната и/или помещение меньшего размера, запираемое на ключ, как и все прочие кабинеты, и только в некоторых случаях снабженное вывеской (рис. 4.14).

При этом открытость является ценностью, о чем свидетельствует настойчивость, с которой в одной из школ Златоуста нам внушали: *«У нас... все время двери открыты. Время есть — [ученики] зашли, посидели, посмотрели. Мы музей не закрываем»* (зарешеченная перегородка

и дверь, отделяющие расположенный в рекреации музей от коридора, говорили скорее об обратном). В Зале боевой и трудовой славы соликамской гимназии, созданном в 2015 г., реализована значительно бóльшая степень открытости: тупиковый участок коридора отгорожен только раздвижными шторами (рис. 4.15). На них нанесена увеличенная старая фотография улицы Победы, на которой находится гимназия, призванная создать ощущение

Рис. 4.14. Скромная вывеска музея ОО

как будто в музее ходим по этой улице... будто бы вот люди слушают сообщение о победе, вот и сюда же приделали тарелку (Соликамск, директор гимназии).

Шторы являются частью экспозиции, состоящей из печатных планшетов на стенах и застекленных витрин. Обычно в музее ОО (и здесь тоже, в основном пространстве музея) экспонаты можно трогать, но в этом зале-коридоре их запертость в витринах стала платой за открытость экспозиции.

Рис. 4.15. Раздвижные шторы как элемент экспозиции и компромиссное решение открытости/закрытости в Музее истории гимназии в Соликамске

Средством повышения видимости музея ОО можно было бы считать выход в интернет-пространство, т. е. расширение арсенала нефизических элементов ландшафта, но, как и в физическом пространстве, на сайте ОО музеев зачастую теряется, информация подается скупой и редко обновляется, хотя есть и значимые исключения (подробнее см.: [Веселкова 2020б]). Помимо собственных сайтов музеев ОО начинают заявлять о себе в современных медиа, размещая, например, на Ютубе свои ролики-презентации⁸.

В меморативный ландшафт учебного заведения могут вовлекаться не только коридоры, но и лестничные пролеты, рекреации, входная группа, иногда на территории ОО или поблизости есть некий монумент. Как и внутри музеев, здесь доминирует военная тема, все больше школ и техникумов, колледжей размещают на фасаде мемориальные таблички о погибших в Афганистане и Чечне выпускниках, посвященные им памятные знаки могут располагаться и внутри здания, как в школе Серова, где по ключевым датам выставляют почетный караул и т. п. Развитие подобных практик является проявлением более общей тенденции милитаризации городского меморативного ландшафта. В коридорах и холлах многих образовательных учреждений размещены галереи персоналий: герои войны, известные выпускники,

⁸ См.: Музей школы № 8 город Алапаевск (реж. Т. А. Пантюхина) 08.10.2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ViaE6KJpx74>; Музеи школ 8, 15, 17, 90, 45 в Златоусте (Юлия Оллыкайнен). [Б. д.]. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCaG9mvKvoxb-pBvF29XPoQA>; Музей школы № 17 [Верхняя Салда, б. д.]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8IX4BWzuSCU> (дата обращения: 09.07.2020); и др.

сотрудники. Эти пространства не запираются на ключ и доступны всем находящимся внутри здания, их видимости может препятствовать только плохая освещенность.

Специалисты в области музейной педагогики считают, что самая хорошая перспектива для таких музеев — развитие исследовательской деятельности обучающихся:

Школьный музей... по существу универсальный общественный институт, сочетающий в себе признаки и функции исследовательского учреждения, общественного объединения, детского клуба по интересам, творческой мастерской, обладает поистине неограниченным потенциалом педагогического воздействия в осуществлении нравственного, патриотического, гражданского воспитания [Пугач, 181].

В примерном Положении о музее образовательного учреждения (школьном музее) 2003 г. были выделены его основные функции:

- документирование истории, культуры и природы родного края, России путем выявления, сбора, изучения и хранения музейных предметов;
- осуществление музейными средствами деятельности по воспитанию, обучению, развитию, социализации обучающихся;
- организация культурно-просветительной, методической, информационной и иной деятельности, разрешенной законом;
- развитие детского самоуправления⁹.

В Письме Министерства образования от 2003 г. совершенно очевидна установка на организацию разнообразной активности самих детей. Согласно полученным нами данным только около 5 % школьников участвуют в деятельности музея ОО. Мы можем обнаружить традиционное стремление педагогов жестко руководить действиями детей, следить за тем, чтобы все было на уровне, чтобы можно было показывать такую работу, предъявить результат руководителям администрации и другим значимым посетителям.

Хороший пример представляет траектория жизнедеятельности одного из школьных музеев города Верхней Пышмы (город не входит в выборку, но сюжет обладает безусловной релевантностью для нашей темы). В свое время этот музей был создан, как и во многих других советских школах, после того, как система поменялась, был фактически закрыт, часть экспонатов выбросили.

---

⁹ См.: Приложение к Письму Министерства образования от 12 марта 2003 года № 28-51-181/16.

Музей здесь существовал. Существовал он с таким перерывом вот, то есть до девяностых, до примерно там двухтысячных, потом был перерыв несколько лет, лет восемь-десять, наверное, все очень многие экспонаты были просто утилизированы, потому что пропала вот эта вот надобность в школьных музеях. Ну как мне объясняли руководители до меня и завуч по воспитательной работе... То есть у страны пропал интерес к школьным музеям, ну и сказали: убирайте все. Это не нужно. Это все хлам.

Они начали все выбрасывать. Все экспонаты выбрасывать, что-то там сохраняли и так далее и тому подобное. И вот потом с две тысячи десятого, где-то двенадцатого года началась популяризация школьных музеев, все это начало возрождаться, и поэтому в школе решено было сделать опять школьный музей, и все обратно начали со всех собирать, то есть потихонечку так, по ниточке (Верхняя Пышма, руководитель школьного музея).

В начале 2010-х было принято решение работу музея возобновить, в чем сыграл свою роль новый школьный стандарт, который ориентировал учителей на исследовательскую деятельность. Информантка отмечает, что в школе очень сильные традиции, сюда часто приходят работать бывшие ученики:

Мы отделены от центра города, от центра Пышмы. Мы как бы являемся, мы себя всегда так называем, социокультурным центром вот этого восточного поселка, то есть мы тут и культуру в массы несем, и детей учим и все на свете (Верхняя Пышма, руководитель школьного музея).

Поскольку у нашей собеседницы нет опыта работы в настоящем музее, но есть желание и опыт работы с детьми, она сразу расставляет все точки над i:

Школьный музей он конечно же не обладает такими фондами, как... государственный музей, музей федерального уровня... У нас фонды музея пополняются как раз за счет деятельности родителей, выпускников и учителей. В частности, вот тот же завуч по воспитательной работе, она нам принесла глобус пятьдесят седьмого года, какой-то у нее где-то там хранился (Верхняя Пышма, руководитель школьного музея).

Я за музей взялась, ну для меня было очень странно: почему музей есть, но туда ходят начальные классы, первый, второй, один раз в год, например. И очень часто вот так все проходит: мы его открываем, как знаете такую кладовую какую-то, на открытые мероприятия, а больше мы им и не пользуемся, то есть для меня как для историка и учителя-методиста это было очень странно. Такие экспонаты, такие фонды, а мы их не показываем (Верхняя Пышма, руководитель школьного музея).

Новый школьный музей получил и новое название — «Школьная площадка краеведческой деятельности», и две большие комнаты после реконструкции старого здания. В одной комнате экспозиции, которые, по замыслу руководителя, будут меняться, во второй комнате — коворкинг (как сейчас модно, смеется информант), место, где дети смогут работать вместе или слушать рассказы педагога и приглашенных гостей. При этом использовано новое название — чтобы уйти от ассоциаций со словом «музей», теперь акцент не на экспонатах, а на исследовательской деятельности детей, в ее организации видит свою основную задачу руководитель:

Ну в образовательном кабинете можно и с детьми позаниматься. Можно, есть зона, допустим, для индивидуального проекта, пописать если что-то нужно. Зона так обсуждений. Коворкинга щас так можно говорить. Поэтому музей... мы даже переименовали себя. По документам, по положению, мы теперь не музей. Мы площадка краеведческой деятельности. «Школьная площадка краеведческой деятельности». Потому что музей и ассоциация сразу же да — экспонаты, экспонаты, экспонаты. А мы... Ну нужно уходить. В школьных музеях нет такого количества важных и ценных экспонатов, как в Эрмитаже или Лувре да соответственно. И поэтому акцент нужно делать на работах ребят. То есть как они эту информацию краеведческую добывают (Верхняя Пышма, руководитель школьного музея).

Уйти от сходства с классическим музеем должна помочь и особая мебель. В целом весь замысел нацелен на возможность быстрой перегруппировки, что напоминает концепцию корпоративного музея Группы Магnezит в Сатке (см. 4.4):

Мы даже мебель музейную заказывали по определенному формату. Мы ее так вот прорисовывали. У нас будут стеллажи, то есть они вот где-то уже доделываются, должны быть у нас стеллажи, которые можно переставлять легко и спокойно, у которых можно менять положение, то есть вот мы этот вот кабинет, который у нас музейный, непосредственно выставочный, мы его сформировали как некое подвиж... такое подвижное пространство. Нам там через год, через два поменять захотелось. Иногда в музей же приходишь, все как вот в Эрмитаже ты был так, там все и осталось, да, а тут вот захотелось что-то поменять. Хоп, переставил, поменял тематические зоны и пожалуйста» (Верхняя Пышма, руководитель школьного музея).

Подчеркиваются разнообразные активности школьников:

Обязательно мы делаем что-то руками. Если, например, у нас была выставка по музею, по танковому корпусу полтора тому или два года назад, мы, значит, с ребятами рисовали, ну по итогу собирали танки, изучая определенную информацию, ход исторических событий. И на этих танках в итоге писали некое послание, то есть, ну вы знаете, когда танки делали, писалось на заводах некое послание. И вот мы представляли, что мы эти танки собрали и послание на фронт, вместе с этими танками, отправили. То есть вот какой-то личностный момент мы вкладываем вот в это во все (Верхняя Пышма, руководитель школьного музея).

Хорошие перспективы для развития музеев ОО связаны сегодня с освоением виртуального пространства и формированием так называемой виртуальной музейной педагогики. Ее организационной основой является виртуальный музей или веб-сайт с экспозицией музейных материалов [Пугач]. Мультимедийное оборудование сегодня, по результатам нашего исследования, встречается в краеведческом или корпоративном музее, но практически никогда не присутствует в музее ОО (если там проводят уроки и мероприятия, может использоваться переносной проектор для демонстрации презентаций, этим мультимедиа ограничиваются, — мы не видели в этих помещениях QR-кодов, мультимедийных экранов или интерактивных досок, что, конечно, не означает, что они не могут появиться позднее).

Специалисты выделяют ряд преимуществ для использования в музее мультимедийного оборудования. Можно более широко представить экспонаты музея, при этом в памяти аудитории остается яркий, запоминающийся образ. Цифровые презентации облегчают посетителю ориентацию в музее, могут дополнять основную экспозицию, создавать особую атмосферу каждого зала, а также приносить в экспозицию элементы игры и развлечения, что очень важно для работы с детьми [Лебедев].

Сейчас у нас идет проект... называется «точка на карте», потому что у нас в городе запускается на год одна определенная тематика для музеев школьных... в этом году у нас тематика «Родной Урал». Мы пошли от проекта, который называется «Точка на карте». Чисто случайно как-то на него наткнулась. Это в социальных сетях люди, которые путешествуют где-либо, это не только по Уралу, а вот где-либо они путешествуют, они обозначают некие координаты, в социальных сетях выкладывают фотографии, описывают, где они были, что там интересного, и по хештегу «Точка на карте» можно найти эту информацию.

Мы... сузили нашу географию, и в рамках вот этого проекта мы его назвали «Точка на карте Урал», мы создали интерактивную карту в приложении, Padlet оно называется, там вот интерактивные мапс-карты, которые используются Яндексом, например, или Googl'ом, там прям точку можно оставлять: ребенок оставляет точку, либо присылает нам, если социальных сетей нет... некую информацию, фотографию, где он был, может быть, город посетил, классы до пандемии у нас активно ездили по Уралу на различные экскурсии и так далее, и они оставляют отзывы, они оставляют какую-то информацию. Эта карта, вот мы ее сейчас доделываем, и она будет в открытом доступе на нашем школьном сайте в разделе как раз-таки школьного музея (Верхняя Пышма, руководитель школьного музея).

Возможно, система работы музеев ОО изменится с развитием цифровой образовательной среды. Положение, способствующее началу такой работы в школах, уже принято правительством¹⁰. Цифровая образовательная среда позволит школьникам активно включиться в поисковую работу музеев, будет способствовать созданию виртуальных выставок. Оптимальным представляется сочетание традиционных предметных и виртуальных коллекций, которые будут результатом совместной работы детей и педагогов. Проектная деятельность, значимость которой возросла в условиях перехода на ФГОС и системно-деятельностный подход в обучении, могла бы обеспечить хорошую основу деятельности школьного музея.

Современное музейное дело ориентировано на личностную вовлеченность (создателей и посетителей) через аффективность и интерактивность, в чем помогают не только отказ от табличек «Руками не трогать!» и использование современных технологий, но и ставка на локальную историю. И если с высокотехнологичным оборудованием в музее ОО не просто, то «история местного края», его жителей — это как раз то, на чем они специализируются. Взаимодействие масштабов можно наблюдать в том, как события большой истории одомашниваются и приручаются, будучи показаны и увидены не сверху, а снизу. Музеи ОО делают места историческими, включают историческое воображение, и, наверно, не вина местных музейщиков, что зачастую это происходит по унаследованным от советского периода лекалам. Правда, остается главный вопрос: кто станет тем основным специалистом, замыкающим на себе все усилия и самих обучающихся, и тех, кто их обучает? Ставка специалиста по школьному музею сегодня не предусмотрена, как,

---

¹⁰ См.: Постановление Правительства РФ «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды» от 7 декабря 2020 г. № 2040. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1427115> (дата обращения: 05.03.2021).

впрочем, и сокращение количества уроков для преподавателей литературы, истории и обществознания, которые как раз и смогли бы возглавить эту деятельность.

Музеи образовательных учреждений имеют разные профили, но практически везде присутствует военная тематика, причем не только в унаследованных с прежних времен экспозициях, но и в совершенно новых, интерактивных музеях передовых школ. Героика имеет ярко выраженный военизированный характер. На территории Урала после Гражданской войны боевых действий не велось, однако военная, боевая тематика нередко заслоняет вторую по представленности тему — трудовой славы. В определенном смысле музеи образовательных учреждений представляют собой места встречи поколений выпускников и нынешних школьников или студентов; особенно явным этот феномен становится, когда дети видят своих юных родителей на музейных фотографиях. Таким образом, здесь пересекаются разные масштабы — семейный, городской, национальный.

Несколько реже встречаются портреты выпускников, прославившихся на мирном поприще; возможно, поэтому на групповых дискуссиях молодым людям трудно представить, чем они, их поколение могли бы прославить свой город (таков один из заключительных пунктов обсуждения согласно сценарию). И все же коллекция значков музея школы г. Верхней Салды или Школьная площадка краеведческой деятельности школы г. Верхней Пышмы вселяют надежду на возможное превращение таких музеев в форумы, площадки для обсуждений, реальные дела с заботой о пространстве своего города, чтобы школьники, даже уезжая учиться дальше после завершения школы, не думали о своем поселении как о богом забытом месте, чтобы учились видеть разнообразную палитру событий и не считали, что вся история страны и города сводится только к событиям Великой Отечественной войны.

4.4. Корпоративные музеи: поиск способов презентации

Деятельность корпоративных музеев имеет свою специфику и в то же время может пересекаться с работой городского музея, многие из наших информантов-специалистов этой сферы говорили о своем сотрудничестве с другими музеями города. На сайте музейно-выставочного центра ПАО «Уралкалий» можно прочитать следующее:

Это отражение истории компании через судьбы людей, через уникальные производственные, бытовые и антикварные экспонаты, через использование современных технологий¹¹.

На этом же сайте размещена афиша выставки «Отблески военного детства». Это художественная выставка ветерана Уралкалия Розалии Щербининой, березниковского художника и резчика по камню, посвященная 75-летию Победы. Одна из основных задач, которую решают корпоративные музеи, это презентационная демонстрация наиболее выгодных качеств самого предприятия. Именно в музей приглашают гостей предприятия, в обязательном порядке его посещают те, кто устраивается на работу. И конечно же гостями такого музея часто становятся школьники, тем самым музей выполняет и профориентационную функцию. Именно поэтому герои таких музеев — это заслуженные работники предприятия. Как сегодня работают корпоративные музеи малых и средних городов Урала, насколько сотрудники музеев хотели бы перестроить свою работу с учетом новых технологий и новых социальных реалий?

Безусловно, на текущий момент самыми оснащенными из всех музеев небольших уральских городов являются корпоративные музеи экономически успешных заводов. Для них закупается современное оборудование, что позволяет создать принципиально новые экспозиции, изменить привычный канон показа и хранения музейных коллекций. Не все корпоративные музеи идут по такому пути, есть среди них и те, в которых сохраняются привычные практики витрин с экспонатами, планшетов с фотографиями и пояснениями к ним.

Может ли корпоративный музей небольшого города создавать нарратив аутентичности места, привлекая тем самым различные аудитории? Аутентичность, по Ш. Зукин, «это культурная форма власти над какой-либо территорией», «культурное право закреплять за всеми людьми, которые живут и работают в городе, их дом навсегда» [Зукин, 16].

Корпоративный музей — это неотъемлемая часть аутентичного городского пространства небольшого уральского города. В экспозициях демонстрируется история индустриальности, преобразования города, становления заводов, тяжелого труда и выживания в военное время и в 90-е, когда многие предприятия могли просто перестать функционировать. Такую историю города рассказывают корпоративные музеи:

---

¹¹ Музейно-выставочный центр ПАО «Уралкалий». URL: <https://www.museum.uralkali.com/> (дата обращения: 05.03.2021).

Во-первых, территория, где ты проживаешь, это история предприятия, история города — история предприятия. Поэтому в любом случае надо знать историю предприятия, с той целью, чтобы понимать вообще, что производит предприятие; потому что у нас были такие казусы, когда к нам приезжали дети с той части города, и вопрос — а что же производит это предприятие? — им даже название нашего предприятия не говорило о том, что оно производит бумагу. Они называли все что угодно, но совсем не то, что нужно» (Соликамск, музей предприятия «Соликамскбумпром»).

Уникальность музея подчеркивается не только вкладом предприятия в развитие города. Музей узкоколейной железной дороги в г. Алапаевске по праву можно считать самым уникальным: именно там до сих пор функционирует одна из самых протяженных узкоколеек, которая обслуживает туристов, посещающих Верхнюю Синячиху, и к тому же обеспечивает необходимыми для жизни вещами ряд поселений района.

Музей корпорации ВСМПО-АВИСМА состоит из двух основных частей:

Историческая часть, как мы ее называем, то есть это наша история. То есть история производства, история людей, которые работали на основных, так сказать, достижениях и т. д. Как это было всегда в советские времена. И отчасти это продолжается и сейчас. И техническая часть. Это вот, собственно говоря, наше производство, наше оборудование, наша продукция, наши, ну, как бы основные компоненты, то, что мы производим» (В. Салда, музей корпорации ВСМПО-АВИСМА).

Первая часть музея обеспечивает аутентичность не только предприятия, но и города, подчеркивает их единство. В музее корпорации, производящей полуфабрикаты из титана для самолетостроения, и оформление соответствующее:

Решили немножечко добавить театральности и создать вот такую входную зону, то есть в виде салона самолета. Ну, видим иллюминаторы. Значит, справа от меня — это прошлое, причем достаточно далекое, ну, по меркам уральских, может быть, заводов прошлое... Мы, конечно, не Демидовский завод, но тем не менее. Начало 1930-х годов, Верхняя Салда, вид с колокольни. Ну и завод... начало 1950-х годов. Где находились вот поля, под картошку засеянные, частный сектор. То есть вот таким вот образом мы решаем. На противоположной стороне в иллюминаторах можно видеть и современный город, и современный завод (В. Салда, музей корпорации ВСМПО-АВИСМА).

Музей не просто демонстрация экспозиций, это реконструкция, воссоздание событий прошлого:

Это увековечивание памяти, это история. Еще раз говорю... порядка вот 12 книг сделано на разные темы, в том числе по войне и по отдельным страницам истории предприятия. Это, конечно, с помощью руководства нашего предприятия (В. Салда, музей корпорации ВСМПО-АВИСМА).

В исторической части освещается эпизод 1990-х, как была решена проблема выживания завода:

Первое подписание договора о стратегическом партнерстве с Boeing. Значит, Тетюхин подписывает. И господин Фрадков. Он даже здесь не премьер-министр. Он министр внешнеэкономических связей. <...> И в 2009 году открытие совместного предприятия с Boeing здесь, в Верхней Салде. Ну, вообще сотрудничество с Boeing, вот как раз таки ленточка и ручка, которой был подписан договор. Вот ручка. Значит, вот с этим титановым чемоданом, или как кейс, как угодно, который был изготовлен буквально за одну ночь, он целиком титановый. Значит, корпус, ручки, колеса — все титановое. Значит, вот с этим вот кейсом «путешествовали», в кавычках «путешествовали», предлагали свой товар наши менеджеры внешнеэкономической службы (В. Салда, музей корпорации ВСМПО-АВИСМА).

Комплектование корпоративного музея происходит в основном за счет ветеранов и работников предприятия. В функции музея может входить и сбор материала о трудовых династиях, «в сотрудничестве, совет ветеранов, музей, мы начали собирать эту информацию. Естественно через газету нашу, у нас есть своя корпоративная газета “Бумажник”. Мы подали информацию для ветеранов нашего предприятия и для работников в том числе, чтобы люди не стеснялись, приходили и заявляли о своей династии» (В. Салда, музей предприятия «Соликамскбумпром»). Можно сказать, что в исторической части корпоративных музеев доминируют практики, сложившиеся еще в СССР, подчеркивается героизм солдат и тружеников тыла, отдается дань уважения ветеранам — работникам предприятия. Демонстрируются достижения индустриализации, как работа предприятий преобразует городское пространство.

Современная составляющая — это демонстрация продукции предприятия, особенностей его производства, которая, помимо презентации, преследует и не менее важную профориентационную цель — сформировать у детей и подростков интерес к предприятию, обеспечить в будущем приток на завод

рабочих и специалистов. История развития предприятия в корпоративных музеях (равно как и на сайтах предприятий) призвана продемонстрировать традиции как залог состоятельности в настоящем и будущем. Для решения этих задач эффективно используется мультимедийное оборудование (как отмечалось выше, оно может быть установлено в краеведческом музее, практически не присутствует в музеях ОО, но чаще всего такие новшества можно увидеть в корпоративных музеях). В корпоративных музеях мультимедийное оборудование выступает как показатель благополучия предприятия, которое может себе позволить такую роскошь, как рычащий динозавр или действующая модель оборудования для добычи полезных ископаемых [Pryamikova, Vandyshhev].

Специалисты выделяют несколько оснований для использования в музее мультимедийного оборудования. Во-первых, оно помогает более широко представить экспозиционный и выставочный материал, в памяти аудитории остается яркий, запоминающийся образ. Во-вторых, оптимизируется ситуация с информационным обслуживанием: появляются аудиогиды, заменяющие традиционный экскурсионный рассказ. Сотрудники тем самым освобождаются и могут организовать живое общение с заинтересованными посетителями. В-третьих, информационные компьютерные стенды позволяют познакомиться с аудио-, видеофайлами, содержащими исторический справочный материал о различных коллекциях музея, который постоянно дополняется [Мышева]. Еще один важный аспект заключается в создании особой атмосферы в залах музея при прослушивании музыкальных композиций, просмотре кадров старой кинохроники и т. п.

На сайте Группы Магнезит можно найти информацию о том, как благодаря проекту «От музея завода к музею знаний» «привычное историко-культурное учреждение трансформируется в современный образовательный и профорientационный центр»¹². Директор музея с гордостью рассказывает об изменившемся пространстве музея:

Музей-трансформер, музей мобильный, музей интерактивный. Небольшое пространство, но мы постарались сделать его многофункциональным... Сейчас это кинолекционный зал, через 20 минут это может быть зал для мастер-классов, зал для совещаний, зал для каких-то других мероприятий и так далее (Сатка, музей Группы Магнезит).

---

¹² В Сатке готовятся к открытию обновленного музея «Магнезит»: сайт Группы Магнезит. URL: <http://magnezit.ru/ru/about/press/news/?id4=1002> (дата обращения: 05.03.2021). Проект реконструкции музея «Магнезит» разработан архитектурным бюро «KONTORA» (Москва), дизайнер Дмитрий Барьюдин.

И действительно, мебель в музее трансформируется, конструкция стульев-трансформеров в интерактивном зале позволяет собирать из них лавки или тумбы для экспонирования. Ящики можно выдвигать и открывать для себя их удивительное содержание. Идея в том, чтобы посетителю было интересно: а что в следующем шкафчике или ящике?

Конечно, во многом такие неожиданности рассчитаны прежде всего на детей, которые в традиционном музее, где ничего нельзя трогать, чувствуют себя довольно скованно. Когда многое доступно для рассмотрения, когда можно подержать в руках кусочки руды, открыть огромное количество ящиков, такое пространство осваивается детьми с гораздо большим интересом. *«Детям очень нравятся такие яркие вещи»*, — отмечает директор. Вызвать интерес у детей и подростков, которых привели на экскурсию, запустить тем самым механизм формирования идентичности со своим городом и со своим предприятием — это вполне понятная идея, способствующая реализации профорIENTационной функции музея. Тем не менее в музейном сообществе такие эксперименты оцениваются совсем неоднозначно. Цифровые презентации по-разному соотносятся с реальными музейными экспозициями, они могут:

- пояснять материалы экспозиции и облегчать посетителю ориентацию в ней;
- дополнять основную экспозицию, создавать особую атмосферу каждого зала;
- приносить в экспозицию элементы игры и развлечения [Лебедев].

Далеко не все работники музеев и специалисты в данной области хотели бы поменять привычный канон музейной деятельности. Ярким образцом скептической оценки может служить следующее высказывание:

Ничего, кроме скорости, а стало быть нервного всезнайства кроссвордной эрудиции и суетливой доуки верхоглядства, эта пишущая машинка с памятью, называемая компьютером, увы, нам и музейному ремеслу почти не дала. Более того, всеобщая компьютеризация обострила парадокс музея и парадокс о музее: музей — два столетия как — хранилище подлинника, рекламирует себя репродукцией. Теперь цифровой [Вдовин, 40].

Понимание музея как храма, как хранилища уникальных документов и предметов, противится радикальным переменам. Интерес, который вызывает именно предмет, заменяется на его цифровое изображение, пусть и вплетенное в какую-либо более широкую, более понятную картину, в том числе повышающую и значение самого предмета. Но такая презентация отвлекает внимание от главной ценности — от самого предмета!

Есть и другая точка зрения: музей и вещи — это основа для культа редкостей, это конкуренция между музеями. Последние тем самым превращаются в искателей ценностей, и достоинство музея проявляется в том, сколько он стоит, в какую сумму можно оценить его экспонаты. А развитие цифровой среды музеев, возможно, в будущем кардинально изменит эту ситуацию.

С одной стороны, всеобщая, всеядная, ненасытная музеефикация знаменует полное торжество предметности. С другой, удивительный прогресс вольно струящихся в эфире, в человеческом ощущении бесплотных электромагнитных потоков, в унисон с архетипической моделью всех развитых религиозных конфессий, достаточно уверенно свидетельствует: вектор земной эволюции запрограммирован на грядущую дематериализацию [Дриккер, Маковецкий, 35].

В этой дискуссии корпоративные музеи занимают особое место: очень часто те предметы, которые там экспонируются, имеют ценность прежде всего для самого предприятия и людей, которые на нем работали или работают до сих пор. На сайте музея Группы Магнезит читаем:

Мы сделали акцент не на механизмах и производственных процессах, как это было раньше, а на главной ценности предприятия — людях, благодаря которым «Магнезит» стал и остается лидером огнеупорной промышленности страны. Надеемся, что новый музей позволит повысить престиж производства и востребованных профессий, продемонстрировать высочайшую роль современных технологий и образования¹³.

Музей ПАО «Уралкалий» в своей рекламе предлагает посетителям пять выставок, две из них связаны с юбилейной датой — 75-летием Победы; это «Отблески военного детства» и «Фронтowej альбом», выставка ретрофотографий Великой Отечественной войны. Еще одна выставка, «Заколдованные минералы», — выставка минералов из личной коллекции ветеранов-калийщиков, геологов Тамары и Александра Дюпиных. Еще одна, полностью интерактивная, называется «Тропой открытий и свершений» и посвящена 95-летию со дня открытия Верхнекамского месторождения солей. И последняя, «Новогодний Hand made», — выставка творческих работ калийщиков из серии

---

¹³ В Сатке готовятся к открытию обновленного музея «Магнезит». Источник — сайт Группы Магнезит. URL: <http://magnezit.ru/ru/about/press/news/?id4=1002> (дата обращения: 05.03.2021).

«Мир увлечений»¹⁴. На сайте музея можно прочитать: «Это отражение истории компании через судьбы людей, через уникальные производственные, бытовые и антикварные экспонаты, через использование современных технологий»¹⁵.

Акцент на деятельности людей, на истории предприятия приводит к тому, что такие, во многом разные, музеи, как ПАО «Уралкалий» и ВСМПО-АВИСМА, в большей степени придерживаются традиционного канона демонстрации экспонатов, воссоздающих как историю завода, так и его настоящее, несмотря на различия в оснащении. В музее ВСМПО-АВИСМА нет такого изобилия технического оснащения, как в музее ПАО «Уралкалий». Там помимо рычащего динозавра можно увидеть, как работает комплекс «Урал», как осуществляется добыча соли, демонстрируется работа оборудования предприятия. Такую возможность как раз могут обеспечить различные интерактивные экспозиции. Хотя многие все-таки делают ставку на изготовление моделей, показывающих детали и процесс работы реального оборудования.

Музей бумажного комбината «Соликамскбумпром» почти полностью выдержан в традиционном стиле. На очень качественно изготовленных планшетах можно увидеть всю историю завода, обилие фотографий и копий документов. В этот музей точно так же приходят вновь поступившие работники, точно так же приводят детей, как это было десятилетиями ранее. Для ветеранов такой формат оказывается очень удачным:

Мне-то казалось наоборот, что мы не очень современные, и, наверное это минус наш, а оказалось — в этом огромный плюс, что идет живое общение, и вот эти фотографии. <...> То есть были и положительные отзывы... Поэтому я и сказала, что я вот эту бы часть оставила так, как есть, чтобы было это живое общение. Чтобы вновь, наших ветеранов в том числе, погрузить вот в атмосферу (Соликамск, музей АО «Соликамскбумпром»).

На вопрос о том, как мог бы измениться музей при наличии всех необходимых ресурсов, нам ответили, что можно было бы организовать для детей работу моделей, отражающих основные моменты производства.

Я бы в принципе менять ничего не стала здесь, но, если бы нам позволили расширить нашу территорию, я бы, наверное, уже что-то организовала для детей. С точки зрения интереса детей и современности. Однозначно бы мне хотелось,

¹⁴ См.: Музей ПАО «Уралкалий» : сайт. URL: <https://www.museum.uralkali.com/berezniki-events> (дата обращения: 05.03.2021).

¹⁵ См.: Музей ПАО «Уралкалий» : сайт. URL: <https://www.museum.uralkali.com/> (дата обращения: 05.03.2021).

чтобы эти макеты они функционировали, чтобы они работали... И тогда будет намного больший интерес у наших детей к деятельности бумажников. Чтобы удивить их производством газетной бумаги.

Их не пускают в этом возрасте на промплощадку, туда только мы можем попасть со студентами и также выпускниками школ. Понятно, по линии профориентации. А детей младшего возраста не пускают. И очень сложно им рассказывать, демонстрировать только через фотографии... производство газетной бумаги (Соликамск, музей АО «Соликамскбумпром»).

Исходя из заинтересованности предприятий в привлечении как будущих работников, так и будущих потребителей своей продукции, музеи становятся своего рода выставочными центрами, демонстрирующими возможности завода и обеспечивающими интересный контент для своих посетителей. В этом отношении музей Группы Магнезит очень сильно выделяется в плане творческого подхода к организации его деятельности. Магнетизм музея, его способность притягивать публику, зависит от различных агентов, расширяющих пространство памяти своей национальной, социокультурной общности. В Сатке, городе международного стрит-арта, который не боится экспериментов, такой интерактивный музей, музей-трансформер органично вписывается в окружающее пространство.

Музей ПАО «Уралкалий», несмотря на технические возможности, все равно придерживается традиционного канона: главное — люди, их воспоминания, вещи-экспонаты, которые являются отражением прошлых событий. Мультимедийное обеспечение в данном случае в большей степени выглядит как дань моде, как показатель экономического благополучия предприятия. История завода, история города тесно переплетены друг с другом, и свидетельства этого единства наглядно представлены в стеклянных витринах. При этом музей ВСМПО-АВИСМА демонстрирует редкие, уникальные экспонаты, такие как первый слиток титана или титановый чемоданчик, с помощью которого в том числе удалось обеспечить будущее предприятия. Не менее уникальны старые железнодорожные составы, тепловозы и прочая техника Алапаевской узкоколейной железной дороги. У проходной стоит старый тепловоз ТУ2, установленный на постамент в честь 90-летия АУЖД в 1988 г.

Для кого данные экспонаты представляют ценность? Для работников завода, особенно для ветеранов, поскольку большая часть их жизни прошла рядом с такими вещами. У школьников-подростков подобные экспонаты тоже могут вызвать интерес. Вопрос в другом: будут ли они способствовать формированию идентичности с собственным городом, будут ли обеспечивать аутентичность места — города и предприятия?

Концепция корпоративного музея, его выставочной деятельности в большей степени сегодня опирается на особенности предприятия и города, по крайней мере, музей пытается выстраивать совместную идентичность города-завода и в прошлом, и в настоящем, и желательно в будущем. Учитывает корпоративный музей и региональные особенности, опять же со стороны производства. Так, в Златоусте можно услышать много рассказов об изобретении булатной стали, именно в этом городе, как уверяют посетители музея — выставки оружия, в начале XIX в. Павел Аносов воссоздал утерянную технологию получения легендарного металла.

В корпоративных музеях показаны все особенности исторического периода индустриализации, если город молодой, и, дополнительно — специфика народных промыслов, если город имеет более длинную историю. Корпоративные музеи пытаются удовлетворить интересы потребителей музейной памяти разных поколений. Музей такого типа, как в АО «Соликамскбумпром», сегодня в большей степени привлекателен для ветеранов, работников предприятия, являющихся частью трудовых династий, людей, которые могут прийти и увидеть волнующие моменты прошлого, посмотреть старые фотографии. А технические новинки, мультимедийное обеспечение и модели, демонстрирующие работу оборудования предприятия, однозначно направлены как на возможных потребителей продукции завода, так и на молодое поколение как на будущих работников и специалистов.

Значение мультимедийных практик в деятельности музея, на наш взгляд, зависит не только от способности самого предприятия оборудовать музей или от желания руководителей музея оформлять заявки и получать гранты на его развитие. Это зависит от принятого канона, от привычных музейных практик, которые ориентированы на того или иного потребителя музейной продукции. То же самое мультимедийное оборудование может помочь более увлекательно показать различные эпизоды прошлого, создать особую атмосферу восприятия, но отвлекает внимание от главного, от самого экспоната, от вещи, от настоящего свидетельства прошлого, от того, что призвано вызывать восхищение и почтение в соответствии с музейным канонам.

Корпоративные музеи демонстрируют очень разнообразную палитру, часть из них представляет собой современные центры с интерактивным оборудованием, применением оригинальных визуальных и звуковых способов презентации, другая часть воспроизводит канон городских, но в более качественной форме (например, традиционные планшеты музея Соликамскбумпрома). Руководство некоторых корпоративных музеев активно привлекает внешнее финансирование из различных фондов, в то время как городские музеи нередко только подумывают этим заняться.

В одних случаях музейный нарратив может уходить вглубь истории предприятия, всей отрасли, техники и технологии, знаковых персон. В других — корпоративный музей может демонстрировать глобальный масштаб с точки зрения включенности предприятия в мировые экономические сети. В любом случае история города оказывается растворенной в истории предприятия. Сверхидея: предприятие — основа жизни города. Несмотря на то что какие-то музеи расположены на территории завода и попасть в них довольно сложно, другие предоставляют открытый доступ, например, музей корпорации «Магнит» (Сатка) или Уралкалий (Соликамск); все они нацелены на «парадную» презентацию предприятия гостям, продвижение своей продукции (в Златоусте эта функция буквально основная). С точки зрения взаимодействия поколений главная миссия такого учреждения конечно же профориентация местной молодежи и вовлечение в корпоративную культуру новоприбывающих работников. Как и в учебных заведениях, корпоративные музеи — места встречи поколений, ветераны здесь встречаются с молодыми сотрудниками. Работники корпоративных музеев далеко не всегда имеют специальное образование и достаточную подготовку, они могут допускать фактические ошибки, когда посетители задают вопросы на более широкие темы.

При всех различиях интерпретации прошлого доминирует советская традиция музеефикации. У старших поколений — родителей, бабушек и дедушек нынешних школьников и студентов — музейные экспозиции поддерживают ностальгию по советскому. Молодому поколению транслируются по большей части сформированные в то самое советское время трактовки отечественной истории. Приобретение постперестроечных лет — отказ от сугубо негативных оценок высшего сословия и других слоев населения, например казачества, смыкается сегодня с уважительно-позитивным представлением советской эпохи, что дает основание для гордости и смычки поколений, но вряд ли способствует критическому мышлению.

Практически ни в одном из наших городов музеи не являются генераторами прибыли и драйверами экономического роста. Их аудитория ограничена определенными группами населения. Тем не менее музеи вносят свой вклад в формирование городской идентичности, особенно там, где есть солидный багаж, например, в таких городах, как Алапаевск, Серов, Соликамск.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предметом осмысления в монографии стала социальная память как фактор организации жизни города, рассматриваемый нами как полисубъектный конгломерат с множественной социальной памятью. В этом исследовательском контексте внимание было сосредоточено, с одной стороны, на концептуализации масштабирования социальной памяти, с другой — на поисках и описании способов измерения факта множественности.

Города, выбранные для проведения исследования, — уральские города, разбросанные по территории региона и получившие свое развитие на разных волнах процесса индустриализации. В этом смысле, по формальным критериям, они обладают различными по объемам наполнения историческими периодами и соответственно разным по масштабам наследием. Вероятно, каждый из этих периодов оставил в памяти города свой след. Таким образом, основанные в различные исторические периоды города вбирают в себя разные по глубине масштабы события прошлого.

В каждом городе сформировался свой, особенный, аутентичный меморативный ландшафт. Он обладает свойствами неоднородности и фрагментарности, какие-то элементы этого ландшафта напоминают сверхконцентрированные сгустки памяти, например затопленный металлургический завод в Добрянке, а какие-то оказываются совсем разряженными. В Алапаевске, городе первого рабочего совета на Урале, история утверждения советской власти заметно уступает тематике гибели царской семьи. Безусловно, связанные между собой события как будто бы поменялись местами: если в советское время рабочие советы выдвигались на первый план, то царская тематика старательно замалчивалась, и это тоже эффект масштабирования социальной памяти.

Уральские индустриальные города переживают мучительный процесс собственного переопределения, который только усугубился в условиях пан-

демии. В Верхней Салде успешный и с оптимизмом смотрящий в будущее ВСМПО столкнулся со значительным снижением спроса на титан на международных рынках, и уже замаячили угрозы сокращения персонала, в городе практически полностью свернуты программы обновления городской среды и т. п.

С точки зрения текущего момента в истории города (и соответственно в памяти горожан) должны запечатлеваться различные исторические периоды, материально и символически запечатленные следы — архитектура, названия улиц, имена знаменитых горожан и т. п. Множественность, таким образом, является и отражением исторических периодов существования городов. Так, в городе Соликамске, основанном в 1430 г., сочетаются элементы «далекого» прошлого, выраженного в виде сохранившихся храмов; советского прошлого в виде жилых домов, культурных, образовательных и других объектов; и постсоветского — домов, построенных совсем недавно.

Здесь важно использовать еще один подход — полисубъектность памяти. Мы наблюдали явление палимпсеста, остатки старой памяти, индустриальной, советской, проступают через современные элементы. Кто в данном случае выступает агентом (субъектом) памяти? Кто продвигает те или иные события, произошедшие в прошлом как значимые? Именно поэтому мы обращались к работникам музеев самого разного масштаба — городским, корпоративным и школьным, которые часто отсылали нас к местным, известным краеведам. Мы брали интервью у преподавателей школ и колледжей, которые занимаются организацией событий, способных создать «места памяти» применительно к конкретному городу. Точно так же мы расспрашивали жителей о существующих мифах, сказках, легендах, сохраняющих события из истории города. Память, привязанная к месту, концентрируется на конкретных фактах и показывает то разнообразие, тот палимпсест, который является продуктом, результатом работы памяти. Наша задача состояла в том, чтобы найти способы измерения ее множественности.

Мультискалярный подход позволил объединить два различных аналитических течения — исследование памяти и определение масштабов. Наша идея состояла в том, чтобы объединить эти две логики и рассматривать места памяти (П. Нора) с точки зрения их масштабирования. Собственно, методология мест памяти и увязывала их изначально с масштабом — общенациональным французским, и уже в дальнейшем она получила развитие в применении к другим размерностям, от локальных до глобальных (см., например: [Баранов 2013]). Представление о том, что одни места обладают значимостью для всех «времен и народов», другие — уже не для всех, третьи — для немногих, предполагает статичное существование объектов меморизации на изолированных

друг от друга шкалах. Мы сфокусировали наше внимание на взаимодействии масштабов — разномасштабности, анализируя, как одни и те же объекты одновременно или последовательно могут находиться на разных шкалах. Масштабы социальной памяти в нашем понимании — это способы манипулирования и организации социального пространства с целью приписывания местам, расположенным в нем, разного смыслового веса и значимости (способ структурирования социального пространства и придание ему индивидуальной, локальной или глобальной значимости).

Масштабы социальной памяти рассматривались в их повседневном функционировании (использовались концепции мнемонического воображения, практики вернакулярной памяти [Keightley, Pickering 2012]). Значительным эвристическим потенциалом обладает концепция мнемонического воображения, «достраивающего» воспоминания, свидетелями которых информанты не являются. В этой связи обращение к концепции практик вернакулярной памяти позволяет наилучшим образом, на наш взгляд, понять смысл политик памяти, игры масштабов памяти как в пределах отдельных поселений, так и в пределах региона, общества в целом.

Проведенное исследование, мы надеемся, внесет свой вклад в развитие социологического анализа процесса трансформации индустриального пространства. В целом же в городах разных типов индустриальности мы обнаружили множественность субъектов социальной памяти, каждый из которых предлагает различные по длине проникновения в прошлое событийные ряды. Например, краеведы и профессиональные музейщики заглядывают далеко за пределы Великой Отечественной войны. Сотрудники градообразующих предприятий (прежде всего корпоративных музеев) прочно связывают истории своих городов с предприятиями (как, например, в Сатке, Соликамске или Верхней Салде). Сотрудники новых предприятий хотя и встроены в местные сообщества, но все-таки скорее ориентированы на некоторую оторванность от локальных нарративов и в целом склонны демонстрировать совсем иное масштабирование собственной памяти. Так, например, пивоварня JAWS из Заречного стала одним из заметных поставщиков модного ныне крафтового пива на рынки Москвы и Санкт-Петербурга, где конкурирует с сильнейшими мировыми игроками, в то время как проверенные и давно существующие предприятия ориентированы на закрепление своих позиций в историческом каноне города.

Меморативные ландшафты, сложившиеся в городах, сегодня дополняются новыми элементами. Это комфортная городская среда и новые культурные проекты (например, в Сатке или Добрянке). То, что мы наблюдаем сейчас, сродни эффекту «дополненной реальности». Создают новые нарративы и го-

родскую символику, наполняя новыми смыслами различные элементы городского пространства и маркируя его новыми, порой уникальными, элементами.

Разработанные методические решения обеспечили «схватывание» множественности масштабов социальной памяти. Использование методов ментальных карт, мобильных интервью и групповых дискуссий позволило выявить места памяти в изучаемых территориях в представлениях горожан. Информанты, участники исследования, показывают свой город, опираясь на свои представления о том, как это должно быть, какие места достойны упоминания и в какой последовательности они должны быть представлены. Нарративный характер интервью требовал от участников непрерывного рассказа, в котором сменяются сюжеты. Эти сюжеты навеваются окружающими местами (элементами городского пространства), но вместе с тем часто сочетаются с событиями личной биографии, общими рассуждениями об истории не только города, но и региона, страны и даже мира. Маршрут движения по городу превращается в интерпретацию сюжетно-событийного ряда с использованием объяснений разного масштаба.

Ментальные карты позволили запечатлеть собственный опыт освоения городского пространства, выделить его значимые места. С помощью посланий для «капсул времени» мы связали прошлое, настоящее и будущее, кристаллизовали то, что достойно быть сохраненным для потомков.

Полученные результаты реализации научного проекта расширили сегмент практики российских исследований, посвященный проблемам социальной памяти, индустриальности и индустриального наследия, интегрируя его с соответствующим зарубежным опытом. Получены уникальные результаты исследований социальной памяти по Уральскому региону.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

Абдикеев Н. М., Богачев Ю. С., Морева Е. Л. Современные тенденции развития механизмов государственного стимулирования обрабатывающей промышленности в развитых странах // Мир новой экономики. 2018. № 3.

Абрамов Р. «Советский чердак» российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ // ИНТЕР. 2011. № 1 (6). С. 88–102.

Абрамов Р. Н. Время и пространство ностальгии // Социол. журн. 2012. № 4. С. 5–23.

Абрамов Р. Н. Грани неформальной музеефикации «реального социализма»: материализация ностальгического аффекта // Политика аффекта: музей как пространство публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Склез, К. Сувериной. М. : Новое лит. обозрение, 2019. С. 274–299.

Абрамов Р. Н. Музеефикация советского: Историческая травма или ностальгия? // Гефтер. 22.01.2014. URL: <http://gefter.ru/archive/11132> (дата обращения: 09.07.2020).

Абрамов Р. Н. Семиотические ландшафты посткоммунистической ностальгии: на практике музеефикации советского прошлого // Человек: Образ и сущность: Гуманитарные аспекты. 2020. № 1 (41). С. 126–151.

Авербух В. М. Шестой технологический уклад и перспективы России (краткий обзор) // Наука. Инновации. Технологии. 2010. № 71.

Агеев С. С., Бриль Ю. Неизвестный Уралмаш: История и судьбы, 1933–2003. Екатеринбург : Урал. лит. агентство, 2003. 499 с.

Алапаевск — символ Среднего Урала: Юбилейное подарочное издание / рук. проекта Н. С. Перевозчикова. Б. г. : [б. и.], 2019. 256 с.

Алапаевск в зеркале перемен, 1639–2014 // [Алапаевск : Алапаевская газета]. 2014. 271 с.

Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социол. журн. 2012. № 3. С. 5–40.

Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М. : Изд-во «Праксис», 2013. 630 с.

Алексеев А. Н. Биографический дискурс: акт общения, отображение реальности и изъятие себя (заметки об «эстафете памяти») // Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. СПб. : НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург) ; ЕУ в СПб, 2008.

Алексеев А. Н. Письмо, дневник, автобиография: многообразие форм и сопряжение смыслов (теоретико-методологические заметки) // Телескоп: Журн. социол. и маркетинговых исслед. 2007. № 4. URL: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_letters.html (дата обращения: 05.03.2021).

Алексеев А. Н. Фамильная ценность и семейная память (к постановке вопроса) // Дом человека (экология социально-антропологических процессов). СПб. : Ин-т биологии и психологии человека ; СПбГУ, 1998.

Алексеев А. Н. Эстафета памяти: О ресурсах, нормах и эффектах автобиографического повествования // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2001. № 1. URL: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_memory.html (дата обращения: 05.03.2021).

Алексеев Е. П. Принадлежность к миру огневой работы: художники на уральских заводах XVIII — начала XXI в. // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2017. № 27. С. 192–206.

Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М. : Наука, 2008. 884 с.

Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. № 3 (59).

Артог Ф. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени / реф. В. Мильчиной // Отечеств. зап. 2004. № 5. С. 214–225.

Архипова А. За Шеелит душа болит // Зареченская ярмарка. 2020а. № 39. 24 сент. URL: https://zar-yarmarka.ru/2020/39/Za_Sheelit_dusha_bolit (дата обращения: 05.03.2021).

Архипова А. За Шеелит не шевелеить // Зареченская ярмарка. 2020б. № 40. 1 окт. URL: https://zar-yarmarka.ru/2020/40/Sheelit_ne_shevelit (дата обращения: 05.03.2021).

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 328 с.

Ассман А. Забвение истории — одержимость историей / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2019. 552 с.

Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 223 с.

Ассман А. Распалась связь времен? : Взлет и падение темпорального режима Модерна / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 267 с.

Ассман А. Трансформации нового режима времени / пер. с англ. Вл. Кучерявкина ; под ред. А. Скидана // Новое лит. обозрение. 2012. № 4. С. 16–31.

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 364 с.

Баранов Н. Н. «Места памяти»: успешная реконструкция в европейском издательском проекте // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 273–280.

Баранникова Д. А. Концепция «музей-храм» в зарубежных и отечественных исследованиях // Молодеж. вестн. Санкт-Петербург. гос. ин-та культуры. 2019. № 1 (11). С. 58–61.

Батманов Д. И., Капкаев Ю. Ш. Проблемы деиндустриализации и реиндустриализации в российской экономике // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2017. № 2 (398).

Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В. Л. Силаевой ; науч. ред. О. А. Оберемко. М. : ВЦИОМ, 2019.

Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. С. А. Комарова ; под ред. Ю. В. Асочакова. СПб. [и др.] : Питер, 2008. 238 с.

Белихова Н. С. Роль краеведческих музеев в образовательном процессе // Образовательная социальная сеть nsportal.ru 2018. URL: <https://nsportal.ru/shkola/geografiya/library/2018/12/11/statya-rol-kraevedcheskih-muzeev-v-obrazovatelnom-protsesse> (дата обращения: 05.03.2021).

Белка Т. В. Памяти Шеелита посвятили целую фотовыставку в краеведческом музее. 16.03.2021. URL: https://www.youtube.com/watch?v=numoILUM1Q8&ab_channel=AMFRTV (дата обращения: 05.03.2021).

Белоброва Н. В., Хохловская О. А. Цифровое развитие экономики: общемировые тенденции и приоритеты // Актуальные проблемы экономики и управления: теоретические и прикладные аспекты : материалы Третьей международ. науч.-практ. конф., г. Горловка, 30 марта 2018 г. / отв. ред. Е. П. Мельникова. Горловка : АДИ ДонНТУ, 2018. С. 43–52.

Белов В. Б. Новая парадигма промышленного развития Германии — стратегия «Индустрия 4.0» // Современная Европа. 2016. № 5. С. 11–22.

Беньямин В. О понятии истории / пер. с нем. и коммент. С. Ромашко // Новое лит. обозрение. 2000. № 46.

Бобрин А. А. Картина мифа: наивное искусство советского народа // Советский социокультурный проект: исторический шанс или глобальная антиутопия : материалы международ. науч. конф. «Х Колосницынские чтения», 24 апр. 2015 г. / редкол.: Е. И. Рабинович (отв. ред.) и др. Екатеринбург : Гуманит. ун-т, 2015. С. 144–148.

Бобрин А. А. Память о войне: личные истории наивных художников // Память поколений: Великая Отечественная война в образовании, музейном пространстве

и социальных практиках : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием / отв. ред. О. В. Рыжкова. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2020. С. 237–241.

Бобрин А. Миша Брусиловский — добрый пастырь наивного искусства // Миша Брусиловский. Из жизни святых грешников: живопись из музейных и частных собраний : альбом-кат. / сост. И. Ризнычок, З. Таюрова. Екатеринбург : Екатеринбург. музей изобраз. искусств, 2017. С. 31–35.

Бобрин А. А., Граматчикова Н. Б. Вербальные и визуальные нарративы наивных художников // Шаги / Steps. 2019. Т. 5, № 2. С. 211–230.

Бодрунов С. Д. Новое индустриальное общество второго поколения: человек, производство, развитие // Общество и экономика. 2016. № 9. С. 5–21.

Божков О. Б. От биографий к свидетельствам «очевидцев» // Международ. журн. исслед. культуры. 2018. № 1 (30). С. 6–11.

Божков О. Б. Родословные (генеалогические) деревья как объект социологического анализа // Социол. журн. 1998. № 3/4. С. 117–143.

Божков О. Б., Игнатова С. Н. Междисциплинарность в исследовании (авто)биографических данных // Там же. 2017. Т. 23, № 4. С. 89–103.

Бойм С. Ю. Будущее ностальгии / пер. с англ. предисл. А. Стругача. М. : Новое лит. обозрение, 2019. 671 с.

Борозняк А. И. «Я хочу знать всю правду»: дискуссии в ФРГ вокруг выставки «Преступления вермахта» // Диалог со временем. 2011. Вып. 35. С. 135–152.

Борозняк А. И. Жестокая память: Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М. : РОССПЭН, 2014. 342 с.

Бредникова О. Время, вперед! : эссе // Laboratorium: Журн. социал. исслед. 2010. № 1. С. 274–283.

Бритвина И. Б. Проблемы сохранения и актуализации памяти о Великой Отечественной войне // Социол. исслед. 2015. № 5 (373). С. 18–21.

Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н. Образ исторического прошлого России в представлениях молодежи Крыма и Севастополя: результаты прикладного исследования // Парадигмы истории и общественного развития. 2017. № 6–7. С. 51–61.

Булгаков С. В. Гражданская война в России глазами студенческой молодежи (на примере СГАУ им. Н. И. Вавилова) // Россия и мир в пространстве глобальных потрясений и нового мироустройства, XX–XXI вв.: К 100-летию Великой русской революции : коллектив. моногр. / под ред. Е. Б. Дудниковой, В. Я. Романченко, Н. В. Шалаевой ; ФГБОУ ВО «Сарат. гос. аграр. ун-т им. Н. И. Вавилова». Саратов : ООО «Буква», 2018. С. 127–135.

Бурганова М. А. Музей в современном культурном пространстве // Музей декоративного искусства, художественной промышленности и дизайна: вчера, сегодня, завтра : материалы Международ. науч. конф. к 150-летию Музея декоративно-

прикладного и промышленного искусства МГХПА им С. Г. Строганова. М., 2018. С. 25–31.

В арт-пространстве «Руина» в Сатке открылась новая выставка // Говорит Сатка. 21.10.2019. URL: <https://govoritsatka.ru/news/sobytia/v-art-prostranstve-ruina-v-satke-otkrylas-novaya-vystavka> (дата обращения: 05.03.2021).

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Малые и средние города Урала: индустриальность как судьба // Пути России. Границы политики : сб. ст. участников XXV Международ. симпозиума, 30–31 марта 2018 г. / под общ. ред. М. Г. Пугачевой. М., 2019. С. 172–187.

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан // Журн. социологии и социал. антропологии. 2013. Т. 16, № 3 (83). С. 101–121.

Вдовин Г. Памяти музейных иллюзий или парадокс о музее двадцать лет спустя // Российское экспертное обозрение. 2007. № 6 (23). С. 39–41.

Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 637 с.

Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии : сб. ст. под ред. И. В. Нарского. Челябинск : Изд-во «Каменный пояс», 2004. 544 с.

Веселкова Н. В. Узлы и пружины памяти // Социол. обозрение. 2016а. Т. 15, № 3. С. 196–212.

Веселкова Н. В. Кто знает ваш Качканар? Труды и дни уральского моногорода // Лабиринт: Журн. социал.-гуманит. исслед. 2016б. № 3/4. С. 50–61.

Веселкова Н. В. Темпоральный порядок школьных дискурсов миграции // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2010а. № 1. С. 133–144.

Веселкова Н. В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010б. № 31. С. 5–29.

Веселкова Н. В. Социология времени и Жорж Гурвич // Рубеж. 2003. № 18. С. 50–64.

Веселкова Н. Приглашение всмотреться: две обложки книги Алейды Асман // ИНТЕР. 2014. № 8. С. 105–108.

Веселкова Н. В. Конструкции авторства/субъектности в опыте отечественных биографических проектов первой половины XX в. // Урал. ист. вестн. 2020а. Вып. 4. С. 84–92.

Веселкова Н. В. Феномен школьного музея // Документальное наследие и историческая наука : материалы Урал. историко-архив. форума, посв. 50-летию историко-архивной специальности в Уральском университете / отв. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020б. С. 104–111.

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Места памяти в молодых городах. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016а. 394 с.

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Город юности Качканар — детище XX съезда партии // После Сталина : Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории. М. : Полит. энцикл., 2016б. С. 578–591.

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Дискурс природы в молодых городах // Социол. обозрение. 2016в. Т. 15, № 1.

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Молодые города: масштабы мест памяти // Там же. 2017а. Т. 16, № 3. С. 36–65.

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Об основных векторах развития метода интервью // Там же. 2017б. № 7. С. 44–56.

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Пешеходное интервью: структура и жанры // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 4–21.

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Жизненный опыт в современном обществе: ресурс или ограничение? // Состояние и перспективы социально-медицинской работы с ветеранами и участниками вооруженных конфликтов : материалы V Всерос. науч.-практ. конф., 11–13 апр. 2005 / Рос. гос. проф.-пед. ун-т ; Свердлов. обл. клин. психоневрол. госпиталь для ветеранов войн / под общ. ред. К. В. Кузьмина. Екатеринбург, 2005а. С. 221–225.

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Социальная компетентность взросления. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005б. 290 с.

Вехи Уралмашзавода: Спецпроект // РИА новости. URL: <https://ria.ru/ips/ural-mash/> (дата обращения: 05.03.2021).

Витковская Т. Б., Назукина М. В. Промышленные города Урала: специфика локальной идентичности и политических практик // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «Политология». 2018. № 3. С. 148–165.

Войнакова М., Рашевская П. «Уральцы хотят быть не заводчанами, а модными хипстерами, сидящими в кофейне»: Прогулка с лидером проекта «Лето на заводе» Яном Кожаном, который мечтает превратить заброшенные здания Екатеринбурга в его визитную карточку // ЦИАН: Журнал о недвижимости. Екатеринбург. 26.02.2021. URL: <https://journal.n1.ru/articles/uralcy-khotyat-byt-ne-zavodchanami-a-modnymi-khipsterami-sidyashimi-v-kofeine/> (дата обращения: 05.03.2021).

Воронина Т. Голод в советской культуре: смысл и значение ленинградской катастрофы в литературе соцреализма // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2019. № 5. С. 92–110.

Воронина Т. Помнить по-нашему. Соцреалистический историзм и блокада Ленинграда. М. : Новое лит. обозрение, 2018. С. 280.

Воронина Т., Утехин И. Реконструкция смысла в анализе интервью: тематические доминанты и скрытая полемика // Память и блокада: Свидетельства очевидцев и историческое знание общества. М., 2006. С. 230–261.

Гаврилова С. Наследие советских теоретических и экспозиционных методов в современных краеведческих музеях // Политика аффекта. Музей как пространство публичной истории / под ред. А. Завадского [и др.]. М. : Новое лит. обозрение, 2019. С. 174–194.

Гергилов Р. Е. Теория и методология социологии Г. Д. Гурвича // Социол. исслед. 2008. № 4. С. 129–138.

Глазков К. Ментальные карты: ограничения метода и образ «чужого» в малом городе // Laboratorium. 2015. Т. 7, № 3. С. 106–117.

Глазков К. Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. 2013. № 3. С. 39–56.

Глазков К., Стрельникова А. Мобильные методы: движение как часть исследовательской стратегии // Интер. 2015. № 10. С. 79–90.

Голофаст В. Б. Многообразие биографических повествований // Социол. журн. 1995. № 1. С. 71–89.

Голофаст В. Б. Три слоя биографического повествования // Голофаст В. Б. Социология семьи: Статьи разных лет / под ред. О. Б. Божкова. СПб. : Алетей, 2006 [1997]. С. 407–410.

Гончаров С. А. Заречный. Полная история Атомграда: к 50-летию юбилею Белоярской АЭС. Екатеринбург : Сократ, 2014. 254 с.

Гордеев С. Наш новый мотор. URL: www.bednoe.ru/about.html (дата обращения: 05.03.2021).

Грамотчикова Н. Б. Коллективная идентичность vs семейная память: динамика советских и постсоветских нарративов заводчан // XIII Конгресс антропологов и этнологов России : сб. материалов, Казань, 2–6 июля 2019 г. / отв. ред. М. Ю. Мартынова. М. ; Казань : ИЭА РАН, КФУ, Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 121–122.

Грамотчикова Н. Б. Рец. на кн.: Непридуманные истории, подсказанные людской памятью: 30, 40, 50-е годы XX столетия в воспоминаниях детей, давно ставших взрослыми / сост. И. Н. Демченко. Екатеринбург : Автограф, 2013 // Русский архив. 2015. Т. 7, № 1. С. 64–72.

Грамотчикова Н. Как выглядит страх: динамика советских и постсоветских нарративов первостроителей Уралмаша и их детей // Новое литературное обозрение. 2020. № 2. С. 117–139.

Грамотчикова Н. Б., Енина Л. В. Фонд первостроителей Уралмаша: перспективы филологического изучения // Документальное наследие и историческая наука: материалы Урал. историко-архив. форума, посв. 50-летию историко-архивной специальности в Уральском университете (Екатеринбург, 11–12 сентября 2020 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020а. С. 520–524.

Грамотчикова Н. Б., Енина Л. В. Время и пространство воспоминаний заводчан в конструировании коллективной идентичности первостроителей Уралмаша // Науч-

ный диалог. 2020б. № 7. С. 55–75. URL: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-7-55-75> (дата обращения: 05.03.2021).

Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Молодежь России. М., 2011.

Гурьянов Г. Как «поднять брошенное»: подходы к ревитализации промзон. 2017. Docplayer. URL: <https://docplayer.com/46612809-Kak-podnyat-broshennoe-podhody-k-revitalizacii-promzon-grigoriy-guryanov-arhitektor-partner-byuro-praktika.html> (дата обращения: 05.03.2021).

Гурьянов И. Г. Городская память как метафора и как область исследований // Ар-тикульт. 2015. № 17(1). С. 13–26.

Гуськов С. 5-я Уральская индустриальная биеннале // ДИ — Диалог искусств. ММОМА. 29.10.2019. URL: <https://di.mmoma.ru/news?mid=3341&id=1512> (дата обращения: 05.03.2021).

Гюйссен А. Бегство от амнезии: музей как массмедиа // Искусство = The Art Magazine. 2012. № 2 (581). С. 36–51.

Давыдов Д. А. Моногородская идентичность и проблемы «Промышленной ментальности» (на примере г. Магнитогорска) // Вестн. Перм. науч. центра УрО РАН. 2014. № 5.

Данилова А. В., Кораблева Г. Б., Ракевич Е. В. Социальное пространство современного города в ракурсе социологического знания // Социальное пространство современного города / под ред. Г. Б. Кораблевой, А. В. Меренкова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 11–27.

Двадцать лет без «Покаяния» // Искусство кино. 2004. № 11. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/2004/11/n11-article18> (дата обращения: 05.03.2021).

Дворядкина Е. Б., Кайбичева Е. И. Новый индустриальный город как категория региональной науки и градостроительства: теоретическое обоснование // Вестн. НГИЭИ. 2018. № 5 (84). С. 86–97.

Дементьев В. Послание потомкам в капсуле времени как жанр советской словесности // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 1. С. 132–149. DOI 10.15826/qr.2020.1.452.

Демьянов К. В., Рыженко В. Г. Идеология, топонимика, политика памяти: о массовом переименовании городов в СССР // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Исторические науки». 2017. № 4. С. 153–160. DOI: 10.25513/2312-1300.2017.4.153-160.

Дженкс Ч. Зрелищный музей — между храмом и торговым центром: Осмысление противоречий // Пинакотека. 2000. № 12. С. 8.

Доббин Ф. Формирование промышленной политики: Соединенные Штаты, Великобритания и Франция в период становления железнодорожной отрасли / авториз. пер. с англ. Е. Головляницыной. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2013. 366 с.

Докторов Б. Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. СПб. : Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2013.

Докторов Б. З. 15 лет и 205 судеб российских социологов: Фрагменты развития историко-социологического исследования // Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2020. URL: http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=307&fbclid=I-wAR35dlInBN--QflLudu7jFz17wMOBnVRqjxODE64ZY5h7nkyM7qY1_zLFFxA (дата обращения: 05.03.2021).

Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е изд., доп. / ред.-сост. А. Н. Алексеев ; ред. электрон. изд. Е. И. Григорьева. М. : ЦСПиМ, 2014. URL: http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=207 (дата обращения: 05.03.2021).

Долгов А. Ю., Мелешкина Е. Ю., Толпыгина О. А. От ностальгии к осмыслению настоящего: СССР в представлениях разных поколений // Политическая наука. 2021. № 1. С. 245–273. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.11>.

Дом-музей П. И. Чайковского : [веб-сайт]. URL: <http://uole-museum.ru/museums/dom-muzej-p-i-chajkovskogo/> (дата обращения: 05.03.2021).

Дриккер А. С., Маковецкий Е. А. Музейный храм // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 3 (24). С. 25–36.

Дубин Б. «Кровавая» война и «великая» победа // Отечеств. зап. 2004. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2004/5/krovavaya-vojna-i-velikaya-pobeda.html> (дата обращения: 05.03.2021).

Дубин Б. Архив и высказывание. К социологии музея в современной России // Вестн. обществ. мнения. 2011. № 3(109). С. 106–109.

Евгеньева Т. В., Селезнева А. В. Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис: Полит. исслед. 2016. № 3. С. 25–39.

Емельянова Т. П., Мишарина А. В. Различия в коллективной памяти поколений: социально-психологический подход // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. : «Акмеология образования. Психология развития». 2019. Т. 8, вып. 4 (32). С. 334–340. DOI: 10.18500/2304-9790-2019-8-4-334-340.

Енина Л. В. Зачем нужны цитаты из советских газет в автобиографических текстах? // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2019а. № 3. С. 49–55.

Енина Л. В. Цитаты из советских газет в автобиографическом тексте: перформативная самоидентификация // Цифровизация коммуникативно-культурной памяти: роль журналистики как социального института : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 25–26 апреля 2019 г.) : в 2 ч. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019б. Ч. 2. С. 86–89.

Енина Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации // Полит. лингвистика. 2016. № 6. С. 159–167.

Енина Л. В., Граматчикова Н. Б. Советская индустриализация: Уралмаш и его строители в автобиографических текстах // Индустриальное наследие России: меж-

дисциплинарные исследования, опыт сохранения, стратегии реновации : сб. тез. Всерос. науч. конф., посв. 175-летию Рус. географ. о-ва и 90-летию Ханты-Манс. автоном. округа — Югры. Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2020а. С. 73–75.

Енина Л. В., Граматчикова Н. Б. Почти «прямой маршрут»: идеологические смыслы в конструировании заводской идентичности работников Уралмаша // Научный диалог. 2020б. № 11. С. 31–52. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-31-52.

Жога Г. Культурная политика и экономические кризисы: еще один взгляд на пермскую «культурную революцию» // Неприкосновенный запас. 2020. № 3. С. 206–230.

Замятина Н. Ю. Ментальная карта (1): Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 5 / отв. ред. И. И. Митин ; сост. Д. Н. Замятин. М. : Ин-т наследия, 2008. С. 250–253.

Запартый В. В. Индустриальное наследие (к вопросу о понимании данной концепции в России и за рубежом) // Экономическая история: Обзорение. 2007. № 13. С. 211–217.

Запорожец О. Н. «Мобильные методы»: исследование жизни в движении // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2017. Т. 44. С. 37–72.

Здравомыслов А. Г. Россия и русские в современном немецком самосознании // Обществ. науки и современность. 2001. № 4. С. 103–112.

Зеленко А. У. Американцы в своих клубах и общественных центрах. М., 1927.

Зеленко А. У. Детские музеи в Северной Америке. М., 1925.

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М. : Strelka Press, 2016. 112 с.

Зукин Ш. Обнаженный город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств / пер. с англ. А. Лазарева, Н. Эдельмана ; под науч. ред. В. Данилова. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 360 с.

Игнатьева О. В., Лысенко О. В. Анализ одного проекта: «Пермская культурная революция» глазами социолога // Лабиринт: Журн. социал.-гуманитар. исслед. 2013. № 5. С. 69–80.

Ильин В. И. История как ресурс развития глубинки // Журн. социологии и социал. антропологии. 2015. Т. 18, № 2 (78). С. 146–162.

Историческая память студентов Чувашской Республики о периодах российской истории / А. В. Григорьев, О. В. Василенко, А. В. Карпов, А. Д. Григорьев // Вестн. Чуваш. ун-та. 2019. № 4. С. 56–64.

Как наших дедов забирали... : Российские школьники о терроре 30-х годов : сб. работ победителей Всерос. конкурса ист. исслед. работ старшеклассников / ред.-сост. И. Щербакова. М. : РОССПЭН : Международ. Мемориал, 2007. 605 с.

Какое прошлое нужно будущему России? : Аналитический отчет по социологическому исследованию в рамках доклада Вольного исторического общества / Г. Б. Юдин, Д. О. Хлевнюк, А. С. Максимова, Н. Г. Фархатдинов, М. Я. Рожанский, Е. Ю. Василь-

ева. М., 2017. 109 с. URL: <https://www.politstudies.ru/article/5446> (дата обращения: 05.03.2021).

Калинин М. А. В начале «новой эры». Опубликованные источники по истории Добрянского района (1917–1930 гг.). Добрянка, 2019. 604 с.

Калинин М. А. В сердце Пермского края. Березники, 2008. 119 с.

Калинин М. А. Добрянка: Путеводитель. СПб. : Маматов, 2013. 95 с.

Калинин М. А., Калинина И. А. Малая родина: История Добрянского края : учеб. пособие. Добрянка, 2003. 287 с.

Камерон Д. Музей: храм или форум? // Музейное дело: музей — культура — общество : сб. науч. тр. М. : Изд-во ЦМР, 1992. С. 259–275.

Карпенко Е. «Натурализация» монумента: практика освоения советского наследия в парке Груто (Литва) // Логос. 2017. Т. 27, № 6. С. 237–256.

Касамара В. А., Сорокина А. А. Представления о прошлом студентов топовых московских вузов // Обществ. науки и современность. 2014. № 6. С. 57–69.

Касаткина А. «ВКонтакте» с историей: историческая культура соучастия в группе «Ретро Обнинск» // Электрон. научно-образоват. журн. История. 2017. Т. 8, вып. 7 (61). URL: <https://history.jes.su/s207987840001933-5-1/?sl=ru> (дата обращения: 05.03.2021).

Каспэ И. Навык утопического взгляда: на материале авторских фотографий последних десятилетий социализма // Социол. обозрение. 2015. Т. 14, № 2. С. 41–69.

Кашиперский В. И. История факультета гуманитарного образования как зеркало деиндустриализации на Урале // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Екатеринбург : Академкнига, 2001. С. 188–197.

Киселев К. В., Щербаков А. Ю. Региональная идентичность в социологическом измерении: Челябинский случай // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013а. Т. 13, № 4. С. 107–118.

Киселев К. В., Щербаков А. Ю. Урал: к вопросу об идентификационной динамике бренда // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «Политология». 2013б. № 1. С. 138–150.

Клоц А., Ромашова М. «Так вы живая история?»: Советский человек на фоне тихой архивной революции позднего социализма // Антропол. форум. 2021. № 50. С. 169–199.

Кобылин И. И., Николаи Ф. В. «Восточная экзотика» и солдатская прагматика: воспоминания воинов-интернационалистов о войне в Афганистане // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «История». 2018. № 4 (43). С. 50–58.

Кобылин И. И., Николаи Ф. В. Нужен ли историкам «поворот к аффекту»? // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. С. 37–48.

Кобылин И. И., Николаи Ф. В. Переопределяя границы сообщества: культурная память, травма, биополитика // История и историческая память. 2014. № 9. С. 98–103.

Козлов В. П. Документальная память в архивоведческом знании. М. : Древлехранилище, 2017. 329 с.

Козлов В. П. Обманутая, но торжествующая Клио: Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М. : РОССПЭН, 2001. 221 с.

Козлов В. П. Тайны документальных фальсификаций, или Обманутая, но торжествующая Клио: Анализ подделок документальных исторических источников по российской истории в XVIII — начале XXI века. М. : Новый хронограф, 2015. 679 с.

Козлов В. П. Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX вв. : пособие для студентов вузов. М. : АО «Аспект-пресс», 1994. 269 с.

Козлов С. Крушение поезда. Транспортная метафорика Макса Вебера // Новое лит. обозрение. 2005. № 1 (71). С. 7–60.

Козлова Т. Память Шеелита // «Пятница.PRO» News (ГО Заречный). 18.03.2021. URL: <https://vk.com/@zarfriday-pamyat-sheelita> (дата обращения: 05.03.2021).

Колганов А. И., Бузгалин А. В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социол. исслед. 2014. № 1. С. 80–94.

Коллективная память: две культуры. «Память — это не вещь и не предмет. Память — это непрерывный процесс» : интервью с Дж. К. Оликом // Историческая экспертиза. 2018. № 4 (17). С. 22–49.

Комплексное сравнительное исследование политики памяти в России и на международной арене: акторы, стратегии, инструментарий: аннотация проекта (РНФ. 17–18–01589.2017–2021, рук. А. И. Миллер, осн. исп. Д. В. Ефременко, О. Ю. Малинова) // ИНИОН РАН. URL: <http://inion.ru/ru/science/raboty-po-grantam/rnf-rffi/kompleksnoe-sravnitelnoe-issledovanie-politiki-pamiati-v-rossii-i-na-mezhdunarodnoi-arene-aktory-strategii-instrumentarii/> (дата обращения: 05.03.2021).

Коннертон П. Як суспільства пам'ятають / пер. з англ. С. Шліпченко. Киев : Ніка-Центр, 2004. 184 с.

Косарева О. Как разгромили поселок Шеелит // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2012/08/26/496> (дата обращения: 05.03.2021).

Красильникова Е. И. Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции омского музея в 1920-е гг. // Вопр. музеологии. 2011. № 2. С. 91–103.

Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть...: Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.) : моногр. 2-е изд., исправ. и перераб. Новосибирск : ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2015. 404 с.

Кудрявцева Н. С. К вопросу о социальной пользе современного музея // Credo new. 2011. № 2. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo-new-2-2011/9622-k-voprosu-o-socialnoj-polze-sovremennogo-muzeya.html (дата обращения: 05.03.2021).

Кульков В. М. Постиндустриализация или новая индустриализация? // Проблемы современной экономики. 2014. № 3 (51). С. 56–59.

Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М. : Ин-т наследия ; СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.

Куприянов П. С., Садовникова Л. В. Место памяти в памяти местных: Культурные смыслы городского пространства (по материалам жителей московского Зарядья) // Антропол. форум. 2009. № 11. С. 370–407.

Лапина-Кратасюк Е. Г., Рублева М. В. Проекты сохранения личной памяти: цифровые архивы и культура участия // Шаги-Steps. 2018. Т. 4, № 3–4. С. 147–165.

Лебедев А. Информационные технологии и современная музейная экспозиция // Рос. эксперт. обозрение. 2007. № 6 (23). С. 30–35.

Леонов Е. Е. Исторический аспект появления и развития школьных музеев в России: периодизация, проблемы, особенности работы // Вестн. Кемер. гос. ун-та культуры и искусств. 2011. № 17/2. С. 39–49.

Линч К. Образ города. М. : Стройиздат, 1982. 328 с.

Лысенко О. Последствия Пермского культурного проекта (по материалам социологических исследований) // Неприкосновенный запас. 2016. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2016/1/posledstviya-permskogo-kulturnogo-proekta.html> (дата обращения: 01.10.2021).

Лысенко О. В. Патриоты и прогрессоры: конфликт как способ конструирования локальных дискурсов // Лабиринт. 2015. № 1. С. 91–119.

Люббе Г. В ногу со временем: О сокращении нашего пребывания в настоящем // Вопр. философии. 1994. № 4. С. 106–108.

Люббе Г. В ногу со временем: Сокращение нашего пребывания в настоящем / пер. с нем. А. Григорьева, В. Куренного ; под науч. ред. В. Куренного ; вступ. ст., сост., указ. В. Куренного, М. Румянцевой. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2016. 456 с.

Мазур Л. Н. Два пути Уральского университета: классический университет или политехнический институт? // Документальное наследие и историческая наука : материалы Урал. ист.-архив. форума, посв. 50-летию историко-архив. специальности в Урал. ун-те (Екатеринбург, 11–12 сент. 2020 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 740–752.

Мазур Л. Н. Документальная память: свойства, структура, проблемы актуализации // Архив в социуме — социум в архиве : материалы регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск : ОГАЧО, 2018. С. 13–17.

Макеева И. А. Школьный музей: история и перспективы // Педагогика: традиции и инновации : материалы II Международ. науч. конф. (г. Челябинск, октябрь 2012 г.). Челябинск : Два комсомольца, 2012. С. 125–127.

Макимова А. С. Развитие подходов к изучению музеев в социальных и гуманитарных науках // Журн. социологии и соц. антропологии. 2019. № 22(2). С. 118–146.

Макимова О. А. Самоидентификация и коллективная память поколений современного российского общества // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2014. Т. 156, № 6. С. 246–252.

Максимова Т. Е. Виртуальные музеи: анализ термина // Вестн. Рос. гос. гуманитарн-та. 2014. № 14. С. 163–169.

Малая Е. К. Капсула времени в постсоветском совхозе // Антропол. форум. 2020. № 47. С. 83–110

Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М. : Полит. энцикл., 2015. 207 с.

Малинова О. Ю. Неудобный юбилей: Итоги переосмысления «мифа основания» СССР в официальном историческом нарративе РФ // Полит. наука. 2017а. № 3. С. 13–39.

Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017б. № 4. С. 6–22.

Малинова О. Ю. Консолидация политических сообществ и проблема «неудобного прошлого»: опыт Европы и Азии: (Реферативный обзор) // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин : сб. науч. тр. / редкол.: М. В. Ильин (гл. ред.) и др. М. : ИНИОН РАН, 2010. Вып. 1 : Альтернативные модели формирования наций. С. 98–108.

Малмыгин А. С. Система социологических показателей социального события // Социол. альм. 2017. № 8. С. 406–415.

Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции / пер. Е. Я. Додина ; отв. ред. Л. В. Скворцов. М. : ИНИОН РАН, 2000.

Мастеница Е. Н. Социальные функции музея в глобальном мире // Тр. Санкт-Петербург. гос. ин-та культуры. 2015. Т. 210. С. 229–236.

Мастеница Е. Н. Феномен музея в философском наследии Н. Ф. Федорова // Вестн. Санкт-Петербург. гос. ин-та культуры. 2011. № 3. С. 137–142.

Мельникова Е. А. Руками народа: следопытское движение 1960–1980-х гг. в СССР // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 19–53.

Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб. : Изд-во «Питер», 2000. 336 с.

Миллер М. А. Новая индустриализация в контексте пространственного развития регионов // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Экономика». 2019. Т. 17, № 2. С. 185–193. DOI: 10.25513/1812–3988.2019.17(2).185–193.

Минайлов А. С. Как с помощью искусства можно оживить социально-экономическую сферу моногорода РФ // Инновационная наука. 2019. № 12. С. 75–78.

Митин И. И. Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов // Городские исследования и практики. 2017а. Т. 2 (3(8)). С. 64–79.

Митин И. И. Ментальные карты в гуманитарной географии: от ориентации на местности к картографированию пространственных мифов // Лабиринт: Журн. социал.-гуманитар. исслед. 2017б. № 2. С. 6–17.

Митин И. И. Ментальные карты как инструмент комплексного культурно-географического исследования: анализ подходов // Географ. вестн. 2018. № 4 (47). С. 21–33. DOI: <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2018-4-21-33>.

Молодчикова Л. П. Основы организации и работы школьно-политехнического музея (при обращении ФЗС и ШКМ) // Советский музей. 1933. № 1. С. 10–23.

Морозов И. А., Слепцова И. С. С пристрастием вглядываясь в прошлое: «ад» и «рай» советской эпохи в современных музейных нарративах // Журн. социологии и социал. антропологии. 2020. № 23 (5). С. 195–224. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.5.8>.

Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии : пер. с фр. М. : «Восточная литература» РАН, 1996. С. 83–222.

Музей для детей «Зеленка». Музей Модерна, Самара (реж. Д. Разумникова). 27 мая 2018 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9c5pmyBaWOs> (дата обращения: 09.07.2020).

Мураками Х. Кафка на пляже : роман / пер. с яп. И. И. С. Логачевых. М. : Эксмо, 2005.

Мурзина И. Я. Музей и школа: направления и перспективы сотрудничества // Человек в мире культуры. 2016. № 2. С. 27–30.

Мучник А. А. Ю. Беулов: Может, нам официально стоит называться оппозицией // Пятница. 2019. 15 авг. № 32. С. 3.

Мышева Т. П. Мультимедиа в музейном пространстве // Медиаобразование. Media Education. 2015. № 3. С. 65–71.

Наварро О. История и память в современном музее: несколько замечаний с точки зрения критической музеологии // Вопр. музеологии. 2010. № 2. С. 3–11.

Нагорная О. С., Никонова О. Ю., Хмелевская Ю. Ю. Методические материалы III Международной летней школы «Мировые войны в культурной памяти России и Германии» // Управление в современных системах. 2015. № 2 (6).

Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Среднеуральский меридиан: поляризация пространства старопромышленных регионов // Изв. Рус. географ. о-ва. 2020. Т. 152, № 5. С. 3–25.

Нечаев Д. Н., Селиванова Е. С. О «ржавом поясе» ЦФО: особенности промышленной деиндустриализации территорий Центральной России в 2001–2017 гг. // Среднерус. вестн. обществ. наук. 2018. Т. 13, № 2.

Николаи Ф. В. Память, нарратив и тактики самоидентификации ветеранов локальных конфликтов в России // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 238–250.

Николаи Ф. В. «Третья волна» memory studies: культурная память между опытом и репрезентацией // Диалог со временем. 2018. № 63. С. 369–374.

Николаи Ф. В. Солдаты новых войн в военной антропологии: по ту сторону героизма и виктимизации // Современные научные исследования и инновации. 2017а. № 1.

Николаи Ф. В. Полемика о травме и памяти в американских исследованиях культуры. М. : Флинта, 2017б. 184 с.

Николаи Ф. В., Хазина А. В. На перекрестках гендерных и визуальных исследований: концепция постпамяти М. Хёрш // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 162–170.

Новая индустриализация России: стратегические приоритеты страны и возможности Урала / под ред. С. Д. Бодрунова, Я. П. Силина, В. Т. Рязанова, Е. Г. Анимиды ; [отв. за вып. Е. Б. Дворядкина, С. Г. Пьянкова] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. 317 с.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция–память. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50.

Нуркова В. В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М. : Изд-во УРАО, 2000. 315 с.

Окунцов Ю. П. Златоуст и златоустовцы: Исторические очерки. Златоуст : ООО «ФотоМир», 2018. Т. 3. 413 с.

Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / пер. Д. Хлевнюк // Социол. обозрение. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–74.

Ольденбург Р. Третье место: кофейни, магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / пер. с англ. А. Широкановой. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 456 с.

Омельченко Е. Л., Андреева Ю. В. Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений // Социол. исслед. 2017. № 11. С. 147–156.

Орлова Г. А. Как смотреть на «город мирного атома» из социальной сети? Или в поисках утраченной современности // Социология власти. 2018. № 30 (3). С. 93–126.

Ортзанд Е. Шеелит: жизнь после смерти // Пятница. 2019. 15 авг. № 32. С. 1, 3.

Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М. : Новое лит. обозрение, 2005. 328 с.

Павлова Ю. В. Роль школьного образования в процессе формирования социальной памяти и коммеморативной культуры // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 10 (54). С. 447–455.

Павловский Б. В. Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала. М. : Искусство, 1975. 132 с.

Панарин С. А. Культурная жизнь в малом провинциальном моногороде Южного Урала // Русская провинция: pro et contra / под ред. У. Перси, А. В. Полонского. Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 93–110.

Паперно И. Б. Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах: опыт чтения. М. : Новое литературное обозрение, 2021. 317 с.

Паперно И. Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель // Новое лит. обозрение. 2004. № 68.

Пилипенко Е. В., Гринюк К. П. Региональная стратегия «неоиндустриализации» // Интернет-журнал «Науковедение». Т. 7, № 1. 2015. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/80EVN115.pdf> (доступ свободный). DOI: 10.15862/80EVN115.

Позднякова Ю. Елизавете Федоровне установили царский памятник // Коммерсант-Урал. Екатеринбург. 2017. 30 июня. № 116. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3338616> (дата обращения: 05.03.2021).

Политика аффекта. Музей как пространство публичной истории / под ред. А. Завадского [и др.]. М. : Новое лит. обозрение, 2019. 400 с.

Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы : акторы, институты, нарративы : коллектив. моногр. / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. 630 с.

Полюшкевич М. А. Память и забвение в истории малых городов Сибири: представления разных поколений // Культурная память и культурная идентичность : материалы Всерос. (с международным участием) науч. конф. молодых ученых (XI Колосницынские чтения). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 147–152.

Посвятенко Ю. В. К вопросу о реновации индустриальной архитектуры России // Научное обозрение. 2016. № 17. С. 70–73.

Проект «Школьный музей — хранитель памяти». Материалы для конкурса школьных музеев Муниципального образования город Алапаевск / Т. Н. Панова (рук. шк. музея МБОУ СОШ № 5), А. Абубакирова (10 кл.), К. Абрамова (9 кл.). Алапаевск, 2013 (не опубликовано).

Прудникова А. «Искусство «очеловечивает» бизнес, дает ему энергию и драйв // Деловой квартал. 11.03.2021. URL: <https://ekb.dk.ru/news/237148395> (дата обращения: 05.03.2021).

Прямикова Е. В. Варианты развития школьного музея // Аудиовизуальная платформа современной культуры : материалы Международ. науч. конф. (в рамках XV Колосницынских чтений). Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2020. С. 347–355.

Прямикова Е. В. Варианты развития школьного музея // Аудиовизуальная платформа современной культуры : материалы Международ. науч. конф. (в рамках XV Колосницынских чтений), 20–21 ноября 2020 г. / под науч. ред. Н. Б. Кирилловой ; отв. ред. Н. А. Симбирцева. Екатеринбург : [б. и.], 2020. 1 CD-ROM. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44634041_32697427.pdf (дата обращения: 05.03.2021).

Прямикова Е. В., Вандышев М. Н., Веселкова Н. В. (Де)индустриализация малых и средних городов Урала: опыт мультискалярного анализа // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : сб. докл. VI Всерос. социол.

конгр. (Тюмень, 14–16 окт. 2020 г.) / отв. ред. В. А. Мансуров ; ред. Е. Ю. Иванова. М. : РОС ; ФНИСЦ РАН, 2020. 6003 с. 1 электрон. опт. диск 12 см. (CD-ROM). С. 5503–5510. DOI: 10.19181/kongress.2020.645.

Прямикова Е. В., Куренбина О. А. Великая Отечественная война в памяти студентов УрГПУ // *Вопр. всеобщей истории*. 2019а. № 23. С. 371–379.

Прямикова Е. В., Куренбина О. А. Символы России в социальной памяти студентов // *Теория и практика общественного развития*. 2019б. № 4 (134). С. 60–64.

Пугач О. В. Музейная педагогика: проблемы и перспективы развития // *Вестн. Донец. пед. ун-та*. 2017. № 2. С. 178–186.

Путилова Е. С. Влияние деиндустриализации на социальную структуру населения и человеческий капитал старопромышленных городов уральского экономического района // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5 : География*. 2018. № 6. С. 94–99.

«Работа над прошлым»: XX век в памяти и коммуникации послевоенных поколений Германии и России / ред. О. Нагорная, И. Нарский, О. Никонова, Ю. Хмелевская. Челябинск : Каменный Пояс, 2014. 296 с.

Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. М. : Изд. дом Выс. шк. экономики, 2019. 221 с.

Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История. М. : Индрик, 2001.

Рафаэль Ф. Работа памяти: воссоздание прошлого перед лицом вызова современности // *Проблемы теоретической социологии*. Вып. 2 / под ред. проф. А. О. Бороноева. СПб. : Изд-во Санкт.-Петербург. ун-та, 1996. С. 217–232.

Резванов Р. Маркс и Красноярск (Marks and Krasnoyarsk) (September 7, 2018) // *Сибирский форум. Интеллектуальный диалог*. 2018. № 5 (67). С. 10–11.

Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания: (историографические заметки). М. : ГУ ВШЭ, 2003а. 44 с.

Репина Л. П. Образы прошлого в памяти и истории // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени* / отв. ред. Л. П. Репина. М. : Кругъ, 2003б. С. 9–18.

Решетникова М. И. Феноменологические концепции музея в трудах исследователей на рубеже XIX–XX вв. // *Педагогическое образование и наука*. 2010. № 12. С. 34–37.

Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с фр. М. : Изд-во гуманитар. лит., 2004. 728 с.

Рожанский М. Сибирь как пространство памяти : моногр. Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2014. 180 с.

Рождественская Е. Биографическая работа по возвращению смысла: истории жизни остарбайтеров. У пошуках власного голосу: Усна історія, як теорія, метод та джерело : зб. наук. ст. / За ред. Г. Грінченко, Н. Ханенко-Фрієзен. Харків, 2010. С. 25–38.

Рожественская Е. Ю. Словами и телом: травма, нарратив, биография // Травма: Пункты : сб. ст. под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М. : Новое лит. обозрение, 2009. С. 108–132.

Рожественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. 386 с.

Рожественская Е., Семенова В. Социальная память как объект социологического изучения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. № 6. С. 27–28.

Романова О. А. Инновационная парадигма новой индустриализации в условиях формирования интегрального мирохозяйственного уклада // Экономика региона. 2017. Т. 13, № 1.

Романова О. А., Бухвалов Н. Ю. Реиндустриализация как определяющая тенденция экономического развития промышленных территорий // Фундамент. исслед. 2014. Т. 1, № 6.

Романов П., Ярская-Смирнова Е. Визуальная антропология: городские карты памяти. М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. 312 с.

Ростовская О. М. Феномен городской памяти: социально-философский анализ // Изв. Нац. акад. наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. 2019. Т. 64, № 1. С. 33–40.

Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Вып. 7. 2001.

Саганенко Г. И. Сопоставление несопоставимого: обоснование сравнительного исследования на базе открытых вопросов // Социол. журн. 1998. № 3–4. С. 144–156.

Саганенко Г. И. Системы, форматы и познавательный потенциал открытых вопросов // Журн. социологии и социал. антропологии. 2001. Т. 4. С. 171–194.

Саганенко Г. И., Воронцова О. А. Представления молодежи о стране эпохи СССР // Социология: методология, методы и математическое моделирование. 2008. № 27. С. 158–187.

Селезнев П. С., Соснило А. И. Шестой технологический уклад и индустриализация // Власть. 2014. № 10.

Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М. : РОССПЭН, 2009. 271 с.

Серто М де. Изобретение повседневности. 1 : Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб. : Изд-во Европей. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Региональные аспекты новой индустриализации // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 3. С. 684–696.

Скуденков Е. В. Социальная идентичность, консолидация и коллективная память в малом городе Сибири // Культурная память и культурная идентичность : материалы

Всерос. (с международным участием) науч. конф. молодых ученых (XI Колосницынские чтения). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 343–346.

Соболевская О. В. Память как участие: Как личные архивы конструируют новую историю // Научно-образовательный портал IQ ВШЭ. 16.01.2019. URL: <https://iq.hse.ru/news/231962189.html> (дата обращения: 05.03.2021).

Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике : коллектив. моногр. ; под общ. ред. Х. Беркинга, М. Лёв. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 424 с.

События прошлого в исторической памяти молодежи национальных регионов Приволжского федерального округа / С. В. Полутин, А. В. Булавин, О. Е. Зубов, Т. В. Нагаева // Регионоведение. 2021. Т. 29, № 1. С. 191–215. DOI: 10.15507/2413–1407.114.029.202101.191–215.

Солонина Н. С., Шипицына О. А. Историко-архитектурный потенциал индустриального наследия Среднего Урала // Архитектон : изв. вузов. 2015. № 2 (50). С. 99–117. URL: http://archvuz.ru/2015_2/8 (дата обращения: 05.03.2021).

Спасибо прадеду за Победу... : монография по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020 гг.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. 352 с.

Старостова Л. Э. Уральская индустриальная биеннале в ракурсе пространственной коммуникации с идентичностью города // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы : материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 2014). Екатеринбург : [УрФУ], 2014а. С. 56–60.

Старостова Л. Э. Уральская индустриальная биеннале современного искусства как поиск территориальной идентичности // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2014б. № 4 (132). С. 100–112.

Страхова Н. В., Харитонова Л. А. Музеи образовательных организаций: время перемен (на примере школьных музеев Ярославской области) // Таймырский краеведческий музей. URL: <http://www.taimyr-museum.ru/strahova-nv-haritonova-la-muzei-obrazovatelnyh-organizacij-vremya-peremen-na-primere-shkolnyh-muzeev> (дата обращения: 09.07.2020).

Стрельникова А. В. Методология, методы и процедуры изучения городского пространства // Лаборатория социолога: из опыта полевых исследований : учеб. пособие / под ред. В. А. Ядова. М. : Таус, 2008. С. 58–78.

Стрельникова А. В. Социальное картографирование: эволюция метода // Вестн. РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2013. № 2. С. 210–217.

Стрельникова А., Ваньке А. Полевое исследование индустриального района: стратегии сбора и анализа визуальных данных // INTER. 2017. № 13. С. 51–72.

Терентьев Е. А. Переименование советских топонимов в Санкт-Петербурге: анализ публичных дискуссий // Журн. социологии и социал. антропологии. 2015. Т. 18, № 2. С. 72–86.

Тимофеев М. Ю. Музеефикация СССР // Лабиринт: Журнал социал.-гуманитар. исслед. 2014. № 5. С. 25–33.

Тимофеева Т. Если бы Ангарск был человеком // Байкальская Сибирь: Фрагменты социокультурной карты : альманах-исследование / отв. ред. М. Я. Рожанский. Иркутск : [Б. и.], 2002а. С. 117–122.

Тимофеева Т. Психологическая карта Ангарска // Там же. Иркутск : [б. и.], 2002б. С. 127–131.

Тимофеева Т. Н. Когнитивные карты города Кяхта // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2, № 1. С. 53–64.

Тоффлер Э. Третья волна. М. : ООО «Фирма “Издательство АСТ”», 1999.

Травма: пункты : сб. ст. / сост., ред. Е. Трубина, С. Ушакин. М. : Новое лит. обозрение, 2009. 930 с.

Троицкая А. А. Маркируя место: роль пустых пространств в ментальных границах города (на примере устья реки Смоленки) // Журнал фронтирных исследований. 2020. № 4. С. 344–381.

Трубина Е. Г. Примиряясь с упадком: руины 2.0 // Неприкосновенный запас. 2013. № 3. С. 175–194.

Трубина Е. Полис и мегасобытия // Отечеств. зап. 2012. № 3 (48). С. 108–119.

Уинтер Дж. Война, память, воспоминание / пер. с англ. А. Хазиной, Ф. Николаи // Диалог со временем. 2016. № 56. С. 5–15.

Февр Л. Бои за историю / пер. А. А. Бобовича, М. А. Бобовича, Ю. Н. Стефанова ; ст. А. Я. Гуревича ; коммент. Д. Э. Харитоновича. М. : Наука, 1991.

Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Собр. соч. : в 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 370–422.

Филиппов А. Посмертный архив // Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? : сб. ст. / под ред. И. М. Каспэ. М. : Новое лит. обозрение, 2013. С. 388–390.

Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства / пер. с англ. М. : Strelka Press, 2014. 368 с.

Франция — память / П. Нора, М. Озуф, Ж. Пюимеж де, М. Винок ; пер. с фр. Д. Хапаевой ; науч. конс. пер. Н. Копосов. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1999. 328 с. (Новая петербургская библиотека: Коллекция «Память века»).

Хаботина Д. В. Биеннале современного искусства как место актуализации культурной памяти // Культурная память и культурная идентичность : материалы Всерос. (с международным участием) науч. конф. молодых ученых (XI Колосницынские чтения). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 191–196.

Хайрулина Я. Р., Душин А. В., Ляпцев Г. А. Деиндустриализация российской экономики: проблемы и возможности // Изв. УГТУ. 2016. Вып. 4 (44). С. 80–83. DOI: 10.21440/2307-2091-2016-4-80-83.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя : Россия, Германия, Европа. М. : Новое лит. обозрение, 2005. С. 16–50.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.

Хаттон П. Х. История как искусство памяти / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб. : «Владимир Даль», 2003. 424 с.

Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 416 с.

Хириш М., Спитцер Л. Скромные шаги по возмещению: из невестребованного наследия Холокоста в Румынии // Историческая экспертиза. 2018. № 3 (16). С. 20–44.

[Хириш М.] Что такое постпамять / пер. К. Харлановой // Уроки истории : (Науч.-популяр. проект Международ. мемориала об истории двадцатого века и культуре исторической памяти). 2016. 17 июня. URL: <https://urokiistorii.ru/articles/chto-takoe-postpamyat> (дата обращения: 05.03.2021).

Хитыков Н. А. Школьный музей: Его значение и организация. Киев, 1913.

Хлевнюк Д. Сценарии работы с трудным прошлым: социология исторической памяти. 20 дек. 2019 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5SV04h34U44> (дата обращения: 05.03.2021).

Хлевнюк Д., Юдин Г. Отчет по исследованию «Моральные дилеммы XX века». М., 2019 // Преодоление трудного прошлого: сценарии для России. URL: <http://trudnaya-ramyat.ru/> (дата обращения: 05.03.2021).

Хмелевская Ю. Ю. Историки и «полезное прошлое»: к вопросу о дисциплинарных границах и дисциплинирующих функциях истории в современном обществе // Вестн. Перм. ун-та. 2016. № 1 (32). С. 162–173.

Царицынский школьный музей: Каталог учебных пособий Царицынского школьного музея. Царицын, 1912.

Чайко Д. С. Современные тенденции нового использования исторических промышленных объектов // Международ. науч.-исслед. журн. 2016. № 3 (45). Ч. 5. С. 47–52.

Чепайтене Р. Культурное наследие в глобальном мире. Вильнюс : ЕГУ, 2010. 296 с.

Чепайтене Р. Современные проблемы охраны урбанистических ландшафтов Литвы // Ландшафтоведение: теория, методы, ландшафтно-экологическое обеспечение природопользования и устойчивого развития : материалы XII Международ. ландшафт. конф., Тюмень — Тобольск, 22–25 августа 2017 г. Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2017. С. 96–100.

Чепайтене Р. Стратегии и проблемы охраны наследия тоталитарных режимов // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «История». 2016. № 2 (33). С. 14–27.

Черкаева О. Е. Вопросы терминологии: «музейная сеть» и «музейный ландшафт» // Вестн. СПбГИК. 2018. № 3 (36). С. 90–94.

Черныш М. Ф. Противоречия становления социального партнерства // Социол. исслед. 2004. № 6. С. 16–26.

Широкова Д. Д. Влияние БАЭС на окружающую среду и биологическая реабилитация водохранилища : дипломная работа / ФГБОУ ВПО «Уральский государственный горный университет», 2015 // Refleader.ru. URL: <http://refleader.ru/jgebewqasatyqas.html> (дата обращения: 05.03.2021).

Шляхова С. С., Лекторова Ю. Ю., Прудников А. Ю. PR пермского периода: региональные коммуникации и территориальная идентичность в исторической ретроспективе. Пермь : Перм. нац. исслед. политехн. ун-т, 2018. 338 с.

Шмит Ф. И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. Л. : ACADEMIA, 1929.

Шоломова Т. В. Футуристические прогнозы и письма потомкам как способы взаимодействия с будущим // Контур будущего: технологии и инновации в культурном контексте : коллектив. моногр. / под ред. Д. И. Кузнецова, В. В. Сергеева, Н. И. Алмазовой, Н. В. Никифоровой. СПб. : Астерион, 2017. С. 16–20.

Штомпка П. Социальные изменения как травма (статья вторая) // Социол. исслед. 2001а. № 1. С. 6–16.

Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Там же. 2001б. № 2. С. 3–12.

Штомпка П. Социология: анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М. : Логос, 2005. 655 с.

Шуман Г., Корнинг Э. Д. Коллективное знание об общественно значимых событиях // Отечественные записки. 2005. № 3. URL: https://strana-oz.ru/2005/3/kollektivnoe-znaniye-ob-obshchestvenno-znachimyh-sobytiyah#s* (дата обращения: 05.03.2021).

Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социол. исслед. 1992. № 2. С. 47–60.

Шурек Ж.-Ш. Память и тоталитаризм: французские дебаты // Неприкосновенный запас. 2002. № 2 (22). URL: <http://nlo.magazine.ru/philosoph/inostr/inostr39.html> (дата обращения: 05.03.2021).

Шушаричев Л. К. Уральская индустриальная биеннале: трансформация понятия «индустриальность» // Многомерность общества: человек в социальном взаимодействии. 2018. С. 70–73.

Щербаков А. Ю. Становление региональной идентичности Челябинской области: проблема периодизации // Социум и власть. 2014. № 4 (48). С. 65–75.

Эко У. Маятник Фуко / пер. с итал. Е. А. Костюкович. СПб. : Симпозиум, 2004. 736 с.

Эппле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М. : Новое лит. обозрение, 2020. 571 с.

Юдина М. А. Индустрия 4. 0: перспективы и вызовы для общества // Государственное управление : электрон. вестн. 2017. № 60. С. 197–215.

Юдина Т. Н. Деиндустриализация и новая индустриализация (реиндустриализация): Россия и Китай // Теоретическая экономика. 2015. № 1 (25).

Юрайт У. Поколение и память. Концептуальные размышления о поколенческих аспектах процессов воспоминаний и самотематизации // «Работа над прошлым»: XX век в памяти и коммуникации послевоенных поколений Германии и России / под ред. О. С. Нагорной и др. Челябинск : Каменный пояс, 2014. С. 14–27.

Юхневич М. Ю. Образовательный музей (педагогический, школьный, детский). М. : СТОиК, 2007. 167 с.

Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей : учеб. пособие по музейной педагогике. М. : Рос. ин-т культурологии, 2001. 223 с.

«Я действительно считаю, что личный опыт может служить лабораторией для исследований и теоретических рассуждений»: Интервью с М. Хирш // Историческая экспертиза. 2018. № 3 (16). С. 11–19.

Ядов В. А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. М. : Academia, 2002. С. 349–363.

Янковская Г. А. Локальный фундаментализм в культурных войнах за идентичность // Там же. Сер. «Политология». 2013. № 2. С.

Янковская Г. А. Молотовский коктейль для травмированного сообщества // Вестн. Перм. ун-та. Серия «История». 2012. № 2. С. 152–159.

A psychological map of New York City / S. Milgram, J. Greenwald, S. Kessler, W. McKenna, J. Waters // American scientist. 1972. Vol. 60, № 2. P. 194–200.

Abramov R. New Trends in the Museumification of the Soviet Past in Russia (2008–2018) // Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society. 2018. No. 1. P. 183–212.

Alderman D. H., Dwyer O. D. A Primer on the Geography of Memory: The Site and Situation of Commemorative Landscapes // Commemorative Landscapes of North Carolina. Documenting the American South. University Library, The University of North Carolina at Chapel Hill. 2014. URL: https://docsouth.unc.edu/commland/features/essays/alderman_two/ (accessed: 05.03.2021).

Alderman D. H. Street Names and the Scaling of Memory: The Politics of Commemorating Martin Luther King Jr. within the African American Community // Area. 2003. Vol. 35, № 2. P. 163–173.

Appleyard D. Styles and methods of structuring a city // Environment and Behavior. 1970. Vol. 2, No. 1. P. 100–117.

Assmann A. “Re-Framing Memory: Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past” // Tilmans, van Vree and Winter (eds.), Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe. Amsterdam University Press. 2010. P. 35–50.

Assmann A. Transformations of the Modern Time Regime // Breaking up time: negotiating the borders between present, past and future / ed. by Chris Lorenz... Göttingen [u. a.] : Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. P. 39–56.

Beck U., Levy D., Sznaider N. Cosmopolitization of Memory: The Politics of Forgiveness and Restitution // *Cosmopolitanism in Practice* / Ed. by M. Nowicka, M. Rovisco. London : Ashgate, 2009. P. 111–127.

Brenner B. “Globalisation as Reterritorialisation: The Re-scaling of Urban Governance in the European Union”. *Urban Studies*. 1999. 36/3. P. 431–451.

Buhr D. Social innovation policy for Industry 4.0. Friedrich-Ebert-Stiftung, Division for Social and Economic Policies. 2015.

Bull A. C., Hansen H. L. On Agonistic Memory // *Memory Studies*. 2016. 9(4). P. 390–404.

Burton C., Scott C. Museums: challenges for the 21st century // *Museum management and marketing*. London : New York, 2007. P. 49–66.

Busa A. City of memory // *Encyclopedia of urban studies* / ed. by R. Hutchison. Los Angeles ; London ; New Delhi : Sage, 2010. P. 158–160.

Busa A. The Creative Destruction of New York City: Engineering the City for the Elite. New York : Oxford University Press, 2017.

Collective Memories in War / E. Rozhdestvenskaya, V. Semenova, I. Tartakovskaya, K. Kozela (eds). London : Routledge, Taylor & Francis Ltd, 2016. 196 p.

Connerton P. How Modernity Forgets. Cambridge : Cambridge University Press, 2009.

Corning A., Gaidys V., Shuman H. Transformative events and generational memory: A case study over time in Lithuania // *Sociological Forum*. 2013. 28. P. 373–394. DOI: 10.1111/socf.12023.

Corning A., Schuman H. Generations and collective memory. Chicago : University of Chicago Press, 2015.

Cowie J., Heathcott J. Beyond the Ruins: The Meanings of Deindustrialization. Ithaca, NY, 2003.

Cultural Trauma and Collective Identity / J. C. Alexander, R. Eyerman, B. Giesen, N. J. Giesen, P. Sztompka. Berkeley : University of California Press, 2004.

Di Pasquale C. The massacre-centred memory of Sant’Anna di Stazzema, Italy // *Memory Studies*. 2020. 13(4). P. 708–721.

Downs R. M., Stea D. (eds.) Image and Environment. Cognitive Mapping and Spatial Behavior, Aldine Transaction, New Brunswick, NJ, and London, UK. 1977.

Dyson K. The Cultural, Ideological and Structural Context, in Dyson, K., Wilks (Ed.): *Industrial Crisis, A Comparative Study of the State and Industry*. Oxford, 1983. P. 26–66.

Eichel H., Fink Ph., Rüther P. Preface // Buhr D. Social Innovation Policy for Industry 4.0. Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung, Division for Social and Economic Policies. 2015. P. 2.

Elias N. Time: An Essay. Oxford : Blackwell, 1992. 216 p.

Emery J. ‘That once romantic now utterly disheartening (former) colliery town’: the affective politics of heritage, memory, place and regeneration in mansfield, UK. *J. Urban Cult. Stud.* 2020. 6. P. 219–240. DOI: 10.1386/jucs_00011_1.

Emery J. Belonging, memory and history in the north nottinghamshire coalfield. *J. Hist. Geogr.* 2018. 59. P. 77–89. DOI: 10.1016/j.jhg.2017.11.004.

Emery J. Geographies of deindustrialization and the working-class: industrial ruination, legacies, and affect. *Geogr. Compass* 13: e12417. 2019. DOI: 10.1111/gec3.12417.

Fivush R. Autobiographical memory // *Research methods for memory studies* / Ed. by E. Keightley, M. Pickering. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2013. P. 13–28.

Fivush R. The development of autobiographical memory // *Annual Review of Psychology*. 2011. 62. P. 559–582. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.121208.131702>.

Foot J. Italy's Divided Memory. New York : Palgrave MacMillan, 2009.

Ghahremani H., Asadi N. Investigating the role of collective memory in urban renewal plans (case study: Shohada square's Great Project-Mashhad-Iran). In *FUPS2018; First International Conference on Future of Urban Public Spaces*. 2018. Sept.

Giovanardi M. A Multi-scalar Approach to Place Branding: The 150th Anniversary of Italian Unification in Turin. *European Planning Studies*. 2015. 23 (3). P. 597–615.

Gould P., White R. Mental Maps, Pelican Books, Harmondsworth, UK. 1974, 1986.

Gundaker G. At home on the other side: African American burials as commemorative landscapes // *Places of Commemoration: Search for Identity and Landscape Design* / ed. J. Wolschke-Bulmahn. Washington, 2001. P. 25–54.

Gurvitch G. The Spectrum of Social Time. Dordrecht — Holland : D. Reidel Publishing company, 1964.

Hagen J. Theorizing Scale in Critical Place-Name Studies // *ACME*. 2011. Vol. 10, № 1. P. 23–27.

Hanna S. P., Hodder E. F. Reading the commemorative landscape with a qualitative GIS // *Social memory and heritage tourism methodologies* / ed. S. P. Hanna, A. E. Potter, E. A. Modlin, P. Carter, D. L. Butler. New York, 2015.

Herf J. Divided Memory: The Nazi Past in the Two Germanys. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1997.

Hirsch M. “Family Pictures: Maus, Mourning, and Post-Memory,” *Discourse*. 1992. № 15 (2). P. 3–29.

Hirsch M. “Surviving Images: Holocaust Photographs and the Work of Postmemory,” in *Visual Culture and the Holocaust*, edited by Barbie Zelizer. 2001. P. 146–214 (New Brunswick, NJ : Rutgers University Press).

Hirsch M. Family Frames: Photographs, Narrative and Postmemory. London : Routledge. 1997.

Hirsch M. The generation of post-memory. *Poetics Today*. 2008. 29(1). P. 103–129.

Hoogesteger J., Verzijl A. Grassroots Scalar Politics: Insights from Peasant Water Struggles in the Ecuadorian and Peruvian Andes // *Geoforum*. 2015. Vol. 62. P. 13–23.

How virtualization, decentralization and network building change the manufacturing landscape / M. Brettel, N. Friederichsen, M. Keller, M. Rosenberg // *An Industry 4.0 Per-*

spective. International Journal of Mechanical, Industrial Science and Engineering. 2014. 8(1). P. 37–44.

Isin E. F. “City. State: Critique of Scalar Thought”. Citizenship Studies. 2007. 11:2. P. 211–228. DOI: 10.1080/13621020701262644.

Itikawa M., Santiago S. B. A Systematic Review on Industry 4.0 Maturity Metrics in the Manaus Free Trade Zone // International Journal of Advanced Engineering Research and Science (IJAERS). 2021. Vol. 8, Iss. 1. Jan.–Feb. P. 32–47. DOI: <https://dx.doi.org/10.22161/ijaers.81.6>.

Itikawa M., Santiago S. B. A Systematic Review on Industry 4.0 Maturity Metrics in the Manaus Free Trade Zone // International Journal of Advanced Engineering Research and Science (IJAERS). 2021. Vol. 8, Iss. 1; Jan.–Feb. P. 32–47. DOI: <https://dx.doi.org/10.22161/ijaers.81.6>.

Jarvis W. Time Capsules: A Cultural History. Jefferson, NC : McFarland & Company, 2002. 329 p.

Jodelet, D., Milgram, S. Psychological maps of Paris // Proshansky H. M., Ittelson W., & Rivlin L. G. (Eds.), Environmental Psychology: People and their Physical Settings. New York, United States of America : Holt, Rinehart & Winston. P. 104–124.

Jureit U. Generationen als Erinnerungsgemeinschaften / U. Jureit, M. Wildt (Eds.) // Generationen: Zur Relevanz eines wissenschaftlichen Grundbegriffs. Hamburg : Hamburger Edition, 2005. P. 244–265.

Kaiser R., Nikiforova E. Borderland spaces of identification and dis/location: multiscalar narratives and enactments of Seto identity and place in the Estonian/Russian borderlands // Ethnic and Racial Studies. 2006. No 25. P. 928–958.

Keightley E., Pickering M. Memory and the Management of Change. Repossessing the Past. Cham : Palgrave Macmillan, 2017.

Keightley E., Pickering M. Technologies of memory: Practices of remembering in analogue and digital photography. New Media & Society. 2014. 16 (4). P. 576–593.

Keightley E., Pickering M. The Mnemonic Imagination and Second-Generation Migrant Experience // Zittoun T. & Glaveanu V. P. (Eds.). Handbook of Imagination and Culture. Oxford : Oxford University Press, 2018. P. 167–186.

Keightley E., Pickering M. The Mnemonic Imagination: Remembering as Creative Practice. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2012.

Knowledge management, knowledge transfer and organizational performance in the arts and crafts industry: A literature review / V. Manfredi Latilla, F. Frattini, A. Messeni Petruzzelli, M. Berner // J. Knowl. Manag. 2018. № 22 (6). P. 1310–1331.

Kochukhova E. S. Transformation of Museum Communication through Art Mediation: The Case of the 4th Ural Industrial Biennial of Contemporary Art // Changing Societies & Personalities. 2019. Vol. 3, Iss. 3. P. 258–272.

Krawatzek F. Which History Matters? Surveying Russian Youth and Their Understandings of the Past, Problems of Post-Communism. 2020. DOI: 10.1080/10758216.2020.1753081.

Kudrnáč P. L. A. Was Life Good in Communist Czechoslovakia? An Empirical Test of Halbwachs's Theory of Collective Memory // *Sociológia*. 2018. T. 50, № 3. С. 289–310.

Ladd F. Black Youths View Their Environment: Neighborhood Maps // *Environment and Behavior*. 1970. P. 74–99.

Leavy P. The Memory-History-Popular Culture Nexus: Pearl Harbor As a Case Study in Consumer-Driven Collective Memory // *Sociological Research Online*. 2005. Vol. 10, Iss. 1, URL: <http://www.socresonline.org.uk/10/1/leavy.html> (accessed: 05.03.2021)

Levy D., Sznajder N. Memory Unbound: The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory. *European Journal of Social Theory*. 2002. 5 (1). P. 87–106.

Levy D., Sznajder N. The cosmopolitization of Holocaust memory: From Jewish to human experience // *Sociology confronts the Holocaust. Memories and identities in Jewish diasporas* / Ed. by J. Gerson, D. Wolf. Durham, NC : Duke University Press, 2007. P. 313–330.

Levy D., Sznajder N. The Holocaust and Memory in the Global Age. Philadelphia: Temple University Press, 2006. 234 p.

Lewicka M. Place attachment, place identity, and place memory: Restoring the forgotten city past. *Journal of environmental psychology*. 2008. 28 (3). P. 209–231.

Lewicka M. Place attachment: How far have we come in the last 40 years?. *Journal of environmental psychology*. 2011. 31 (3). P. 207–230.

Lewicka M. What makes neighborhood different from home and city? Effects of place scale on place attachment // *Journal of environmental psychology*. 2010. № 30(1). P. 35–51.

Lorek M. “It Did Not Affect Me”: The (IR) Relevance of the German Reunification in Autobiographical Narratives of East Germans // *Symbolic Interaction*. 2018. 41 (2). P. 210–226.

Łuczewski M., Bednarz-Łuczewska P. Memory cultures and politics of history. A plea for Polish-Russian cooperation // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2011. № 6. С. 7–13.

Łuczewski M., Bednarz-Łuczewska P., Maślanka T. The politics of history in Poland and Germany // *Rozhdestvenskaya E., Semenova V., Tartakovskaya I., Kozela K.* (eds). *Collective Memories in War*. London : Routledge, Taylor & Francis Ltd, 2016. P. 11–17.

Lynch K. *The Image of the City* (M.I.T. and Harvard Univ. Press, Cambridge, Mass., 1960. 194 p.

Macdonald S. *Memorylands: Heritage and Identity in Europe Today*. L. ; N. Y. : Routledge, 2013. 320 p.

Mah A. *Industrial ruination, community, and place: Landscapes and legacies of urban decline*. Toronto : University of Toronto Press, 2012. 204 p.

Mah A. Memory, uncertainty and industrial ruination: Walker Riverside, Newcastle upon Tyne. *International Journal of Urban and Regional Research*. 2010. 34 (2). P. 398–413. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2010.00898.x>.

Maher K. H., Carruthers D. Urban Image Work // *Urban Affairs Review*. 2014. Vol. 50, № 2. P. 244–268.

Manzo L., Devine-Wright P. Place Attachment: Advances in Theory, Methods, and Applications (London, New York : Routledge). 2021. 286 p.

Marston S. A. “The Social Construction of Scale” // *Progress in Human Geography*. 2000. 24, 2. P. 219–242.

Marston S. A., Smith N. “States, scales and households: limits to scale thinking? A response to Brenner” // *Progress in Human Geography*. 2001. 25. P. 615.

Massey D. For space. London : Sage, 2005. 232 p.

Matthews M. H. Environmental Cognition of Young Children: Images of Journey to School and Home Area // *Transactions of the Institute of British Geographers, New Series*. 1984. Vol. 9, No. 1. P. 89–105.

Mayes T. M. Why Old Places Matter: How Historic Places Affect Our Identity and Well-Being. Rowman & Littlefield. 2018. 168 p.

Merton R. K. Socially Expected Durations: A Case Study of Concept Formation in Sociology // *Powell W. W., Robbins R. (eds.). Conflict and Consensus: In Honor of Lewis A. Coser*, New York : Free Press, 1984. P. 262–283.

Milgram S. The Experience of Living in Cities // *Science. New Series*. Mar. 13, 1970. Vol. 167, No. 3924. P. 1461–1468.

Morrar R., Arman H., Mousa S. The Fourth Industrial Revolution (Industry 4.0): A Social Innovation Perspective. *Technology Innovation Management Review*. 2017. 7 (11). P. 12–20.

MYPLACE (Memory, Youth, Political Legacy and Civic Engagement) 2017. URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/266831> (accessed: 05.03.2021).

Nielsen E. H., Simonsen K. Scaling from «Below»: Practices, Strategies and Urban Spaces // *European Planning Studies*. 2003. Vol. 11, № 8. P. 911–927.

Oancă A. Europe is not elsewhere: the mobilization of an immobile policy in the lobbying by Perm (Russia) for the European capital of culture title // *European Urban and Regional Studies*. 2015. 22 (2). P. 176–190.

Paperno I. Personal Accounts of the Soviet Experience // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3, № 4.

Paperno I. Stories of the Soviet Experience. Memoirs, Diaries, Dreams. Itaka, London : Cornell University Press, 2009. 285 p.

Paperno I. What Can Be Done with Diaries // *The Russian Review*. 2004. No 63. Oct. P. 561–573.

Pickering M., Keightley E. Communities of memory and the problem of transmission. *European Journal of Cultural Studies*. 2013a. 16 (1). P. 115–131.

Pickering M., Keightley E. Vernacular remembering // *Keightley E., Pickering M. (eds.)*. 2013b. P. 97–112.

Plate L., Smelik A. (Eds.). Performing memory in art and popular culture. 2013. Vol. 48. Routledge.

Pocock D. C. D. Some characteristics of mental maps: an empirical study // *Transactions of the Institute of British Geographers, New Series*. 1976. Vol. 1, No. 4. P. 493–512.

Prusik M., Lewicka M. Nostalgia for Communist Times and Autobiographical Memory: Negative Present or Positive Past? // *Political Psychology*. 2016. 37 (5). P. 677–693.

Pryamikova E., Vandyshchev M. Multimedia Practices in Corporate Museums: Tribute to Fashion or Canon Transformation // *Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism As Preconditions for New Creativity*. Ekaterinburg : Ural Univ. Press, 2020. P. 734–744.

Rannila P. Scale and the Construction of Urban Space: Temporary Re-scaling in Lahti, Finland, during the European Union Meeting of 2006 // *Norwegian Journal of Geography*. 2011. Vol. 65, № 2. P. 93–103.

Rojko A. “Industry 4.0 Concept: Background and Overview.” *International Journal of Interactive Mobile Technologies (IJIM)*. 2017. 11 (5). DOI: 77–90.10.3991/ijim.v11i5.7072.

Rosa H. Jedes Ding hat keine Zeit? Fle-xible Menschen in rasenden Verhältnissen // *Zeitgewinn und Selbstverlust. Folgen und Grenzen der Beschleunigung* / V. King, B. Gerisch (Hg.). Frankfurt-am-Main ; New York, 2009.

Rose-Redwood R., Alderman D. “Critical Interventions in Political Toponymy,” *ACME / International E-Journal for Critical Geographies*. 2011. 10 (1). P. 1–6.

Schuman H., Corning A. Collective and autobiographical memory: Similar but not the same // *Memory Studies*. 2014. 7. P. 146–160. DOI: 10.1177/1750698013508196.

Schuman H., Corning A. D. Collective knowledge of public events: The Soviet era from the great purge to glasnost // *American Journal of Sociology*. 2000. 105 (4). P. 913–956. Сокр. рус. перевод: Шуман Г., Корнинг Э. Д. Коллективное знание об общественно значимых событиях // *Отечественные записки*. 2005. № 3. URL: https://strana-oz.ru/2005/3/kollektivnoe-znanie-ob-obshchestvenno-znachimyh-sobytyah#s* (дата обращения: 05.03.2021).

Schuman H., Corning A. Generational memory and the critical period: Evidence for national and world events // *Public Opinion Quarterly*. 2012. 76. P. 1–31. DOI: 10.1093/poq/nfr037.

Schuman H., Corning A. The Conversion of Generational Effects into Collective Memories // *International Journal of Public Opinion Research*. 2017. Vol. 29, Iss. 3. P. 520–532. DOI: <https://doi.org/10.1093/ijpor/edw012>.

Schuman H., Scott J. Generations and collective memories // *American Sociological Review*. 1989. 54. P. 359–381.

Scott C. Measuring Social Value // Museum management and marketing. London ; New York, 2007. P. 181–194.

Shin H., Park S. H., Sonn J. W. The Emergence of a Multiscalar Growth Regime and Scalar Tension: The Politics of Urban Development in Songdo New City, South Korea // Environment and Planning C: Government and Policy. 2015. Vol. 33, no 6. P. 1618–1638.

Strangleman T., Rhodes J., Linkon S. Introduction to Crumbling Cultures: Deindustrialization, Class, and Memory // International Labor and Working-Class History. 2013. 84. P. 7–22. DOI: 10.1017/S0147547913000227.

Sturken M. Memory, consumerism and media: Reflections on the emergence of the field // Mem. Stud. 2008. 1. P. 73–78.

Swensen G., Skrede J. Industrial heritage as a culturally sustainable option in urban transformation. Form Akademisk-forskningstidsskrift for design og designdidaktikk. 2018. 11 (6).

Sztompka P. 'Cultural Trauma: The Other Face of Social Change' // European Journal of Social Theory. 2000b. 3 (4). P. 449–66.

Sztompka P. Looking Back: The Year of 1989 as a Cultural and Civilizational Break // Communist and Post-Communist Studies. 1996. 29 (2). P. 110–123.

Sztompka P. Trauma wielkiej zmiany. Społeczne koszty transformacji (Trauma of a Great Change. Social Costs of Transformation). Warszawa : ISP PAN, 2000a.

The long shadows of the difficult past? How young people in Denmark, Finland and Germany remember WWII / K. Wolnik, B. Busse, J. Tholen, C. Yndigeg, K. Levinse, K. Saar, V. Puuronen // Journal of Youth Studies. 2017. 20 (2). P. 162–179. DOI: 10.1080/13676261.2016.1206866.

Trubina E. International events in the non-capital post-soviet city: between place-making and recentralization // Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. 2012. Vol. 1, no 2. P. 231–253.

Trubina E. Manipulating Neoliberal Rhetoric: Clientelism in the Run-up to International Summits in Russia // European Urban and Regional Studies. 2015. 22 (2). P. 128–142.

Trubina E. Past Wars in the Russian Blogosphere: On the Emergence of Cosmopolitan Memory // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2010. № 4. P. 63–85.

Tuan Y.-F. Space and Place: The Perspective of Experience. Mineapolis : University of Minnesota Press ; London : Edward Arnold's, 1977. 227 p.

Tucker B., Rose-Redwood R. Decolonizing the Map? Toponymic Politics and the Rescaling of the Salish Sea // Canadian Geographer. 2015. Vol. 59, № 2. P. 194–206.

Vandyshev M., Veselkova N., Pryamikova E. Temporal regimes in young post-soviet towns // Historia@Teoria. 2017. 3 (5). P. 67–83.

Vanke A. Body, Memory and Emotions of Male Members of the Army with Direct Experience of War // Collective Memories in War / ed. by E. Rozhdestvenskaya, V. Semenova, I. Tartakovskaya, K. Kosela. London : Routledge, Taylor & Francis Ltd. 2016. P. 176–187.

Verzijl A., Hoogesteger J., Boelens R. Grassroots scalar politics in the Peruvian Andes: Mobilizing allies to defend community waters in the Upper Pampas watershed // *Water governance and collective action*. Routledge, 2017. P. 34–45.

Veselkova N. Biographical method as a methodological tradition in Russia: a review of projects and publications // *Социологическое обозрение / Russian Sociological Review*. 2021. № 1. P. 202–228.

War museums as agonistic spaces: possibilities, opportunities and constraints / A. C. Bull, H. L. Hansen, W. Kansteiner, N. Parish // *International Journal of Heritage Studies*. 2019. № 25:6. P. 611–625. DOI: 10.1080/13527258.2018.1530288.

Wieviorka O. Divided Memory: French Recollections of World War II from the Liberation to the Present. Stanford : Stanford University Press, 2012.

Winter J. Sites of Memory and the Shadow of War // Erll A., Nunning A. (eds.). *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin : De Gruyter, 2008. P. 61–74.

Wydra H. “Generations of Memory: Elements of a Conceptual Framework” // *Comparative Studies in Society and History*. 2018. 60 (1). P. 5–34. DOI: 10.1017/S0010417517000391.

Xu L. D., Xu L. E., Li L. Industry 4.0: state of the art and future trends // *International Journal of Production Research*. 2018. 56:8. P. 2941–2962. DOI: 10.1080/00207543.2018.1444806.

Yablon N. Remembrance of things present: the invention of the time capsule. Chicago : The University of Chicago Press, 2019. 384 p.

Zukin S. Landscapes of power: from Detroit to Disney World. University of California Press, Berkeley, 1991.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭС — атомная электростанция

АУЖД — Алапаевская узкоколейная железная дорога

БАЭС — Белоярская атомная электростанция

ВСМПО — Верхнесалдинское металлургическое производственное объединение

ГО — городской округ

ГРЭС — государственная районная электрическая станция

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза

НТП — научно-технический прогресс

ОО — образовательное учреждение

ПАО — публичное акционерное общество

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ТОСЭР — Территория опережающего социально-экономического развития

ТЮЗ — Театр юного зрителя

ИЗО (Музей) — Музей изобразительный искусств

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Алапаевск 26, 27, 29, 34, 36, 48, 61, 64–67, 76, 77, 80, 82, 90, 91, 98, 104, 108, 109, 122, 123, 131–137, 140, 161–169, 179, 195, 197, 198, 200, 203, 204, 213, 219, 221, 222
- «алапаевские мученики» 64, 187
- алапаевский художественный феномен 62, 63, 179, 180
- Ассман, Алейда 15, 19, 21, 23, 25, 48, 77–81, 86, 101, 102, 108
- Ассман, Ян 15, 16, 18, 19, 23, 97
- Аффект, аффективность 23, 203, 210
- аффективное сообщество памяти 109, 195
- Бауман, Зигмунт 13, 44, 78
- Беньямин, Вальтер 26, 78, 86
- Биеннале 52
- Бобрихин, Андрей 62, 63
- Будущее 6–9, 33, 40, 70, 78, 79, 89, 91, 98, 123, 142, 151, 152, 154, 161, 166, 167, 219, 223, 225
- Верхняя Пышма 207–210
- Верхняя Салда 28, 34, 49, 80, 106, 130, 186, 187, 202, 205, 213
- Городилина, Вера 62, 162, 179
- Гурвич, Жорж (Георгий) 13, 14, 78
- Деиндустриализация 5, 8, 36, 38, 40, 41, 46, 47, 61, 163
- Добрянка 7, 28, 30, 34, 42, 80, 84, 139
- Дубин, Борис 102, 111, 125, 168, 171
- Екатеринбург 43, 45, 50, 52, 54, 60, 63, 71, 77, 96, 104, 113, 127, 169
- Зукин (Zukin), Шарон 36, 48, 121, 171, 212
- Заречный 28, 34, 44, 69, 80, 81, 85, 95, 96, 157, 158, 162, 166
- Здравомыслов, Андрей 12
- Златоуст 26, 27, 29, 30, 34, 42, 43, 48, 70–72, 80, 106–109, 131, 136, 140–142, 156, 163, 165, 169, 190, 203, 204, 220, 221
- Индустриальность 6, 27, 28, 38, 47–49, 51, 58, 60, 67, 68, 71, 72–74, 79, 82, 117, 130, 132
- Индустриальное общество 39, 79
- Калинин, Михаил 42, 83, 92, 94, 95, 104
- Камерон, Дункан 175
- Капсула времени 33, 110, 154–156, 158
- Коннертон, Пол 25
- Краснотурьинск 38, 61
- Курган 40, 53
- Леви, Патрисия 11, 15, 16, 19
- Лефевр, Анри 6, 40
- Малинова, Ольга 23, 101, 108

- Масштабы 23, 63, 68, 72, 124, 183, 203, 211, 224
- Меморативный ландшафт 171, 205, 222
- «Мемориал» 15, 88
- Ментальные карты 9, 33, 129, 130, 132, 225
- множественные 137, 142
  - сингулярные 132, 134, 136, 142
- Места памяти 9, 20, 22, 25, 34, 49, 50, 51, 67, 90, 97, 107, 114, 129, 132, 141, 147, 169, 172, 173, 177–179, 199, 210, 222, 223–225
- Модерн 48, 77–80
- Мосс, Марсель 13–14
- Музей 28, 49, 59, 62–66, 100, 103, 135, 144, 147, 162, 169, 170–174, 176–177, 179, 186
- корпоративный 103, 211–222
  - краеведческий 62, 144, 171, 179, 180, 181–183, 186–190, 191
  - образовательной организации 103, 109, 194, 211
- Музеология 178
- Мультишкалярность 23, 24, 63, 70, 81, 105, 114, 170, 223
- «Неудобное прошлое» 101, 102
- Нижний Тагил 43, 84
- Нора, Пьер 14, 18, 19, 20, 22, 23, 25, 129, 173, 223
- Памятник 7, 8, 52, 58, 64–67, 77, 98, 102–109, 122–123, 133–136, 171, 179–182, 187
- Память
- автобиографическая 112
  - вернакулярная 24, 178, 224
  - городская 106, 114, 158
  - индустриальная 8, 18, 47, 75, 77, 79, 80, 81, 83, 90, 98, 99
  - коллективная 13, 15, 16, 18, 49, 112
  - коммуникативная 13, 16, 17, 18, 22
  - короткая 8, 80
  - культурная 13, 16–18, 22, 97
  - медиапамять 97, 102
  - милитаризованная 101, 103
  - о войне 9, 22, 24, 77, 87, 92, 102, 103–108, 117–124, 147, 152, 153, 156, 157, 163, 167, 168, 169, 173, 185, 196, 198–200, 211, 214, 217, 224
  - поколенческая 15, 20, 26, 75, 111, 116, 124
  - постпамять 105
  - семейная 13, 15, 20, 81, 100, 120, 168
  - социальная 11, 13, 14, 19, 20, 26, 47, 115, 129, 143, 222
- Перестройка 12, 44, 88, 100
- Пермь 52–54, 113, 158
- «Покаяние» (х/ф, реж. Т. Абдуладзе) 12, 17
- Поколение, поколенческий 6–10, 15–16, 18, 20, 26, 30, 33, 39, 60, 73, 75, 77, 88, 93, 95, 100, 109–114, 118, 119, 121, 123–127, 130, 131, 140, 141, 143, 145, 146, 149, 151, 153–156, 161, 164, 165, 167, 168, 176, 178, 190–194, 211, 220, 221
- Ревитализация 8, 41, 49, 51, 59
- Реиндустриализация 5, 8, 38, 40, 50, 61, 163
- Рекрутинг 30, 31
- Репина, Лорина 15, 16, 19
- Рикёр, Поль 16, 19, 22, 23, 25
- Сатка 28, 29, 30, 34, 40, 43, 49, 50, 54–59, 67, 73–75, 80, 120, 138, 148–150, 152–155, 161, 169, 199, 208, 215, 217, 219, 221, 224
- Свердловская обл., Свердловск 10, 26–28, 37, 39, 43, 62, 63, 67, 96, 106, 113, 157, 179
- Серов 26, 27, 29, 34, 37, 49, 67–69, 80, 106, 116, 121, 130, 131, 132, 145–147, 173, 180, 196, 199, 205, 221

- Событийные ряды 8, 9, 32, 33, 69, 110, 114–118, 120, 124, 125, 167, 178, 192, 224
- Современное искусство 49, 52, 54, 55, 75, 175
- Соликамск 24, 26, 28, 30, 34, 71, 75, 80, 84, 99, 106, 109, 124, 133, 155, 162, 169, 179, 180–183, 185–187, 201, 204, 205, 213, 214, 218–221, 223, 224
- Сысерть 59, 60
- Темпоральный 5, 8, 9, 16, 26, 70, 78, 86
- порядок 77–80, 83, 148
- режим 48, 78, 79, 80, 82
- Тоффлер, Элвин 79, 80
- Травма, травмированность 8, 46, 47, 57, 63, 80, 82, 89, 90, 95–98
- Трубина, Елена 52, 59, 78, 80
- Уинтер (Winter), Джей 25
- Урал 5, 26, 28, 37, 39, 40, 42, 43, 48–50, 52–54, 59, 60, 62, 63, 69, 81, 82, 84, 88, 104, 111–113, 116, 126, 149, 155, 164, 175, 177, 179, 185, 187, 196, 198, 199, 203, 209, 210, 211, 212, 218, 222, 225
- Февр, Люсьен 11
- Федоров, Николай 174
- Хальбвакс, Морис 13–16, 18, 21, 23, 81, 111
- Хаттон, Патрик 13–16, 19, 21, 22
- Царские дни 64, 123, 133
- Чайковский, Петр 62, 64–66, 76, 162, 179, 180
- Челябинск 26, 27, 37, 39, 43, 53–57, 113, 144, 156
- Шмит, Федор 185
- Штуркен (Sturken), Марита 19
- Шуман (Schuman), Говард 112
- Экология 123, 141
- Эппле, Николай 24, 101
- Go-along (мобильное) интервью 6, 29, 30, 34, 69, 92, 108, 225

Научное издание

Вандышев Михаил Николаевич

Веселкова Наталья Вадимовна

Прямикова Елена Викторовна

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ: МАСШТАБЫ И МНОЖЕСТВЕННОСТЬ

Монография

Редактор *Т. А. Федорова*

Корректор *Т. А. Федорова*

Компьютерная верстка *В. К. Матвеев*

Подписано в печать 15.04.2022. Формат 70 × 100 1/16.

Уч.-изд. л. 16,9. Усл. печ. л. 21,2.

Гарнитура Minion Pro, Myriad Pro.

Бумага офсетная. Тираж 300 экз. Заказ 52.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.

Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20

Факс +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

<http://print.urfu.ru>

Для заметок
